АЛТАЙ

4 1965

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙ

625861

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОГО КРАЕВОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Фонд краеведения

65 г.

4(35)

АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАРНАУЛ
1965

АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ
гор. Барнаул
БИБЛИОТЕКА

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

В номере:

Новая повесть Ивана Кудинова „...Возможна гроза".

Стихи поэтов Горного Алтая — Аржана Адарова, Константина Козлова, Лазаря Кокышева, Георгия Кондакова, Эркемена Палкина, Сазона Суразакова, Владимира Башунова.

Александр Демченко — „В краю легенд".

Страницы истории родного края.

Слово о творческом пути С. Есенина.

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

Иван КУДИНОВ

ПОВЕСТЬ

Глава первая

1

Я долго жил среди взрослых.
Я видел их совсем близко.

Сент-Экзюпери.

Отец шел быстро, чуть заметно прихрамывая. Он уже давно бросил костыли, нога зажила, кости срослись, но хромота, как бы на память, осталась. Врачи утверждают: пройдет. И только одного врачи не обещают — возможности вернуться в авиацию. Дома избегают разговоров на эту тему. Но отцу от того все равно не легче. «А как же Мересьев? — думает Женька. — Смог ведь он вернуться в авиацию. И воевал! И даже героем стал! Отец тоже героем стал. Ну, не совсем героем, но все же...»

Женька пытается оправдать отца. Хотя никому и в голову не придет в чем-то его упрекать. Наоборот. Но все равно Женька ищет оправдание. И не поступкам отца (они в том не нуждаются), а тому незавидному положению, в котором оказался отец. Инвалид. Это звучало по отношению к отцу странно и оскорбительно. Иногда, заслышав гул самолета, отец вздрагивал, скулы его слегка бледнели, и он, запрокинув голову, долго и напряженно смотрел в небо, разлинованное серебристыми полосами. После этого отец становился мрачным и раздражительным, словно обнажился в нем какой-то нерв и остался неза-

Электронная библиотека АКУНБ. elib.altlib.ru

щищенным. Все валилось у него из рук. Он много курил, много молчал и ходил, ходил из угла в угол, сильно припадая на правую ногу. Когда отец расстроен или чем-то взволнован, хромота особенно заметна. Но стоит ему успокоиться, взять себя в руки, и шаг становится твердым, походка ровной.

Они идут рядом.

— Смотри там, — говорит отец, — будь осторожен...

— Ладно. Постараюсь.

— Все взял? Плащ не забыл?

— Нет. Я его в рюкзак запихал.

— Хм!.. Запихал...

— Положил, — улыбнулся Женька. Эта отцовская непримиримость к коверканью языка знакома ему с давних пор. Женька закидывает поудобнее за спину плотно набитый всякой всячиной рюкзак и старается идти прямо, не горбясь.

Они идут рядом, шаг в шаг, отец и сын, — первый чуть пониже ростом и пошире в кости, второй высокий и не сложившийся еще как следует, с крупным и будто надвое рассеченным подбородком, бровастый и по-мальчишески угловатый. Мальчик. Совсем еще мальчик, но все-таки уже взрослый мальчик. Отец смотрит на Женьку, вздыхает и думает... о себе. О себе прежнем, семнадцатилетнем, когда ему пришлось взять на плечи непосильный груз... Он помнит, как по ночам опрокидывалось на него всей своей тяжестью небо, он проваливался в его бесконечную пустоту. И не было над головой спасительного парашюта, только небо, как громадный купол, колыхалось над ним, и земля неслась навстречу. Но он не успевал испытать ни страха от этого полета, ни боли от падения, может быть, потому, что вовремя просыпался. Это были мучительные, трудные и однообразные сны. А днем он снова бросался вниз головой с километровой высоты, и земля, мчавшаяся навстречу, уже не казалась такой страшной, как в сновидениях. В семнадцать лет он был курсантом летного училища. Потом стал пилотом. Фронтовиком. Солдатом.

Он смотрел сейчас на сына и думал о себе, прежнем, и это было равносильно тому, что мысли его были о сыне, о его мальчике, которого он провожал в первый самостоятельный путь. И ему хотелось одного... Впрочем, что об этом говорить — все отцы хотят, чтобы сыновья повторяли их в лучшем качестве. И чтобы они обязательно достигли того, чего не удалось отцам...

Надо было как-то напутствовать, очень важные слова сказать, а слова были обычные. И разговор выходил обычный.

И они надолго замолчали. Улица неслась им навстречу — потоком машин, человеческими голосами, улыбками, шорохом влажных после ночного дождя тополей... Асфальт сверкал под солнцем и, просыхая, дымился. С грохотом переламывались на повороте трамваи, вагоны двигались под углом, высекая из проводов трескучие искры...

Потом они сели в автобус, который каждое утро в восемь пятнадцать уходил с площади в аэропорт. Отцу уступили место. А Женьку

Электронный архив библиотеки МГПУ, elib.altb.ru

оттеснили в угол, и чей-то локоть больно упирался ему в бок. Блестели пилотские кокарды.

Ехали летчики — молодые, веселые и безудержно остроумные. Женьке всегда казалось, что в таком необычном автобусе и разговоры должны быть особенные — о каких-то исключительно сложных полетах, о высшем пилотаже, о новых самолетах, об авиации вообще... Ведь летчики едут. Вот они. Рядом. И чей-то локоть больно упирается Женьке в бок.

— Фу, черт! Какая сегодня духота. С утра.

— Вчера мы карасей ловили на Круглом озере...

— Наловили?

— Десятка полтора.

— Крупные?

— Н-нет... так себе. Мелочь.

— Ха-ха-ха!.. Не выйдет из тебя, Скрынкин, рыбак.

— Почему?

— Врать не умеешь.

Разговоры сверхобычные. О рыбалке. О футбольном матче: «Ни за что не назначил бы пенальти!..» О последней поэме Евтушенко. А здорово он сказал: «Стоит все терпеть бесслезно, быть на дыбе, колесе, если рано или поздно прорастают лица грозно у безликих на лице...» Опять о Скрынкине говорили, который, когда проигрывает в шахматы, так теряется, что начинает двигать коня по прямой.

Женька поискал глазами Скрынкина, но лицо его «не проросло» из множества других лиц, одинаково веселых, смеющихся, оживленных. Женьке была знакома только фамилия Скрынкина, с которым предстояло сегодня лететь в горы, а самого Скрынкина он не знал и ни разу не видел. Отец говорил, что прежний пилот отказался летать в горах. Женьку это удивило. Почему отказался? А вот так и отказался: не могу, говорит, летать в горах, где угодно буду летать, а в горах — нет. Может, не хотел? Может, и не хотел. Все равно отозвали. С этим не шутят. А Скрынкин? Отец подумал и ответил: Скрынкин дисциплинированный. Подумал еще и добавил: спокойный.

...Автобус был новенький, со сквозной стеклянной крышей. Утреннее незамутненное небо текло над головой — если смотреть только вверх, сквозь стеклянную крышу, кажется, что не в автобусе находишься, а в кабине самолета.

Город кончился, и автобус побежал ровным зеленым полем, таким ровным, зеленым и огромным, что на нем можно было бы разместить добрую сотню футбольных площадок. Автобус резво и долго катился по этому полю, потом с разбега нырнул в ложок и, отфыркиваясь, вынырнул на другом его берегу... Промелькнул березовый лесок. А тут и аэропорт показался. Издали он был похож на большущий корабль — над крышей продолговатого здания возвышалась деревянная надстройка и мачты антенн.

Автобус остановился. Женька вышел и подождал отца. Гулкие металлические ступеньки вели наверх, в надстройку, где располагалась

Электронная библиотека ЧГУНБ, elib.altgu.ru

диспетчерская. Женька поднялся следом за отцом. Отец открыл окно, снял китель и повесил на ручку сейфа. Включил вентилятор. Прохладнее от этого не стало. Тополевый пух залетал в рубку, кружился, оседал на приборы. Пух набивался в каждую щель, нетающими сугробами лежал вдоль дорожки.

Когда самолеты взлетали, пух долго и суматошно вихрился над аэродромом.

— Надо бы других деревьев побольше сажать, — сказал отец. — Этот пух... Дышать нечем.

— Тополь красивое дерево, — возразил Женька. — И растет хорошо.

— То-то и оно, что ухаживать за ним не надо. Садись, чего стоять. Полетите еще не скоро, часа через полтора. Скажут потом.

Женька сел в винтовое кресло. Достал книгу, чтобы не мешать отцу, раскрыл и прочитал первые строчки: «Человек выделился из животного мира приблизительно миллион лет назад...» Совсем недавно! Женьку глубоко занимал этот вопрос. Он много читал. Докапывался. И думал: а в какой степени и в чем человек остался на уровне или почти что на уровне своих далеких предков?.. Удивительно! Значит, эволюция продолжается? Школьный историк Виссарион Иванович, грубоватый и прямой человек, любил повторять: «Ах, как много еще в нас от животных!..» Он это с особым смаком говорил, когда кто-либо из учеников допускал непростительную глупость. Женька не любил историка за то, что он, близорукий и ехидный, умудрялся узреть в человеке «что-то от животного...» Это вызывало протест. Женька горячился. Спорил. Доказывал: «Но как же тогда, Виссарион Иванович, такие слова понимать: в человеке все должно быть прекрасным?» Историк снимал очки, протирал носовым платком, близоруко щурился и твердо, чуть даже насмешливо опровергал: «Должно. Понимаете: дол-ж-но! А это еще не означает, что все уже прекрасно. Отнюдь! Передовые люди всегда стремились к этому, боролись...» Женьке тоже хотелось быть передовым и бороться. И он вдруг делал для себя открытие, что его неприязнь к историку необоснованна и, более того, античеловечна. А поэтому он должен во имя чего-то большого побороть в себе это «античеловечное» чувство... Он боролся добросовестно и упорно, но полюбить историка никак не мог. «Как же так?» — сокрушался и страдал Женька. Он много читал и слышал о доброте великих людей. В биографиях об этом так и пишут: «Он любил людей». Пушкин любил людей. Маркс любил. И Ленин тоже любил. Но каких людей? Не может же быть, чтобы Пушкин любил всех людей без разбора. Иначе бы он не погиб на дуэли.

Женька закрыл книгу, прищемив между страниц палец, и посмотрел на отца.

— Томишься? — сказал отец. Лицо у него было сосредоточенное, с печальной и строгой складкой у рта. Вот уже несколько месяцев отец работал диспетчером в аэропорту. А был он до этого летчиком, и летать бы ему еще долго, долго.

Электронная библиотека Витебского облисполкома

...Жили они тогда в небольшом городке. Странный и удивительный это был городок, низкий, деревянный, с похилившимися заборами, вдоль которых буйствовала «дурная» крапива... Оказывается, есть еще и другая крапива, мелконькая, с резными листочками, но злости и «дурости» в ней ничуть не меньше... По улицам города разгуливали нахальные длиннорогие козы. Их было множество. Машины уступали им дорогу. Козы ходили с деревянными «хомутами» на шее — это чтобы не лезли куда не следует. Но козы проникали всюду, прыгали через заборы, врывались в чужие дворы и даже в зрительный зал единственного в городе кинотеатра. Мальчишки враждовали с этим рогатым племенем и, естественно, с их крикливыми хозяйками. Но это, так сказать, одна часть города. Вторая его половина — большие кирпичные дома, отсутствие заборов и крапивы, стадион, а главное, в двух-трех километрах от этого района широко и вольно раскинулась степь. Туда уходили мальчишки и пропадали целыми днями, чувствуя себя с птицами наравне... Говорят, что без этого чувства мальчишки плохо растут. Может, это и так. Вполне возможно.

А воздух над степью то и дело взрывался сокрушительным низким гулом, и сигарообразные машины устремлялись ввысь.

Они вычерчивали на голубоватом ватмане неба точные геометрические фигуры, размашисто писали и, наверное, каждый летчик имел свой почерк... По крайней мере, Женька был уверен в этом. И он узнавал по «почерку» отца и говорил мальчишкам уверенно: «Это отец». Отец был хорошим летчиком. Отличным. Классным. Но Женька говорил друзьям: «Отец, будь здоров, как летает... Экстра-класс!» И это не было хвастовством. Потому что об этом и другие говорили. Мальчишки чуточку завидовали Женьке и считали его будущее ясным — авиация. Женька пожимал плечами.

Тот день, когда это случилось, Женька помнит отчетливо. Было жарко. Цветы в палисадниках и листья на деревьях сварились, будто их кипятком облили. Пыль на дороге накалилась, нельзя было на нее ступить. Женька вернулся домой, лег на диван. Он в том году закончил восьмой класс и чувствовал себя уже взрослым. Наверное, и отец считал его взрослым. Как-то он спросил: «Что ты думаешь делать дальше? После школы. Пора, брат, думать. Как ты относишься к авиации?» — «Положительно», — сказал Женька» — «То есть? Конкретнее». Об этом отец никогда не спрашивал, теперь, видно, время настало, и он хотел знать, что думает об этом сын и чему он собирается посвятить свою жизнь. «Понятно, — сказал Женька. — Но я тебя должен разочаровать: летчиком я не стану». Отец засмеялся. Видно, Женькины слова его разочаровали. «А почему ты решил, что я именно этого хотел от тебя? — спросил он. — Сыну вовсе не обязательно идти по стопам отца...»

Женька лежал на диване и вспоминал этот разговор. Зазвонил телефон. Сначала он не хотел вставать. Но телефон звонил настойчиво, Женька встал, снял трубку и услышал голос матери:

— Женя...

Голос ее дрожал и прерывался.

— Женя, — сказала мать, — ты, пожалуйста, приезжай поскорее ко мне. Нужно. Очень нужно. Поскорее приезжай... Сейчас же!..

— Хорошо, — сказал он озадаченно. — Но что случилось?

— Приезжай...

— Хорошо. Но...

Мать положила трубку. Что-то тревожное было и в ее голосе, и в недосказанности. Словно что-то ее стесняло, удерживало, и она не могла сказать по телефону то главное, ради чего просила его немедленно к ней приехать. Женька мог представить все, что угодно, пока бежал до поликлиники, где работала мать. Все, что угодно, но не это... Этого он не мог представить! Он открыл дверь и молча посмотрел на мать. Она встала, держась за кромку стола обеими руками, будто боялась упасть. Женька видел, как побелели ее пальцы, которыми она сжимала кромку стола. Потом он увидел, что мать не одна в кабинете, кроме нее тут было еще трое или четверо, нет, кажется, трое.

Он стоял и молча смотрел на мать.

— Женя... Проходи, — сказала она каким-то ужасно изменившимся голосом. — Сядь.

Он не прошел. И не сел.

— Женя... Наш папа...

— Мама! — крикнул он. — Что случилось? Говори! Говори! Сейчас же говори!..

— Успокойся. Ничего страшного, — это кто-то другой сказал, не мать. — Ничего страшного. Отец лежит в больнице. Все обошлось благополучно. Авария была...

С этой минуты Женькина жизнь как бы раскололась на две части— одна из них осталась позади, в прошлом, и это прошлое было таким близким и ощутимым, что если бы время пошло назад, через минуту Женька уже оказался бы в этом прошлом. Но время шло только вперед, и с этим надо было считаться.

...Еще он помнил ослепительную белизну палаты, в которой лежал отец. Он увидел отца сразу же, как только открыл дверь. Он остановился в нерешительности, не сводя глаз с отца и не замечая, как сползает с плеч халат. И только одна мысль, острая и пронзительная, билась в голове: «Жив!.. Жив! Жив!..»

Отец был жив. Он лежал на спине. Глаза его были открыты. Голова забинтована.

— Подойди, Евгений, — тихо сказал отец. Он был жив, он говорил. И время шло вперед. И не надо, чтобы оно возвращалось. Отец был весь с ног до головы забинтован и загипсован. Казалось, не осталось живого места на нем. Только глаза у него были живые, невредимые, прежние. Женька подошел к отцу, и отец улыбнулся. Улыбка получилась виноватой, какой-то болезненной.

— Как же так? Папа...

— Так вот... — сказал отец. — Ничего, Евгений, ничего. Я не мог

Электронная библиотека АКЗ elib.by

иначе... А машина отличная. Пустяк подвел. Точно тебе говорю: пустяк. Я сам виноват.

Женька не понял, в чем заключалась вина отца. Утром он купил целую пачку газет: там рассказывали со всеми подробностями об этом случае и даже портрет отца напечатали. Он показал газету отцу. Отец поморщился: «Я уже видел. Ни к чему это. Представляешь, каков бы я был, если бы оставил машину над городом! Ну, да, врезалась бы она в улицу и натворила дел... А?»

Но тогда бы отец не лежал здесь. Ведь у него было время оставить машину... Было!

...Отец долго лежал в больнице. Потом он, когда выписался, почти каждый день, опираясь на костыли, уходил в сторону аэродрома... Оставаться в этом городе было невыносимо. И вскоре они уехали. Отец поправился. Некоторое время он работал механиком на номерном заводе. Работа интересная, спокойная, но отец заскучал, заскучал и вскоре уволился, сказав, что уходит в аэропорт. Диспетчером. Это все же ближе к самолетам, к авиации и к самой возможности снова летать. Отец верил в это, иначе жить ему было бы незачем. Женька тоже верил: полетит еще отец! А мать и слушать об этом не хотела: хватит с него, налетался.

...Женька сидит сейчас напротив отца, поглядывает на него сбоку, потом переводит взгляд на залитые солнцем стекла — сквозь них хорошо видна взлетная полоса и видно, как кружится над взлетной полосой и медленно оседает белый тополевый пух. Женька молчит и думает о том, что жизнь в общем-то разделена на две части — прошлое и будущее. А настоящее? Настоящее — это миг, мгновение. Это итог прошлого и залог будущего.

Рубка имела круговое обозрение: если смотреть прямо, видно, как взлетают и идут на посадку самолеты, а слева — город: частокол заводских труб, телевышка, элеватор, как небоскреб, вознесшийся над городом... Отличные ориентиры! Справа метеоплощадка, авиамастерские, из серых полукруглых «боксов» торчат каркасы разобранных самолетов. Чуть поодаль строго по ранжиру, как на параде, выстроились маленькие приземистые «яки».

— Наверное, это самая маленькая машина, да, пап? — спросил Женька. — Наверное, меньше и нет, да?

— Самая дрянная машина, — уточнил отец. — Полтысячи километров без заправки не пройдет... Непрактичная машина.

— Ну, да? — удивился Женька. — А зачем же их выпускают? Отец не успел ответить, в рубку ворвался отчетливый голос:

— Семьсот первый просит взлет.

Отец как-то весь подтянулся, преобразился, словно это ему предстояло сейчас вести «семьсот первый» и совершить на нем сложнейший полет.

— Семьсот первый, — спокойно, даже весело отозвался отец, — взлет разрешаю!

Видно было, как по зеленому полю разбежался самолет, поблески-

вая крыльями, оторвался от земли, косо прошел над аэродромом и вдруг, круто забрав вверх, ушел из поля зрения. Испарился. Только на экране пеленгатора подрагивал голубой лучик, показывая направление «семьсот первого». Да на схеме «штормового кольца» одна за другой вспыхнули три красные лампочки. Предупреждение: где-то нелетная погода. Вчера схема бездействовала, погода во всех районах была ясная.

— Досидимся мы тут, — вздохнул Женька нетерпеливо и встал.— Пойду.

Как будто от него что-то зависело. Отец взял Женькину руку и потискал в своей ладони, как бы говоря: не волнуйся, все будет хорошо, отлично. Но сам волновался не меньше.

— Напиши, как начнешь работать, — сказал отец.

— Ладно.

— Ну... счастливо. Старайся.

— Ладно. Постараюсь. Напишу.

Женька сбежал по металлическим ступенькам. Солнце стояло еще невысоко, и длинная тень от большого тополя протянулась к взлетной полосе. Рейсовый автобус шел по ней, как по дороге. Второй автобус стоял под тополем, будто на старте, и какой-то возбужденный, встрепанный парень в шляпе, съехавшей набок, отчаянно пытался в чем-то убедить дежурную, решительно и неприступно загородившую проход. Судя по всему, положение парня было незавидным, но он не терял надежды.

— Позвольте, как же так?.. — и не было в его голосе ни возмущения, ни обиды, а только удивление и просьба. — Как же так? — удивлялся он. — Мне же лететь... Обязательно! Понимаете?

— Улетите следующим рейсом, — сказала дежурная. — Вот протрезвитесь и улетите.

Подошел пилот, в тщательно отутюженном форменном костюме, с красивым желтым портфелем в руке.

— Ну, чего шумишь? — спросил он.

— Разве я шумлю? — сказал парень. — Я законно... с билетом. Вот, пожалуйста.

— Сказано нельзя — стало быть, нельзя.

— Но...

— Никаких «но».

— Но послушайте...

— И слушать не хочу. Пьяных не возим.

Парень захохотал, откинув голову, шляпа у него ползла, ползла с головы и упала.

— Послушайте, — сказал он, все еще смеясь, — я же не пьяный. Я счастливый.

— Не валяйте дурака, — строго сказал пилот.

— Да я вам точно говорю: счастливый.

— Не валяйте дурака, — повторил пилот, сердито тряхнув портфелем. Но парень не унимался:

Электронная библиотека ОГБ, elibrary.by

— Не верите? Смотрите: вот телеграмма.

— Ну и что, что телеграмма?..

— Представляете, два сына родились!.. Двойня! Богатыри! А жена у меня год назад институт закончила. То есть, мы вместе закончили... Вот телеграмма: тут даже вес указан... Богатыри!

И он протянул синий отштемпелеванный листок пилоту, и тот долго и внимательно, как какой-нибудь важный документ, читал, беззвучно шевеля губами. Дежурная подняла шляпу, стряхнула с нее пыль и протянула парню.

— Возьми. Голову потеряешь от своего счастья...

— Ну, и что? — сказал летчик, возвращая телеграмму. — Поздравляю, конечно. Но пьяных все равно не положено возить... И что за глупость, — сказал он возмущенно и презрительно, — что за глупость... Пить от горя, от радости, по любому поводу пить... Глупость!

— Глупость, — охотно согласился парень. — Но я самую малость, с друзьями. Провожали. Три года вместе работали. Прощались. Вот и...

Пилот махнул рукой, не дослушав до конца и как бы всем своим видом говоря, что поступает он так исключительно из личных соображений, а в следующий раз, будьте уверены, этого не повторится. Парень благодарно улыбнулся, быстро прошмыгнул мимо утратившей власть дежурной, и автобус тронулся, побежал по теневой дорожке. Женька облегченно вздохнул, довольный, что именно так, а не иначе все это завершилось. Летчик, разумеется, был бы прав, не разрешив лететь парню, но и в то же время он правильно поступил, не оставив его здесь. Женьке стало весело. Бывает же так: какой-нибудь пустяк, одно слово, жест, неосторожное решение могут убить в человеке радость, а бывает, что вроде бы и незначительный случай, а вызовет в душе столько прекрасных чувств и так после этого захочется быть щедрым, отзывчивым, добрым, сильным и непременно совершать благородные поступки...

2

Женька залез в кабину вертолета, сел на откидную скамейку и посмотрел в иллюминатор. Далеко виднелась дорога, и по ней игрушечно маленькие двигались машины. Поближе зеленой кляксой расползался березовый колок, а еще ближе над продолговатой шиферной крышей, как над палубой корабля, возвышалась деревянная надстройка с круговым обозрением. «Прошу взлет...» — сказал Женька, вернее, не сказал, а подумал. И сразу же отозвался отец:

— Взлет разрешаю.

Женька сильно заволновался. Может быть, потому, что представил себе отца не в деревянной надстройке, возвышающейся над шиферной крышей старого аэровокзала, а в кабине самолета.

— Прошу взлет.

— Взлет разрешаю. Разрешаю! Разрешаю!..

До свидания, отец, я верю, что ты еще полетишь. Как прежде.

Электронная библиотека АГУНБ elib.altlib.ru

И даже лучше прежнего. Полетишь! И я постараюсь сделать все, что от меня зависит. Хотя, наверное, зависит от меня немногое. Да и зависит ли от меня вообще что-либо? «Конечно, зависит, — показалось, услышал он голос отца, — очень даже многое зависит. То есть не в прямом смысле зависит, а все же зависит. И я хочу, сын, чтобы у нас с тобой все было хорошо, потому что, когда хорошо тебе, мне тоже хорошо... словом, контакт! Договорились?» Женька кивнул головой, словно отец был здесь, рядом, и снова посмотрел в иллюминатор. И увидел аэродром, уплывающий назад. Деревянный корабль вместе со своими надстройками и мачтами быстро уменьшался в размерах. Потом все это как-то враз заслонилось, потерялось из виду, и Женька почувствовал себя между небом и землей. Все окружающее утратило для него реальную основу и воспринималось абстрактно. Наверное, космонавты, оторвавшись от земли, тоже теряют чувство реальности. Со временем это проходит. И у Женьки прошло. Он смотрел вниз. Внизу лежали пунктирно размеченные улицы — центральный проспект, стадион, вокзал, клуб речников... Он поискал глазами свой дом, нашел и, вздохнув, отвернулся. Сверху город казался незнакомым, чужим. «Все», — сказал себе Женька и не понял, что значит «все». Это слово стучало в висок, пульсировало, оно жило отдельно, само по себе: все, все!.. Для Женьки многое было неясным, даже вот эта поездка куда-то к чертям в горы, где геофизики делают свое дело, вертолетчики — свое. А Женька не имел за душой любимого, настоящего дела, и это как бы лишало его многих прав. Кроме того, он вовсе и не собирался стать летчиком-вертолетчиком, как Скрынкин, или геофизиком, как знакомый отца, от которого несколько дней назад пришло письмо и в отряд к которому Женька сейчас летел. Шраин его фамилия. Шраин писал, что, если «малыш» имеет желание, пусть приезжает на лето... «Малыш» особого желания не имел, но отказать себе в удовольствии побродить по горам не захотел и летел с таким чувством, словно делал кому-то великое одолжение. Там, в горах, его ждут-не дождутся. Без Женьки там все дела, наверное, затормозились, стоят — не двигаются. «Ну, что ж, поработай, — сказал отец, когда письмо Шраина было прочитано и обсуждено на семейном совете. — Полезно». А мать погрустнела: «Ну, вот, и ты улетаешь...»

— Эй!— свесившись из пилотской кабины, кричит бортмеханик Миха, и зубы у него, редкие и крупные, просвечивают, как старый щелястый забор. — Эй, как ты там себя чувствуешь?

— Ничего чувствую...

— Не тошнит?

— Да ну-у!.. — мотает головой Женька.

— Ну, порядок тогда. Горы скоро начнутся. Смотри.

Горы — это впервые в Женькиной жизни. И много такого еще будет, о чем он скажет: впервые. Вообще, наверное, вся жизнь человеческая состоит из этих «впервые», а иначе жизнь потеряла бы интерес.

Женька вспомнил один школьный диспут.

Они долго и тщательно готовились к этому диспуту, читали соот-

Электронный архив библиотеки

ветствующую литературу, подыскивали примеры — один из литературы, другой из жизни... С литературой оказалось проще, литературных примеров хоть отбавляй, а вот из «жизни» никаких примеров вспомнить не удавалось... Программа диспута была разработана заранее, были назначены основные выступающие, задача которых заключалась в одном — задать тон — и они «задали тон», и все потом остались довольны — диспут прошел на славу. Потом даже в газете была заметка о диспуте, и Женькина фамилия упоминалась, была выделена черным шрифтом... Отец прочитал, усмехнулся, очень странно усмехнулся, и так же странно, почему-то с грустью посмотрел на Женьку.

— Да-а! — сказал он, не отводя своего насмешливого испытывающего взгляда, и Женьке отчего-то стало неловко и он покраснел. — Инсценировали заранее, что ли?

Женька дернул плечом и резко ответил: «Нет». Но прошло какое-то время, и Женька понял, что ни черта полезного он не извлек для себя из этого разговора на диспуте, потому что все, о чем они говорили и спорили до хрипоты, было давно известно и бесспорно. И что они могли сказать о себе, о своем понимании счастья, если по-настоящему еще и не успели пережить, обрести или потерять что-то? Ну, что они могли сказать?

В сущности, им нечего было сказать, нечем было поделиться друг с другом.

— А ты как думаешь? — спросил тогда Женька у отца. Отец перестал улыбаться, задумался. А через минуту заговорил:

— Мать! Послушай, мать, ты когда больше всего бываешь счастливой?..

Мать была на кухне, убирала со стола, мыла посуду. Она отозвалась не сразу.

— Слышишь, мать?

— Слышу.

— Ну?

Мать гремела посудой, что-то передвигала и уронила тарелку, та с грохотом ударилась об пол, только осколки...

— К счастью! — засмеялся отец. — Что же ты молчишь?

— Осколки собираю. И думаю.

— Когда ты бываешь счастливой?

— Будешь тут с вами...

— Нет, когда все же ты бываешь счастливой? — настаивал отец.

— Когда ты не летаешь, когда я уверена, что...

— Достаточно. Благодарим. Вот видишь, Евгений,—сказал отец,— а я бываю счастливым только там... Это называется: разложили по полочкам. А главного не сказали. Как считаешь, мать, не сказали главного?

— Нет, — согласилась мать. — Так просто не скажешь! Сложно все это, очень сложно. Иной раз кажется — вот оно счастье, здесь, а оно в другом... Проходит время, а ты счастлив, что именно так, а не иначе жил.

Электронная библиотека АГУНБ elib.altlib.ru

— И многие ошибки себе прощаешь, — добавил отец, — потому что через эти самые ошибки приходишь к истине...

— Умные вы у меня, — сказал Женька.

— Опытные, — уточнил отец.

Но Женька решительно возразил:

— Нет, умные. Опыт не может добавить ума...

— Но умудряет людей, — сказал отец.

Женьке вдруг пришло в голову, что было бы здорово пригласить на диспут отца или еще кого-нибудь из «умудренных» жизнью, опытных людей, и пусть бы они задавали тон, говорили о своем понимании одной из древнейших и никогда не увядающих человеческих тайн — а что такое счастье? в чем оно заключается? и как понять, где настоящее счастье, а где «подделка» под него?..

Женька подумал сейчас о парне, у которого родились два сына, вспомнил его лицо, ошалевшее и возбужденное... Улетел парень к своему счастью. Оно у него живое, конкретное, осязаемое. А куда Женька летит? Может быть, это одна из первых его ошибок на пути к истине? Женька улыбнулся: эх, вы, родители-прародители, собрали сына в дорогу — мешок, сменное белье в мешке, носки, свитер, щетка, мыло. Все есть. А все ли? Разве только этого достаточно человеку, отправившемуся в дальнюю дорогу?

Временами ему казалось, что он хорошо понимает отца, мать, даже этого парня, у которого родились два сына, понимает. Не понимает себя. Наверное, это нелегко — разобраться в самом себе, чтобы потом все было ясно и чтобы знал, чего ты стоишь, чего ты хочешь от людей и что можешь дать людям. Эти мысли вертелись в голове, вернее сказать, не мысли, а только обрывки мыслей, еще не сложившихся как следует и не получивших строгую и четкую определенность.

— Миха! Миха! — позвал Женька. Он не очень-то уютно чувствовал себя, хотелось поговорить с кем-нибудь, хоть одним словом перекинуться. — Миха! — Но Миха не реагировал. Мотор гудел вовсю. Ноги бортмеханика свешивались вдоль металлической лестницы и, как маятники, раскачивались. А голова торчала где-то в пилотской кабине, на уровне плеч Скрынкина, виднелся затылок «под канадку» и два розовых оттопыренных уха, будто Миха все время был настороже и к чему-то прислушивался. Иногда затылок вздрагивал, начинал двигаться и медленно уходил куда-то влево, и тогда Женька видел плечи и спину Скрынкина.

Вертолет шел над горами. Слоевые облака неподвижно белели над вершинами. Женька заметил, что одна вершина остроконечно выросла прямо из облаков, и догадался: облака зацепились и потому неподвижны. Но он не очень был в этом уверен и еще раз окликнул бортмеханика:

— Миха, Миха...

— А? — свесился из кабины Миха и Женьке показалось, что уши у него еще больше покраснели и оттопырились. — Что случилось?

Электронная библиотека Алтайского краевого elibalt.ru

— Почему облака не двигаются? — спросил Женька.

Миха спустился вниз, выглянул в иллюминатор и улыбнулся.

— Какие же это облака, чудак-голова!.. Снег это, а не облака. Не видишь разве?

3

Думалось, будут лететь долго, целый день, а летели всего около двух часов. Это по времени. По ощущениям и того меньше. Казалось— только взлетели и тут же пошли на посадку. Земля косо и крупно пошла навстречу. Мелькнул беленький поселок, речка, какой-то каменный карьер, обрывок дороги и снова тот же беленький, аккуратный поселок... Словно кто-то держал землю в руках, как яблочко, и поворачивал ее то одним, то другим боком. Земля кренилась, раскачивалась и стремительно наплывала. Женька, как-то весь подобравшись внутренне, ждал толчка. Но Скрынкин посадил машину аккуратно. Как только колеса ткнулись в траву, он оторвал вертолет на полметра, покачал его, будто уравновешивая, и уже мягко приземлил. Миха открыл дверку и первым спрыгнул на землю. Солнце ударило в кабину. Оно было необыкновенное, здешнее солнце, и Женька сразу не понял, отчего оно кажется таким. Он спустился следом за Михой, бросил к ногам вещмешок, ноги непрочно его держали, и Женька прошелся немного, чтобы размяться. Огляделся, пытаясь сориентироваться. Только по солнцу можно было сориентироваться на этой земле, и то вряд ли: солнце могло быть сейчас южнее и западнее. Оно было несколько увеличено в размерах, здешнее солнце, и лежало над горой, касаясь белеющего хребта, отчего нижняя его часть казалась срезанной. Оно было не красное, не багровое и, тем более, не какое-нибудь там светло-оранжевое, здешнее солнце. Оно полыхало настоящим, живым пламенем, только, пожалуй, в тысячу раз сильнее и ярче обычного огня. На него невозможно было прямо смотреть, такое оно было ослепительно яркое. И снег, на котором лежало солнце, тоже был ослепительный, белый, без каких-либо цветовых примесей и оттенков. Как будто два этих цвета, столкнувшись, боролись и ни один из них не хотел уступать права оставаться самим собой, и оба в равной степени господствовали высоко над землей...

— Приветствую вас и поздравляю! — еще не дойдя до вертолета, издалека крикнул спешивший сюда мужчина. Он подошел и первому пожал руку Скрынкину. И все улыбался, радуясь или делая вид, что чрезвычайно рад этой встрече. Потом он глянул на Женьку, помедлил немного и пошел на него, не переставая улыбаться, словно считал острой необходимостью всех подряд одаривать улыбками. Он шел и улыбался. И ждать, когда он перестанет улыбаться и что-нибудь скажет, становилось бессмысленно, поэтому, опережая его, Женька сказал:

— Здравствуйте. Вам от отца привет...

— Спасибо, — мужчина подхватил Женькину ладонь где-то в воз-

Электронная библиотека Мегалит. megalitlib.ru

духе, тряхнул и бросил. — Ну, брат, и вымахал ты!.. — восхищенно сказал он, глядя на Женьку снизу вверх.

Сам он был маленький, кругленький — полное круглое лицо, большие и тоже круглые глаза, с круглыми желтоватыми зрачками, круглый подбородок, круглая улыбка и даже слова, которые он произносил, выходили какими-то сглаженными и круглыми.

— Я тебя помню вот таким... — и он показал, каким он помнил Женьку, опустив руку к самой земле. — А теперь ты вот какой!.. — и он поднял руку, едва дотянувшись до Женькиного плеча. — Молодец, что приехал. Мы тебя ждали. Тут у нас настоящая запарка: вертолета не было, рабочего не было, а план был. План у нас всегда есть. Нет, это славно, что вы приехали!..

И пока он все это выкладывал, Женька все больше и больше удивлялся тому, что на него здесь и впрямь возлагаются какие-то надежды. А он ничего не знал и ничего не умел. Надо было сказать об этом Шраину сразу, предупредить, чтобы потом не было никаких недоразумений. Но Шраин уже отошел к Скрынкину, не совсем отошел, а ровно настолько, чтобы чувствовать себя рядом одновременно и с тем, и с другим, и с третьим.

— Хорошо долетели?

— Отлично! — сказал Миха. — Как у вас рыбные дела? Хариусов ловите?..

— Бывает.

Подошел еще какой-то мужчина, поздоровался. Шраин представил его:

— Федор Егорович Крохмалев. Шофер. Абориген. Он тут каждый камень знает...

— Почитай, всю жизнь, с небольшими перерывами, прожил в этих местах — сказал абориген. Женьке любопытно было, что это за «перерывы» случались в жизни аборигена, но повода спросить об этом не было, а разговор уже катился по какому-то новому руслу — говорили о геологах, поселок которых находился неподалеку, о том, что в последние два-три года снегу в горах заметно прибавилось. Лет двадцать назад, по словам аборигена, снега тут почти что и не было...

— Холоднее стало? — спросил Женька.

— Там холодно, — указал абориген на горы, — а тут, у нас, если хочешь, яблочки могут расти.

Он говорил обо всем этом и как бы между делом доставал то из Михиной пачки, то из портсигара Скрынкина папиросы и торопливо одну за другой выкуривал.

Пришли два техника, молодые, и до того похожие друг на друга, что, глядя на них, Женька растерялся — отличить их было невозможно. Техники оказались братьями-близнецами. И Женька, глядя на них, сразу вспомнил парня, у которго родились два сына... Богатыри! Техники были очень серьезны, сдержанны, разговаривали по очереди и не перебивали друг друга.

— Ну, что, — сказал Скрынкин, — пойдем отдыхать?

Электронный архив Олега Акулинина

И летчики отправились в поселок, где приготовили для них комнату. А Женька пошел следом за Шраиным. Они спустились по тропинке к ручью, и Женька, навалившись грудью на камень, напился. Вода захлестывала и обжигала ему лицо. Вода была холоднющая, наверное, потому, что ручей рождался где-то высоко в снежных горах, и зеленоватая оттого, видно, что ручей прежде, чем сойти в долину, пробивался сквозь тайгу... Вода с грохотом катилась по булыжному дну... С одного берега на другой была перекинута гибкая плаха. Они пошли по ней.

Вода грохотала под ногами и неслась дальше, сшибаясь на поворотах.

— Тут мы и живем, — сказал Шраин, — Колумбы двадцатого века... — последнее он явно рассчитывал на Женькино тщеславие.

На площадке, окруженной деревьями, играли в волейбол. Кто-то кричал: «Беру! Гоп!..» И мяч от его рук уходил в аут. И тогда раздавался насмешливый женский голос: «Не говори «гоп», пока не возьмешь...» Сетка была привязана к соснам, а площадка размечена канавками и не очень-то, наверное, соотвествовала стандарту, но никого это, как видно, не смущало. Сражались две неравные команды: с одной стороны двое мужчин и женщина, с другой — женщина и трое мужчин. Один из них, подавая мяч, сопровождал его диким возгласом: «Ложись!» А другой, на противоположной площадке, растопырив руки, орал: «Беру! Гоп!..» И тут же спокойный, насмешливый голос: «Не говори «гоп»...»

Слева от волейбольной площадки выстроились в одну шеренгу четыре палатки — большая, средняя, поменьше и совсем крохотная, двухспальная. Справа, поближе к ручью, стоял продолговатый, грубо и прочно сколоченный стол, окруженный такими же прочными, наспех оструганными скамейками, ножки которых, как и ножки стола, были вбиты в землю. Рядом настоящая кирпичная печь, с плитой и двумя отверстиями в плите — полный комфорт.

— Эй, чемпионы! — позвал Шраин. Семь человек, как по команде, прекратили игру, остановились, посмотрели и молча двинулись в ту сторону, где стояли Шраин и Женька.

— Пополнение, друзья мои, — сказал Шраин. — Прошу любить...

— И не жаловаться? — сострил тот самый мужчина, который кричал «Ложись!» — Как зовут?

— Евгений, — сказал Женька.

— Очень приятно. В волейбол умеешь играть?

— Немного умею, — ответил Женька. У него был второй разряд. Скромность украшает человека.

— Научим, — пообещал тот же мужчина. — Сделаем из тебя стройного юношу... Спортсмена.

— Это наш геофизик, — сказал Шраин. — Олег Васильевич.

— Старший геофизик, — добавила девушка, стоявшая за спиной Олега Васильевича. С этими словами она вышла из-за его спины, как бы открываясь, и Женька ужаснулся — такой она оказалась красивой!

Алтайская краевая юношеская библиотека
Барнаул

— А это наш топограф, — сказал Шраин и предусмотрительно уточнил: — Старший топограф Татьяна Самойлова.

— Видел фильм «Летят журавли»? — спросил Олег Васильевич.— Так вот, наша Таня никакого отношения к этому фильму не имеет...

Женьке вдруг стало все, о чем тут сейчас говорили, безразличным. Голоса как бы отдалились от него, слова потеряли смысл. Он перестал слышать, а видел перед собой только Таню, только Таню Самойлову. Таня тоже смотрела на него. Долго и упорно. И он, внутренне сопротивляясь, никак не мог отделаться, уйти от этого ее упорного взгляда. Собственно, не только она смотрела на Женьку, другие тоже смотрели, но так, как Таня, никто не смотрел. Потом она резко повернулась и пошла вдоль палаток, неслышно и цепко ступая по траве. И Женька все думал о ней, только о ней, вспоминал ее лицо и тонкую, неровную линию рта. Странно: больше всего он запомнил именно эту линию.

4

Поселили Женьку в большой палатке, где жило начальство. Раскладушка, спальный мешок... Женька залез в мешок, застегнул изнутри «молнию» почти до самого подбородка. Было тесно и неуютно.

— Это тебе не человек в футляре, — сказал геофизик Олег Васильевич, — а человек в мешке. Разница! Заметь: человек «в футляре» со всеми своими мещанскими замашками живет где-нибудь на собственной дачке, спит на перине... А человека в мешке где можно встретить? На севере! В горах! В тайге! Это тебе не фунт изюму... Так что лезь в мешок и чувствуй себя первооткрывателем.

— Я уже залез, — отозвался Женька, пытаясь повернуться в мешке с одного бока на другой.

Шраин сидел за раскладным столиком (здесь все было раскладное: койки, столы, табуретки) и что-то записывал в блокнот. Попишет, задумается, покурит немного, положит на кромку стола папиросу и снова пишет, пишет. Авторучка торопливо бегает по бумаге, слева направо, слева направо, поскрипывает, оставляя за собой ровные дорожки строк... Нет, борозды, одна к другой, одна к другой, как будто крохотный плуг бежит слева направо, распахивая бумагу... Чудно! А что он пишет? Когда-то давно Женька побывал в цирке и больше всего запомнился ему иллюзионист. Иллюзионист просил желающих взять карандаш, бумагу и что-нибудь написать. Зрители делали это охотно. А он, маленький и сухонький, как старый гриб, наморщив лоб, поднимал глаза кверху, будто где-то там, под куполом цирка, отражалось написанное, и, восхищая зрителей, уверенно и точно угадывал текст. Женька решил тогда обмануть иллюзиониста. Он водил карандашом по бумаге, делая вид, что пишет, а на самом деле ничего не писал. «Мальчик хитрит, — сказал иллюзионист, — ничего он не написал... Может, он писать не умеет? А может, ему нечего написать?..» Зрители неистово аплодировали, а поверженный и посрамленный Женька с вос-

Электронный архив библиотеки

хищением смотрел на скромно раскланивающегося иллюзиониста, наверное, единственного мудреца на земле, умевшего так безошибочно распознавать и читать на расстоянии человеческие мысли. Его не проведешь, он все насквозь видит и знает. И он запросто мог бы сейчас сказать, о чем думает Шраин и что он там пишет в своем блокноте.

Шраин отложил ручку и, повернувшись к геофизику, сказал:

— А, по-моему, мещанин где угодно чувствует себя хорошо. Случается, что и в спальном мешке... Почему вы думаете, что мещанство непременно поселяется на даче? Ишь какая одиозная фигура — этот дачник!..

— Простите, — иронически отозвался геофизик, — не собираетесь ли вы дачку приобретать? Вопрос: где? В Саянах? Или в Заполярье? А может в районе вечной мерзлоты?..

— Дачу мне не надо приобретать, — сказал Шраин. — Дача у меня, представьте, есть. Вблизи от города, в смешанном лесу... Люблю, знаете, смешанный лес, — говорил он, насмешливо округляя рот, и слова у него выходили опять круглые, но едкие, почти что видимые, как кольца дыма, которые он выпускал изо рта. — А вы, Олег Васильевич, что любите?

— Спальный мешок...

— И все? Негусто!

Геофизик промолчал. Он стоял в проеме палатки, прямые плечи его и плоская спина четко рисовались на сером фоне истлевающего дня. Он повернул голову и через плечо заглядывал на Шраина. И видно было по его взгляду, что он слегка смутился и растерялся.

— Конечно, не каждый обладатель дачи — мещанин. Далеко не каждый, — сказал он после минутного замешательства. — Но чтобы мещанин поехал куда-нибудь на север, в тайгу, в район вечной мерзлоты, этому я никогда не поверю. Ни за что! И тут вы меня не убедите.

Шраин засмеялся.

— Да я вас и не собираюсь убеждать. Сами убедитесь. Только и мещанство, по-моему, не стоит на месте, а со временем прогрессирует, вернее сказать, приспосабливается к прогрессу, видоизменяется. Иной раз простым глазом и не разглядишь...

Голос Шраина становился глуше, как бы постепенно отдалялся и монотонно журчал. Под это журчание Женька незаметно уснул. А когда проснулся, услышал тот же голос. И Шраин по-прежнему сидел за столиком, папироса дымилась на кромке (видно, Женька спал совсем недолго), и геофизик стоял в проеме палатки в той же неловкой позе, глядя на Шраина через плечо. Но говорили они уже о чем-то другом, деловито и спокойно — о каких-то гранитных выходах, характерных для данного района, о радиусах съемок... Женька прислушивался к их разговору, стараясь не уснуть.

— Надо хорошо прозондировать этот район... — говорил Олег Васильевич. — Помните, как в Горной Шории? Настояли и добились своего... И затраты оправдались, еще как оправдались!

Электронная библиотека АКИНБ elib.altlib.ru

— Горная Шория совсем другое, — возразил Шраин. — Там были основания настаивать и добиваться своего. А здесь смутные предположения...

— Разве это не основания?

— Слишком мизерные...

— Все равно...

— ...радиус не тот...

— ...нет...

Женька задремал и снова от какого-то внутреннего толчка, очнулся. Открыл глаза. На этот раз в палатке было тихо и темно. Все спали. Слева геофизик, справа начальник партии Шраин. В углу раскатисто, с присвистом храпел абориген. Женька ворочался, вздыхал, как бы стараясь освободиться от какой-то лишней тяжести, и мысли ворочались в его голове медленные и тяжелые: человек в футляре, человек в мешке... Он подумал, что между этими классическими человеками «в футляре» и «в мешке» великое множество людей обычных, ничем не выделяющихся, неприметных, которые живут просто, естественно и ни на что сверхъестественное не претендуют. Ему показалось — таких людей большинство. Женька отчаянной и лютой ненавистью ненавидел мещан, всяких крохоборов и приспособленцев и с той же горячей страстью, но уже положительно противоположной относился к тем, кто, по его мнению, являлся носителем добра. Людей он делил на две категории: друзья и враги. Это было элементарно. И он считал, что задача человечества состоит в том, чтобы на земле как можно больше было друзей. Настоящих. Искренних. А как это сделать? И почему, собственно, люди зачастую не понимают друг друга? Несовершенство человеческих отношений, несовпадение взглядов? Может быть. Он запутался и не мог разобраться во всей этой сумятице чувств и мыслей, нахлынувших на него. И не знал, как относиться к той части людей, которые, в отличие от него, не задумываются над жизнью, а просто живут, просто работают... Но откуда ему знать, что есть такие люди? Каждый человек — загадка, целый мир... Он совсем запутался. Голова разболелась. Измучившись, он все же уснул, человек в мешке, тяжелым и неспокойным сном. И приснилось ему море. Почему море? Женька никогда и не мечтал о море, а вот поди ж ты, привиделось ему море. Не Черное, и не Красное, не Белое, а просто море, вообще море, огромное и гладкое, как зеркало. Женька наклонился над ним, опираясь на руки, и увидел глаза, но это были чужие, не его глаза. Они смеялись и смотрели на него в упор... И тогда он догадался, чьи это глаза, и повернулся спиной к морю. Он не хотел видеть эти глаза. Но море все равно оказалось перед ним, куда бы он ни поворачивался, а море было перед ним, и те же глаза упорно продолжали на него смотреть. Он не смог ни удивиться, ни возмутиться, потому что все это происходило во сне. И он это понял, во сне понял, что спит, и ему вдруг мучительно захотелось проснуться. Но прежде надо было как-то перехитрить море... и эти глаза. Удрать от них. И Женька побежал. Он долго бежал, до тех пор, пока не выросла перед ним высокая отвесная стена. Он остановился и упер-

Электронный архив библиотеки Новосибирского государственного технического университета http://elibrary.nstu.ru/

ся рукой в эту стену, зная, что спит, а во сне можно и стену отодвинуть... Он уперся и толкнул рукой стену, и она легко подалась. Тогда он еще раз толкнул ее... И проснулся. Рука его упиралась в бок палатки. Снаружи дул ветер, и брезентовая стена зыбко и податливо двигалась, покачивалась и хлопала. Сквозь откинутый полог просачивался в палатку мутный рассвет.

Геофизик стоял посреди палатки, как привидение, в одних трусах и кедах на босу ногу, в руках он держал гантели.

— Проснулся? — сказал он сердито. — Можешь спать. Делать все равно нечего: погода нелетная.

Глава вторая

1

Это точно, что беды в одиночку не ходят — за одной следует другая. Утром появился в лагере Скрынкин в сопровождении Михи и второго пилота, красивого и стеснительного парня. Их ждали с нетерпением и встретили многозначительным: «Ну, как?»

— Без перемен, — сказал Скрынкин и опустился на корточки около слабо тлеющего костра. Ворох сырых сучьев дымил и никак не разгорался. Шраин скомкал газету и, сунув под сучья, долго и яростно дул. В лицо ему летела зола. Он чертыхнулся и зажег спичку. Так-то вернее. Он был опытный таежник, Шраин, но иногда ему не хватало выдержки. И так во всем — в большом и малом. Когда-то он работал в научно-исследовательском институте, считался перспективным сотрудником, вообще счастливчиком, везучим человеком, умевшим так славно совмещать личное с общественным. Удачно женился. Удачную выбрал тему для диссертации. И дома порядок — красивая, понимающая жена. Квартира в центре города. Дача. Машина. Но он не справился со всем этим, не хватило выдержки. Зимой машина стояла в гараже, под брезентом, не доставляя хлопот, а летом отнимала уйму свободного времени — каждый день он мыл, чистил ее, что-то подтягивал, подвинчивал, а она презрительно смотрела на него и фыркала, когда он пытался ее завести... И он не выдержал, плюнул и продал машину намного дешевле, чем она стоила. И наконец, освободившись, облегченно вздохнул и взялся по-настоящему за диссертацию. Вскоре он мог бы стать кандидатом наук. И снова, в который раз, подвела его выдержка. Вдруг он потерял вкус к этой работе, тема показалась ему мелкой, хотя и не лишенной некоторой оригинальности. Но мало ли таких тем, которые дают право на присвоение ученой степени, а в практике — нуль, пустое место! Он бросил все и выпросился в геофизическую партию и каждую весну теперь (с тех пор прошло уже около

Электронная библиотека МКУНБ, elib.altlib.ru

десяти лет) отправляется в тайгу, в горы. Он исходил за это время Саяны, Горную Шорию, Алтай, работал на Урале... А вкуса к бродячей жизни не утратил. Хотя и здесь ему подчас недостает выдержки, он это чувствует и старается быть настойчивым и последовательным.

Костер разгорелся. Веселые ручейки огня потекли с ветки на ветку, потрескивая и постреливая искрами. Одна искра угодила ему в щеку, он поморщился.

— Черт подери! — сказал Шраин. — Что значит не везет... Все время была отличная погода, пока ждали вас. Дождались — и на тебе! Как вам это нравится? — спросил он, потирая щеку.

— Мне это совсем не нравится, — сказал Скрынкин. — Но что поделаешь?

— А ничего, — вмешался Олег Васильевич. — На земле спокойнее!.. Правда, Скрынкин? Ведь спокойнее?

В голосе геофизика прозвучала плохо скрытая ирония. Скрынкин усмехнулся и ничего не сказал. Женька вспомнил, как отзывался о нем отец: спокойный. И ему вдруг захотелось, чтобы он не молчал, а что-нибудь выдал такое... такое!.. Но Скрынкин промолчал, не счел нужным возражать геофизику, даже не посмотрел в его сторону.

— Послушайте, Скрынкин, я серьезно... — не унимался Олег Васильевич. — Дождя ведь нет. И облачность не так уж низкая... Может, слетаем на ближнюю горушку? Здесь же рукой подать. От силы минут пятнадцать — пять туда, пять там и пять обратно. А?

— Нет, — сказал Скрынкин, — не слетать.

Шраин слушал, слушал и возмутился:

— Пустое говоришь. Нельзя, значит — нельзя.

— Ладно, я пешком туда доберусь, — пригрозил геофизик.

— Пешком, пожалуйста...

Но пешком Олег Васильевич, конечно, не пошел, а вертолет так и не поднялся в воздух, хотя не было в этот день дождя, и ветер был слабый, и облачность не такая уж низкая.

— Видали?! — возмущался Олег Васильевич. — День пропал даром! Могли ведь слетать, я же не звал его в дальние районы. А здесь минутное дело. Ну, пусть бы объяснил своей метеослужбе, пусть бы хоть раз забыл о своей дурацкой инструкции...

— Вы это всерьез? — удивился Шраин. — Что за детский разговор... Нельзя ему забывать о своей инструкции. Нельзя.

— Черт с ним! — буркнул Олег Васильевич. — Все это я хорошо понимаю: нельзя. Но я никогда не встречал таких осторожных летчиков. Помните, Виталий Сергеевич, был у нас пилот, Горский? Вот это был пилот!..

— Помню, — сказал Шраин, — но я не помню, чтобы и Горский нарушал инструкцию.

— Не в этом дело...

— А в чем?

— Не люблю слишком осторожных, слишком вежливых тоже не люблю, слишком добреньких... Во всех этих «слишком» — перестрахов-

Электронная библиотека Кузбасса

ка. И больше ничего! А в каждом деле должен быть риск. Самостоятельность, наконец.

— Вы сами не знаете, чего хотите, — вздохнул Шраин.

— Знаю! Помните, как Горский летал?

Шраин пожал плечами:

— Что вы прицепились к Горскому? Обыкновенно летал.

Женька не мог понять, за что геофизик невзлюбил Скрынкина.

2

Крохмалев собирался ехать за бензином, но случилось то, чего меньше всего ожидали. Когда он уже завел машину и подрулил к бочкам, чтобы погрузить их, пришли техники: «Бочки непригодны».

— Как это непригодны? — остолбенело смотрел на них шофер. — Все время были пригодные...

— А сейчас непригодные, — сказали техники. — Вы ведь знаете, что бензин гигроскопичен... Вот и заржавели бочки. Нельзя в них бензин возить.

— То есть как нельзя?..

— Нельзя — и точка. — Шраин начал было убеждать техников — возили же до этого! А техники заладили одно: нельзя, нельзя... И точка.

Крохмалев махнул рукой, уселся на крыло своей машины, стянул с головы давно потерявшую первоначальный цвет кепку и пригладил волосы. Наверное, хотел изобразить равнодушие, а может, ему и на самом деле было безразлично — есть бочки или нет. Пусть начальство думает, решает.

— Ну, так что мы будем делать? — поинтересовался он.

— Вот я и думаю, — сказал Шраин, поглядывая на техников, и в голосе его прозвучала надежда, мольба, но техники были неумолимы. И ко всем прочим заботам прибавилась еще одна забота — где достать бочки? — Вот я и думаю... — с какой-то даже растерянностью повторил Шраин. Однако придумать решительно ничего не мог. А Крохмалеву удалось-таки, наконец, изобразить на лице равнодушие, и он, слегка ухмыляясь и отворачивая лицо в сторону, чтобы эта ухмылка его осталась незамеченной, думал: пусть начальство решает. На то оно и начальство — с высоким образованием и властью... Командовать-то и дурак сумеет, а ты выход найди из создавшейся ситуации, решение придумай. Вот он, Крохмалев, человек простой, без всякого образования, и власть у него имеется только над собой. Винтик, одним словом, вот его и закручивают кому не лень — потуже, потуже!.. Ничего, он крепкий, выдюжит. При этих мыслях губы у него шевелились, вздрагивали и складывались в хитрую, торжествующую ухмылку, потому что, хотя он и думал так, а внутреннее чувство у него было совсем иное.

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

Оттого и горечи никакой он не испытывал, хотя, конечно, и нельзя сказать, что все это случившееся доставляло ему удовольствие.

— Ну, так что будем делать?

Это уже не Крохмалев начальника спрашивал, а начальник обращался к нему. Абориген провел рукой по волосам, и широкая, лопатистая ладонь его задержалась на затылке. Вдруг у него мелькнула мысль. Он встрепенулся весь от этой неожиданной и во всех отношениях выгодной для него мысли, но сдержался, не раскрыл ее сразу, а посидел некоторое время молча, стараясь продумать все до конца, как следует.

— Ехать в Горск... — сказал он, как бы размышляя вслух, а на самом деле оттягивая время, чтобы хорошенько взвесить все «за» и «против». — Бесполезно, пожалуй, ехать в Горск. Бочки так сразу все равно не достанешь...

Он еще помедлил, озабоченно покачивая головой и вздыхая и, наконец, со всей осторожностью опытного следопыта сделал первый шаг.

— А что если... Мыслишка у меня завелась, — сказал он, глядя прямо в лицо Шраина. — Лесхоз тут один есть... Директора я хорошо знаю. Может, у них попросить? На время.

— Ну, конечно! — воскликнул Шраин, хватаясь за эту мысль, как утопающий за соломинку. — Где этот лесхоз, далеко?

— Километров семьдесят...

— Думаешь, у них бочки найдутся?

— Непременно.

— Ну, тебе и карты в руки!.. Езжай. Может, записку написать? Официально чтобы...

— Не надо. Обойдусь.

— Ну, хорошо. Езжай. Возьми вот с собой Евгения.

— Зачем? Не надо. Один управлюсь, — отмахнулся было Крохмалев. Но Шраин вдруг проявил непонятное упрямство и настоял на своем:

— Возьми, возьми. Пусть прогуляется. Ему полезно.

3

До лесхоза езды оказалось не более часа, и Женька удивился: откуда тут семьдесят километров? Дома в поселке были, как на подбор, высокие, бревенчатые с медово желтеющими двускатными крышами. Поселок был новый. Кое-где около оград лежали еще стружки, щепа, обломки кирпича, кучи ссохшейся глины — следы неприбранности и необжитости. Около одного из таких домов, выходящих в улицу многоступенчатым крыльцом, Крохмалев остановил машину и пошел, как он сказал, разведать обстановку. Женька остался в кабине. Ждать пришлось долго. Видно, обстановка была сложная. Дверь поминутно хлопала, входили и выходили люди, а Крохмалева все не было, и Женьке надоело бесцельное сидение, он выбрался из кабины и прошелся по

Электронная библиотека

улице туда и обратно. Над крышами домов струился легкий, расползающийся дым и к духмяному запаху тайги примешивался сытный дрожжевой запах деревенского хлеба.

Прошла девочка с коромыслом на плечах. Пустые ведра тихонько поскрипывали на металлических крючьях. А потом она шла обратно, чуть придерживая пальцами дужки отяжелевших ведер, и ведра плавно, в такт ее шагам, покачивались, расплескивая воду.

Крохмалева все не было. Видно, дела его не ахти как подвигались. «Вот работенка, — подумал Женька, — не бей лежачего...» Это он о себе подумал. И тут же успокоил себя: ничего, вот установится погода и тогда будет дел, хоть отбавляй.

Наконец, появился Крохмалев. Вид у него был бравый, сияющий.

— Дело в шляпе! — сказал он весело.

— Дали бочки?

— А ты как думал!..

Они поехали к складам, Крохмалев разыскал кладовщика и вручил ему записку. Мигом погрузили шесть металлических бочек, но возвращаться абориген, как видно, не спешил. Он походил вокруг машины, простукал каблуком колеса: «Резину бы поменять...» Подергал бортовые задвижки: «Подюжат». Все это он проделал обстоятельно, неторопливо и только после того, как убедился в полной исправности машины, как бы между прочим заметил, что есть одно попутное дело и надо его провернуть... Возможно, директор лесхоза попросил его куда-то съездить?..

Они поехали в другой поселок. Дома там были поменьше, старые, с потемневшими крышами. Улица тянулась вдоль речки, в точности повторяя все ее изгибы. Сразу за селом с одной стороны виднелись горы, а с другой, где текла речка, сплошным массивом подступал лес. Оттого и казался поселок стиснутым, вытянувшимся в одну улицу на целый километр.

Они проехали почти всю улицу до конца, когда увидели маленького небритого человека, стоявшего обочь дороги. Крохмалев приоткрыл дверцу.

— На ловца и зверь идет, — сказал он. — Здорово, Семен.

И вылез из кабины с той же неспешностью, с какой он делал сегодня все свои дела. Они о чем-то посовещались, наконец, пришли к согласию, и Семен, потеснив Женьку, сел рядом.

— Теперь направо, — сказал Семен. Дорога пошла мелколесьем, гибкие лапы молодых лиственниц хлестали по стеклам. Почти поверху тугими жилами протянулись через дорогу корневые свитки, и машину крепко на них встряхивало.

...Был еще один домик в лесу, обнесенный высоким тесовым забором, из-за которого виднелась только труба да крыша. «От кого они тут отгородились? — подумал Женька. — От медведей?» Семен вышел, открыл ворота, и абориген зарулил в ограду. Бочки скатили и поехали дальше порожняком. Женька не знал, куда и зачем они едут, терялся в догадках и сгорал от любопытства. Дорога все так же шла через лес,

Электронная библиотека ИГУ, elibatlib.ru

погруженный в зеленоватую сумеречь. Здесь, наверное, и в солнечную погоду свет едва проникал сквозь густое сплетение деревьев.

— Что-то я не пойму, — сказал Женька, — куда мы едем?

Крохмалев покосился на него и еще ниже склонился над рулем, почти налегая грудью.

— А ты не волнуйся, — отозвался он спустя какое-то время. — И бочки привезем, и дело свое сделаем...

Как будто бочки — постороннее, чужое дело, а есть еще и «свое», ради которого едут они вот уже целый час.

— Береги нервы, — грубо посоветовал Семен, — а то загнешься раньше срока.

— Кто мне его положил, этот «срок»? — огрызнулся Женька. Семен не понравился ему с первого взгляда, даже прикосновения его костлявых плеч были неприятны и вызывали брезгливость.

— Природа положила, — сказал Семен. — Я вот недавно у одного профессора читал: человек по всем законам природы должен жить полтораста лет. Пол-то-рас-та! Понял? Это как минимум. А живет сколько? То-то и оно!.. А ты говоришь...

Женька ничего не говорил. Он не мог отвести взгляда от пробегавших мимо прямых и высоченных сосен, с бугристыми утолщениями снизу, и вольно, почти недосягаемо разветвившихся поверху. Округлые стволы словно были подсвечены изнутри: янтарными подтеками проступала на них смола, и стойкий колобродящий запах носился в воздухе.

— Полтораста? — удивленно переспросил абориген. — Вот это да!.. Отчего же не получается такая длинная жизнь? Положено, говоришь, а не получается...

— Психика подводит, — сказал Семен и покосился на Женьку. — Профессор так и пишет: самоуничтожением занимается человек, жизнь свою укорачивает вдвое, втрое, а то и больше.

Крохмалев вздохнул.

— Как же без психики? Нельзя, человеку без этого...

Семен загадочно посмеивался.

— А что, Егорыч, хотелось бы лет этак сто пожить? Вот бы наделали мы с тобой делов!..

— Кому нужны наши с тобой дела?

— Нам с тобой. Кому же еще!

— Только-то и всего...

Все вокруг было так прекрасно и чисто и столько жизни было в каждой веточке, в каждой травинке, что думать о смерти сейчас казалось нелепо и смешно.

Такого леса Женька никогда еще не видел и не представлял, что лес может его так поразить необычайностью красок — не пестротой и яркостью, а мягким отливом зеленого, желтого, синего... И таким же мягким переходом зеленого в синее или желтого в зеленое...

— Вот лесу-то! — воскликнул Семен, не замечая, вероятно, того,

Электронная библиотека студенческих публикаций

что видел сейчас Женька — ни буйства красок, ни едва уловимого дыхания тайги.

— Да, да, — покивал головой Крохмалев, — лесу тут море. Сгинуть в нем можно.

— Прошлое воскресенье мы тут гоняли маралушку...

— Так запрет же на них...

— Ха, запрет! Много тут запретов... — сказал Семен с явным намеком на что-то известное только им двоим, и Крохмалев опять торопливо и согласно покивал головой:

— Оно, конечно, запретов хоть отбавляй.

— Теперь левее держи, — приказал Семен. Машина зашуршала по траве, с хрустом поломались под колесами сучья, их становилось все больше, они лежали ворохами и пришлось их объезжать. Семен привстал с сиденья и весь подался вперед, то и дело покрикивая:

— Левее, левее... Да левее же, дьявол!.. В яму угодишь.

Абориген крутил баранку молча и остервенело, машина вздрагивала, подпрыгивала, и при каждом толчке в металлическом ее нутре что-то подозрительно булькало и громыхало.

— Стоп! Приехали!

Семен толкнул дверцу и вывалился наружу. Женька тоже вышел и задохнулся — так вольно, свежо, покойно было вокруг. Не хватало легких, чтобы вобрать в себя разом всю эту чистоту и свежесть воздуха, пронизанного острыми запахами леса, каких-то трав, причудливо сплетавшихся и не успевших еще просохнуть, волгло и мягко стелившихся над землей. А от самой земли, устланной прошлогодними листьями и слежавшейся хвоей, исходил спиртной запах, и он слегка кружил голову... Женька расстегнул ворот рубахи и привалился спиной к шероховатому стволу лиственницы. Сухая кора шелушилась и опадала к его ногам. Чуть поодаль, в траве, едва приметно желтели бревна. Они лежали рядышком, одно к одному, ровные и прямые, с уже захолодевшими подтеками смолы. Семен сел на одно из них, достал папиросы, пошарил по карманам и вытащил коробок. Тряхнул — есть спички. И лицо у него при этом было какое-то закаменевшее, без выражения. Абориген взял из его рук папиросу, опустился рядом, и они жадно и торопливо задымили. Женьку они не замечали, как будто его и не было рядом с ними.

— Заберем все? — спросил Семен.

— Многовато. Попробуем. Хороши сутунки! Куда ты их сплавляешь-то?

Семен неопределенно махнул рукой, закашлялся, глубоко затянувшись, и постучал себе по груди:

— Вот бес... аж слезы из глаз!.. Сплавляю, говоришь куда?.. — глянул коротко, недоверчиво и отвернулся. — А это уж мое дело... Ну, пошли!..

Крохмалев встал и отбросил в сторону окурок. Семен опасливо покосился на него:

— Спалишь тайгу-то.

Электронная библиотека Сибирь.alib.ru

Крохмалев зачем-то потрогал комель бревна, скинул пиджак и поплевал на ладони.

— Эй, паря!— сказал Семен, поглядывая на Женьку исподлобья.— Давай-ка разомнемся...

Открыли задний борт и один боковой, положили два крепких сосновых стяжка, и Крохмалев скомандовал: «Взяли!» Он упирался в один конец бревна, а Семен и Женька накатывали с другой стороны. Бревно чуть сдвинулось с места, подмяв под себя хрусткие и сочные стебли бадана. Смола клеилась к рукам.

— Еще взя-яли! — яростно выдыхал Крохмалев. — Раз-два... взяли!..

Бревно туго подавалось. Ладони ошпаренно горели, но Женька не обращал на это внимания. Рядом сопел, покряхтывал Семен.

— Ну, что ж вы... мать вашу!.. — выругался абориген. — Налегайте как следует. Разом, разом налегайте. Ну! Взяли!

«Сколько же весу в этом бревне?» — подумал Женька, нащупывая ногами опору. Пошло помаленьку, подалось. Еще разом!.. «Наверняка полтонны...» Вот эта работка так работка! Они упирались изо всех сил, лица их побагровели, рубахи сразу же взмокли и неприятно липли к телу. Хоп! Бревно грохнулось в кузов и откатилось к борту.

— Эх вы, слабаки! — сказал абориген.

— Тяжелая, стерва! — оправдывался Семен, струйки пота стекали у него со лба, он облизывал пересохшие губы и шумно, сипло дышал. Вид у него был жалкий, загнанный. Несладко, видно, такому хилому ворочать тяжести. Женька перешагнул через бревно, наклонился над ним и снизу весело, вызывающе посмотрел на Крохмалева:

— Взяли?

— Смотри, не надорвись,— предупредил тот.— Кому отвечать-то?..

Но Женька уже подхватил бревно, напружинив ноги, и каждая жилка в нем напряглась, натянулась предельно, будто таившаяся до поры где-то внутри сила вдруг проступила и расплескалась по всему его телу. И Женька ощутил прилив внезапной радости от сознания собственной силы, от того, что эта сила принадлежит ему и он может ею распоряжаться, как захочет. Семен молча и с интересом следил за ним и словно бы подзадоривал: а ну-ка, покажи, на что ты способен, покажи. Женька рывком толкнул бревно, подхватил обеими руками и покатил — пошло, пошло, пошло!.. Семен тоже пристроился посередине, но они и без него бы справились. Второе бревно показалось легче, а третье и вовсе само катилось. Крохмалев даже командовать перестал. Работали молча, споро. И все же последние бревна снова потяжелели, будто свинцом налились. Пришлось повозиться.

Когда погрузку закончили, Крохмалев подошел к Женьке и поощрительно похлопал его по плечу:

— А что? Ничего!.. Сила в тебе есть. Сноровки маловато. Напарник из тебя добрый... — польстил он. Семен сидел прямо на траве, по-бабьи вытянув ноги, лицо у него было в грязных потеках, мокрые волосы выбились из-под кепки. Досталась ему эта погрузка.

— Первобытная работка, — сказал он. — Нажал кнопку — и спина мокрая!

— А ты как думал? — презрительно усмехнулся Крохмалев. — Легкая бывает музыка. И то только, когда ее слушаешь.

— А ты ее слушаешь? Нет? Чего же тогда? Ну, и распустил нервы, ужас... — сказал Семен и встал. — Психом так можно стать. Намотало тебя, брат, видно...

— Ладно, без сочувствия... Обойдусь.

— Ну, обходись...

Они пошли к машине на почтительном расстоянии один от другого.

— Вот здесь! — сказал вдруг Семен и остановился, и в глазах у него мелькнуло что-то горячее, затаенное. — Вот здесь мы ее прижучили, маралуху... Медвежьим зарядом. Наповал.

Крохмалев рванул на себя дверцу:

— Поехали, поехали, хватит рассусоливать...

Женька подремывал в нагретой кабине, и по телу его сладостно растекалась усталость. Спина побаливала, но боль не доставляла ему мучений, а скорее наоборот, приятно было, расслабившись, ощущать, как ноют руки, плечи, поясница, будто тонюсенькими иголочками покалывают кожу... Приятно было еще и от того, что он сознавал себя человеком, славно и крепко поработавшим. Голова слегка кружилась, наверное, от поездки, от массы впечатлений, нахлынувших разом, а может от чистейшего воздуха, которым он дышал целый день. Семен вкрадчиво, вполголоса о чем-то говорил с аборигеном:

— Слыхал, за Чинеком леспромхоз новый открыли?.. Ученые понаехали...

— Ну?

— Шастают по тайге. Хозяева... Медведь тут хозяин!

Крохмалев засмеялся тихонько:

— Обижают, что ли?

— Кого? Кого обижать-то? — вздыбился Семен. — Меня обидеть нельзя, я сам кого хошь обижу...

— Зачем же так? — примиряюще сказал Крохмалев. — Тайга большая, места в ней хватит всем — и зверю и человеку.

Помолчали с минуту. И Крохмалев продолжал:

— Хотя иной человек хуже зверя...

— Ты это о ком? — насторожился Семен.

— Ни о ком конкретно, вообще я говорю. Неужто тебя я назову зверем! Ты, Семен Гаврилыч, до зверя-то и не дорос, это я тебе точно говорю.

— Так... А до кого же я, по-твоему, дорос?

Крохмалев ответил не сразу, думал, взвешивал, поточнее искал словцо и, наконец, нашел и со вкусом выложил, словно голыш в воду запустил, — и пошли круги!..

— Грызун... Грызешь помаленьку, точишь. Обираешь тайгу. Грызун ты!..

Семен почему-то не обиделся, по всей вероятности, он ждал худ-

Электронная библиотека АКИН, elib.altlib.ru

шего, а Крохмалев говорил с ним мягко, хотя и не дружелюбно, просто нашла на человека блажь, выговориться захотел, вот и старается, лезет из кожи.

— Ну, ну, — сказал Семен, — грызун, стало быть? Тайгу, значит, обираю? А я ее не обираю, взаймы у нее беру.

— Без отдачи?

— Ничего, не обеднеет. А ты?

— Я работаю.

— Ха-ха-ха!.. Он работает... Хе-хе!.. Работничек!..

Их голоса становились раздражительнее, по всему видно, они сводили какие-то старые счеты, но и в то же время их связывало нечто большее, чем обычное знакомство, и эта связь была им в тягость, но порвать ее, освободиться по каким-то непонятным причинам они не могли. Ясно было одно: их разделяла ненависть. Они ее и не скрывали. А что их связывало?

Они оборвали разговор в тот самый момент, когда спор грозил перейти в ссору.

— Теперь направо, — сказал Семен. Проехали еще немного и остановились на берегу речки. Вода кружилась, схлестывалась на скатах и устремлялась дальше. Бревна свалили в папортниковых зарослях, и тут Женька заметил, что бревен здесь было навалено изрядно, они лежали в накат, одно к одному, скрытые густо сплетавшейся высокой травой, лежали у самой воды, где берег был положе и ровнее... А чуть подальше, по течению, виднелся уже готовый плот из таких же ровных и крепеньких бревен. «Причем же тут бочки?» — подумал Женька.

На обратном пути заехали в лесничий домик, погрузили бочки. Вышла из дома женщина в теплой кацавейке и пригласила «откушать чего-нибудь». Это странное приглашение — «откушать чего-нибудь» — рассмешило Женьку и одновременно обрадовало: он был голоден. «Заходьте, заходьте», — сказала женщина. Они вошли в просторную, полупустую комнату — большой стол в переднем углу, покрытый клеенкой, вдоль стен массивные лавки, справа русская печь... Женщина быстро собрала на стол, подала стаканы, и Семен, наполнив их какой-то мутноватой, тягучей жидкостью, придвинул один стакан Женьке. Их взгляды столкнулись и тут же разошлись.

Ну... — сказал Семен. Абориген поднял стакан и вдруг подмигнул женщине, стоявшей у стола. Она улыбнулась ласково в ответ и мягко, певуче произнесла:

— Пейте, пейте...

А когда они выпили, и Женька, вытаращив глаза, с минуту сидел, не дыша, тот же певучий голос мягко прозвучал над его ухом: «Ешьте, ешьте...»

Женька взял из тарелки кусок мяса. Оно было сухое, жесткое и показалось ему безвкусным. То есть вкус, конечно, имелся, но какой-то не «мясной», пресноватый.

— Не доводилось такого есть? — спросил Семен.

— Какого? — не понял Женька.

Электронная библиотека ЧГУНБ, elibrary.altlib.ru

— Царского! Маралина — вялена...

— Нет, — сказал Женька, — не доводилось...

Он не мог понять, чего в этом пресном мясе «царского». Абориген ел молча, старательно и не спеша. Женщина принесла и поставила на стол большую тарелку с пельменями: «Ешьте, ешьте, ешьте...»

— Когда теперь заявишься? — спросил Семен и хотел налить по второму, но Крохмалев решительно прикрыл ладонью стакан:

— Будет! Когда приеду, тогда и приеду. От меня не зависит.

— Зависит — твердо сказал Семен.

— Ну, да... Жди!

— Нам бы еще ездок пять-шесть.

— Ладно. Там видно будет...

Они помолчали. Пожевали пельменей. Семен отложил вилку и долго шелестел бумажками под столом, шевелил губами, будто молитву творил.

— На-ка вот... — сказал он и протянул Крохмалеву деньги. Тот, не считая, сунул их в карман и сразу же встал из-за стола: «Благодарствую».

— Что же вы? И не ели почти ничего... — сказала хозяйка. А Семен пошел их провожать и несколько раз еще говорил об одном и том же:

— Нам бы ездок пять-шесть... А?

— Ладно, ладно, — сердился Крохмалев. — Там видно будет... Бывай!

Сел в кабину, включил зажигание и захлопнул перед самым носом Семена дверцу.

Женька сидел, нахохлившись. Муторно было на душе — то ли от выпитой настойки, то ли еще от чего-то, но он вдруг почувствовал, что прежней радости нет. И той приятной усталости, какую он испытывал после погрузки бревен, тоже не было. Осталась только ноющая боль в перетруженных руках и в пояснице.

— Кто этот Семен? — спросил Женька.

— Хороший человек, — сказал абориген.

— Грызун...

— Не твоего ума дело.

— Вы же сами сказали: грызун!

— Не твоего ума дело! Отдыхай-ка лучше. Опьянел ты, вот и отдыхай.

— Я не опьянел, — обиделся Женька.

— Ну и хорошо, — поспешно отозвался абориген. И мягче, словно спохватившись и стараясь сгладить случайно вырвавшуюся грубость, добавил: — Ну, и хорошо, что не опьянел. Крепкий ты парень. Молодец! А Семен этот не стоит того, чтобы об нем разговор вести. Не стоит.

Вернулись они часа через два. Ничто тут, в лагере, за день не изменилось — те же палатки, выстроившиеся в одну шеренгу, костер горел, голоса доносились, смех... И вертолет стоял на том же месте, где он стоял утром, с зачехленными и протянутыми к земле лопастями.

Электронная библиотека АлтГПУ, elib.altlib.ru

— Долго вы что-то, мужики, — сказал Шраин. — Привезли бочки?

— А то как же! — похвастался абориген. — Кое-как уломал своего дружка-приятеля. Сами, говорит, бедствуем. Ну, я ему на сознательность ударил... Дал. Только, говорит, просьба одна — не в службу, а в дружбу: подкинь кирпич к мастерской... Машины все в разъезде, а дело стоит. Вот и пришлось задержаться...

Женька поморщился: о каком он кирпиче говорит? Ну и врет, проклятый абориген, врет и денег не берет... Не берет?

— Ладно, — сказал Шраин, — идите отдыхайте.

Ах, как скверно было на душе у Женьки! Словно и он оказался соучастником этой лжи. Хотя он и не сказал ничего. Вот именно: не сказал. Абориген изворачивался и лгал, а он стоял молча, как бы поддакивая и соглашаясь... Значит и он обманул Шраина! А может быть, Шраину все это безынтересно и неважно—важно, что бочки привезли? И за это спасибо надо сказать Крохмалеву. Какая разница, что он там возил — бревна или кирпичи! Важно, что достал и привез бочки.

Женька остановился на переходе через ручей и увидел в воде свое колеблющееся отражение. Может быть, этот ручей впадает в ту речку, по которой Семен сплавляет куда-то ворованный лес?.. И вода на него работает! Грызун!

Пойти сейчас и обо всем рассказать Шраину. Пусть знает. Но тут же он раздумал: может, и в самом деле он пьян?..

Женька вернулся, поднялся на бугор, где стоял вертолет, и лег на траву. И лежал до тех пор, пока не стемнело совсем. Звезды зажглись. И он увидел, как одна из них, мигая, медленно двигалась по темному небосводу, с севера на юг, и сразу же догадался, что это новый спутник, кажется, семидесятый по счету, как сообщали об этом газеты, усовершенствованный... Странно все это было: кто-то строил и запускал спутники в сторону луны, а кто-то воровал лес и сплавлял его по реке...

Женька встал и пошел в лагерь. Через ручей. И чем ближе он подходил, тем больше и острее чувствовал свою неуверенность и шаткость своего положения. Кто он в отряде? И кто в отряде Крохмалев? «Вот именно, — сказал себе Женька. — Вот именно!» Как будто это могло что-то изменить. «Вот именно!» — кричало в нем все существо, и ему стало неприятно и холодно от этого мерзкого, бессмысленного крика. Просто, в довершение ко всему, он еще и себя пытался обмануть. Но себя обмануть трудно. Невозможно себя обмануть.

Глава третья

1

Утром дали погоду. Первым принес эту радостную весть Миха. Он прибежал, сияющий, нетерпеливый, в расстегнутом кителе, с такими же сияющими пуговицами, как и его лицо, и весело покрикивал:

Электронная библиотека

— Давай, давай, гео-братцы-физики, завтракать будем потом!..

Никто, собственно, и не собирался завтракать, все суетились, торопились, довольные, что наконец-то кончилось безделье.

Удивительный парень этот Миха, все в нем настежь: если радуется — во весь голос, если недоволен чем-то — скажет, не задумываясь, как это он сделал, когда Олег Васильевич, расхваливал на все лады какие-то необыкновенные достоинства пилота Горского... Миха тогда прямо сказал: «Гадости вы сейчас говорите. Извините, конечно... Но гадости есть гадости! И самое гадкое, что вы об этом знаете... Вот!»

Скрынкин не такой. Скрынкин всегда одинаков, лицо его как бы раз и навсегда обрело ровное и спокойное выражение и ни при каких обстоятельствах не меняется — не знаешь, когда и как он настроен. А может, он всегда одинаков — несокрушимо спокоен.

— Спасибо, Михаил, — сказал Олег Васильевич, — вы нас спасли... как некогда гуси спасли Рим... — ирония опять сквозила в его голосе, видно, геофизик не мог забыть тех Михиных слов и, как мог, мстил ему за это. Но «укус» был слабый, и Миха его не почувствовал или сделал вид, что не почувствовал, и этим самым обезоружил геофизика.

— Мальчики, как думаете, плащ брать? — спросила Таня.

— Бери, Татьяна, бери... в горах все может быть.

— Ну, пошли, пошли... Что вы еще там забыли? Эй, топографы, а где ваши анероиды? Ха-ха-ха!.. Анероиды забыли! Позор! Что-то я не видел, чтобы вы за стол садились без ложек...

— Послушай, Олег, ты так много говоришь! Помоги лучше.

— Я и думал об этом. Давай понесу твои ящики. А ты возьми спиннинг... Пошли.

— Хороший спиннинг. Ты его где купил, Олег?

— Мне его подарили.

— Тайменья уха будет сегодня?

Рядом с длинноногим геофизиком Таня выглядела девочкой-подростком, девятиклассницей. Косички бы еще ей, с ленточками, с розовыми... Красивая она все же, не в отдельности что-то у нее красивое— глаза, губы, брови или нос, а вообще она красивая, все вместе у нее красиво — и походка, и голос, и взгляд... Все вместе.

Когда она говорит, Женька не может ничем другим заниматься, даже если она и не с ним говорит. Он притворяется только занятым, делает вид углубленно занятого человека — перелистывает книгу, разглядывает образцы горных пород на столе Шраина, — на самом деле заняты у него только руки и глаза, а сам он весь, и слух и мысли его, во власти Таниного голоса. Братья-близнецы, техники, сделали свое дело и отошли в сторонку, стоят рядом и посматривают на вертолет, который гудит всвсю, размахивает винтами. Рубчатый воздухозаборник делает вертолет похожим на большую, неуклюжую рыбину, с раскрытыми жабрами. Низко по земле от винтов идет ветер, пригибая траву.

— Эй, десантники! По местам... — Это Миха.

Скрынкин, высунувшись из кабины, протирает стекло. Женька

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

ждет, когда он обернется и, уловив момент, машет ему рукой. Скрынкин тоже помахал: привет! привет! Женька поднялся в кабину и сел рядом с Таней.

— С первым тебя полетом, — сказала Таня.

— Спасибо.

Женька доволен, что Таня догадалась поздравить его, вообще приятно, когда тебя с чем-то поздравляют, но вдвойне приятно, когда тебя поздравляет человек, к которому ты относишься немного иначе, чем к остальным.

Миха захлопнул дверцу, задраил. Поехали. А погода сегодня не просто летняя — замечательная погода! Небо чистое, без единой помарки, горы со всех сторон открыты. Сухо посвистывает рассекаемый винтами воздух. Вертолет гудит все сильнее (Скрынкин прибавил обороты), дрожит, вибрирует лихорадочно, потом толчком отрывается от земли и сразу набирает высоту...

Мелькнул внизу темный островок кедрача, поплыли горы с лиловыми склонами, иссеченными тоненькими жилками речек. Сверху вода кажется застывшей, неподвижной. Застыл водопад над ущельем. Красиво сверху! Как будто рассматриваешь сарьяновскую картину в раме горизонта... А горизонт уходит все дальше и дальше, и горы как бы раздвигаются, и оттого картина кажется бесконечной и еще более прекрасной.

— Вам нравится, Таня, Мартирас Сарьян?

Поехали!

Олег Васильевич снял резиновую заглушку с иллюминатора и закурил.

2

Первую посадку сделали у барометра, оставили здесь младшего топографа Симочку. Барометр закреплен на толстой сосновой горбылине, а сбоку, наискось, почерком Олега Васильевича написано: «Государственная собственность». Замысел геофизика прост: если кто-то и забредет сюда, так все равно не решится трогать «государственную собственность». Таня говорит:

— Да кто сюда пойдет! Кому он нужен, наш барометр! Медведь разве... — глаза ее при этом испуганно расширяются, видно, она представила себе, как этот таежный хозяин посетит Симину «резиденцию...»

— Медведь сюда не поднимается, — улыбается Олег Васильевич. — Тут ему делать нечего. Не беспокойся.

Поставили палатку. На случай дождя. И вообще на всякий случай. Таня говорила, что в позапрошлом году, в Саянах, она просидела у барометра почти трое суток. Вертолет сломался, а иным путем добраться до нее не было возможно... Вот и ждала.

Симочка грустно улыбнулась и вяло подняла руку, не помахала, а только подняла руку и подержала ее на уровне глаз, будто разгля-

Электронная библиотека ...5, ...ab.ru

дывая. Какая-то она вся вялая, Симочка, и непонятно молчаливая. За все эти дни Женька почти не слышал ее голоса. Молчит и молчит. Он сказал об этом Тане. Она спросила:

— А ты ничего не знаешь?

Женька повел плечами: что он может знать?

— Знаешь, какой у Симочки голос!.. Прелесть... божество!..

— Не знаю, я его не слышал...

— Чудак, — сказала Таня, — она же в консерватории училась... Талант! А потом у нее что-то там получилось такое, и она ушла...

У каждого что-нибудь такое получается или, наоборот, не получается.

Вертолет перевалил через плоский, будто срезанный сверху хребет, слева и справа выросли скалы, подсвеченные солнцем. Вертолет увиливал от них, то снижаясь и проваливаясь между двумя каменными грядами, то поднимаясь над ними. Наконец, вырвался из этого плена и пошел над обширной долиной, распугав оглушительным стрекотом пестрое стадо сарлыков. Животные, задрав головы, шарахнулись во все стороны. Видно было, как топорщилась и развевалась над их спинами длинная шерсть.

Пролетели над юртами. Около одной из них стоял мотоцикл с коляской. Собаки гнались за бегущей по траве тенью вертолета, но не выдержали состязания и вскоре отстали. Тень вертолета неуловимо скользила по земле, по горам, скатывалась по желтеющим осыпям, ныряла в узкие расщелины. Летели над тайгой, и тень бежала по верхушкам деревьев, легкая, неуловимая, всюду проникающая.

Таня встала и подергала Миху за торчавшую из люка ногу. Он спустился, а Таня заняла его место, достала из планшетки, висевшей у нее на плече, карту, развернула, и Скрынкин заглядывал в нее и кивал головой. Уточняли маршрут. Сейчас важно выдержать курс, потому что за одно и то же летное время можно сделать пять съемок, а можно и семь, восемь. Ясно, что лучше восемь, чем пять. И тут от старшего топографа, прокладывающего маршрут, очень многое зависит, хотя, конечно, в большей степени зависит от выдержки и мастерства первого пилота. А что зависит от Женьки?

...Едва колеса коснутся земли и Миха распахнет дверцу, Женька как-то боком вываливается наружу, отбегает метров пятнадцать-двадцать и начинает долбить землю. Лопата ударяется в камни, скрежещет. Женька торопится, нервничает и у него, естественно, ничего не получается. Олег Васильевич стоит рядом, смотрит и молчит. И это хуже всего, когда он стоит тут рядом и смотрит. Наконец, он не выдерживает, берет из Женькиных рук лопату и ловко, ровненько сдирает верхний слой.

— Ставь.

Женька устанавливает гравиметр — прибор такой, которым, как объяснил геофизик, определяется сила тяжести... То есть, как понял Женька и если он правильно понял, в разных точках земли существуют различные силы земного притяжения. Наука!

Электронная библиотека АлтГУ lib.asu.ru

— А вообще иногда и без лопаты можно обходиться, — говорит Олег Васильевич. — Видишь камень? Вон тот...

— Вижу.

— Гладкий? Можно на него поставить прибор?

— Можно... — неуверенно соглашается Женька.

— Можно, — подтверждает Олег Васильевич. — Вот тебе и площадка готовая.

Потом он долго заглядывал в окуляры, прикладывался то левым, то правым глазом, аккуратно что-то записал в свою клеенчатую тетрадь и, свернув ее трубочкой, сунул в боковой карман штормовки.

— Между прочим, все это брех собачий, будто упавшее яблоко явилось причиной открытия закона тяготения, — сказал он вдруг, и лицо его сделалось сердитым. — А если бы оно не упало? Ведь все равно бы Ньютон сделал свое открытие...

— Не знаю, — сказал Женька. — Может и сделал бы. А может и нет.

— А я знаю: сделал бы! И яблоко тут вовсе ни при чем. И тебе советую: побольше думать, а не ждать яблок с неба... Понял?

— Понял.

— Вот и отлично. Поехали.

Женька подхватил гравиметр и поспешил к вертолету.

Он сел на скамейку, опустив на колени прибор, и вдруг почувствовал прикосновение Таниных пальцев. Он повернулся, но Таня смотрела в другую сторону. На лбу у нее отложились две морщинки, губы сжаты и линия рта была тонкой и строгой... Видно, движение это было случайным. Он осторожно отодвинул руку, но ничто уже не могло измениться — чувство необыкновенности и какого-то странного ожидания сохранилось. И он весь был поглощен этим и все время только и думал о Тане, хотя она сидела рядом и с ней можно было запросто и о чем угодно поговорить. А говорить ему сейчас не хотелось. Следовало помолчать, чтобы привыкнуть к новому чувству, возникшему в нем так внезапно и сильно. Но Таня заговорила:

— Ну как, нравится?

— Что?

— Все... тайга, горы, полеты, — сказала она с какой-то строгой задумчивостью, глядя на геофизика. Она разговаривала с Женькой, а смотрела на геофизика. И так продолжалось все время, пока они разговаривали.

— Татьяна любит летать, — усмехнулся Олег Васильевич. — Она все летает и уже разучилась как следует ходить по асфальту...

— Не разучилась.

— И в туфлях на гвоздиках-каблучках разучилась...

— Не разучилась! — сказала Таня. — И вообще плевала я на ваш асфальт!..

— Грубо. Очень грубо, Татьяна. Зачем плевать? По асфальту тоже люди ходят. Некрасиво.

Электронная библиотека КУНБ ou.altlib.ru

— А что красиво? — спросила Таня и все смотрела, смотрела на геофизика. — Что такое, по-твоему, красота, Олег?

— Красота? Красота то, что красиво...

— Неубедительно.

— А ты знаешь, ты можешь сказать?

— Красота — это то, что любишь, — сказала Таня.

— Не вижу разницы.

— Разница большая.

— Красивое, независимо от того, любишь ты его или нет, остается красивым...

— О нет, не всегда!

— Вот хотя бы горы... Посмотри. Или красивые женщины, наконец...

— Нет, нет, — сказала Таня, — ты не прав, Олег, ты заблуждаешься.

— То есть?

— А если я не люблю горы, покажутся они мне красивыми? А если ты любишь некрасивую женщину? Ведь любят же в конце концов и некрасивых женщин... Что тогда?

Олег Васильевич махнул рукой и подвинулся поближе к иллюминатору. Сейчас закурит. Спасительное средство. Нет, не закурил. Смотрел в иллюминатор. Внизу плыли горы. Тень вертолета скользила по скалам чуть впереди. Олег Васильевич повернулся — видно, что все это время он думал над тем, что ему тут наговорила Таня.

— Ты хочешь сказать...

— Да, Олег я хочу сказать, — сказала Таня, — все прекрасное озарено человеческой любовью... Не думай, что я такая умница и открываю тебе Америку. Об этом и до меня знали.

— Черт-те что! — сказал Олег Васильевич. — Ну, хорошо, пусть моя любовь к красивой женщине будет субъективной... Но ведь существуют же, черт побери, и объективно красивые женщины... Объективная красота. Независимо от нас с тобой, от наших желаний и чувств... Существует!

Женька был согласен с Таней. И с Олегом Васильевичем тоже был согласен. Наверное, так нельзя. А может быть они, и Таня и геофизик, в чем-то были правы и в чем-то неправы? Наверное, существовала в природе какая-то еще «третья» истина, сложнее и той, которой придерживалась Таня, и той, которую отстаивал Олег Васильевич.

3

Сима сидела на опрокинутом ящике, изнывая от безделья. Работы у нее тут немного, а ждать приходится долго — пока не вернется вертолет.

— Как вы долго! — сказала Сима, когда вертолет опустился неподалеку от палатки и Таня подбежала к ней. — Я думала, что-нибудь случилось...

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

Таня обняла ее за плечи и села рядом:

— Все в порядке. А у тебя?

— Хорошо. Надоело только — одна и одна.

— Потерпи немножко. Скоро переедем в предгорье Чана. Там неподалеку метеостанция. Закроем твой барометрический пункт. Олег! Как насчет рыбы?

— Есть предложение, — отозвался Олег Васильевич.—Двое остаются здесь, готовятся, разводят костер... — Он, видно, имел в виду Симочку и Таню. — Остальные на Бишпау хариусов ловить.

— Я тоже полечу, — встала Сима. — У вас, надеюсь, лишняя удочка найдется?

— Лишних нет. Я думал...

— Нет, я полечу.

— Пусть летит, — поддержала Таня. — Симе надоело здесь одной. Пусть летит.

— Я могу остаться, — сказал Женька. Олег Васильевич озадаченно посмотрел на него, и Женька пояснил: — Удочки у меня все равно нету...

— Да ну вас всех! — рассердился геофизик. — Как хотите. Поехали!

Он пошел к вертолету и залез в кабину, не оглянувшись. Сима тоже ушла. Улетела. А Таня сидела на прежнем месте, на опрокинутом фанерном ящике, вытянув ноги, обутые в тяжеленные альпинистские «бутсы», смотрела прямо перед собой и чему-то улыбалась.

— Ты сумеешь развести костер? — спросила она.

— Да. Я первое место занимал на соревнованиях по разведению костров... — ответил Женька. — В пионерском лагере...

— О, тогда все в порядке!

Таня встала, и они пошли вдоль ручья, через густые заросли карликовых березок.

— Слышишь? — обернулась Таня. Женька остановился рядом и долго, напряженно вслушивался. От ее волос исходил какой-то свежий летучий запах — возможно, этот запах шел от воды, от березок, низко стелющихся над землей, от камней... Ничего другого Женька не слышал.

— Ветер, — сказала Таня. Женька удивился. Было тихо, спокойно. Редкие облака текли высоко над их головами.

— Почему ты остался? — спросила Таня. Женька взял гладкий увесистый камень, размахнулся и бросил в ручей. Вода всплеснулась, расступившись, и камень осел на дно. Видно было, как он слегка подрагивал и пошевеливался, будто живой еще, но уже обреченный... Женька не хотел отвечать на Танин вопрос. Пусть спрашивает, а он будет молчать. И тогда она все поймет. Таня, наверное, поняла, потому что ни о чем его больше не спрашивала. И они долго молчали. И через какое-то время Женька и в самом деле услышал, как что-то тихонько, протяжно, бесконечно протяжно и тонко посвистывает. Вскоре этот звук обозначился явственно, Женька даже почувствовал легкое прикосновение (если только звук может прикасаться), но звук все же прикоснулся

Электронная библиотека АКУЛЬ elibakulli.ru

к его щекам и промчался дальше... Над головой что-то прошелестело. Потревоженно вскрикнула пичуга, нырнув в заросли березок.

— Дождь будет, — сказал Таня. — Пойдем в палатку.

Но откуда было взяться дождю, если небо сияло, и только редкие сизые облака бежали по нему, как отбившиеся от стада барашки?..

Они насобирали сушняка и пошли обратно. И пока они шли, ветер обогнал их и умчался вперед, а следом хлынула, обрушилась на них новая волна уже более крепкого и ощутимого ветра. Женька оглянулся и увидел, как из-за гор перевалило и надвигалось на них что-то тяжелое, лилово-черное, как будто сдвинулись и пошли на них сами горы. Повеяло холодом. Они побежали. Ветер настигал их и толкал в спины. И пока они бежали, надвинувшаяся туча подмяла под себя солнце. Стало темно. Они нырнули в палатку, закрыли полог и сидели, смиряя дыхание, прислушиваясь к хлестким порывам ветра.

— Вот это да!.. — сказал Женька. — Так внезапно...

— Здесь всегда так, — пояснила Таня и пошарила вокруг, все еще не привыкнув к темноте. Под рукой у нее зашуршала жесткая трава.

— Тебе удобно? — спросила она.

— Да.

— Садись ближе. Что-то холодно стало.

Он покорно подвинулся. Их плечи соприкоснулись, вздрогнули и замерли.

— Как там наши рыбаки?

— Вот разбуянился... И холод какой-то ужасный.

— Возьмите мою куртку. Мне и так тепло.

— Не надо.

— Нет, правда, возьмите. Я же в свитере.

— Спасибо.

— Правда, что разбуянился. Палатку рвет. Вы давно, Таня, работаете в отряде?

— Третий год.

— Вы уже ветеран! Стаж имеете. А что вы кончали, геологоразведочный?

— Да. Топографическое отделение. Поступай, Женя, на топографическое. Не пожалеешь.

— Не знаю. Я вообще-то в институт международных отношений собираюсь... — признался Женька.

— Ого! — сказал она. — Дипломатический представитель в ООН! Или посол в республике Мали... Подходяще?

— Вполне, — согласился Женька. Прямо перед ним смутно светилось Танино лицо.

— Зачем же ты сюда приехал? — спросила Таня.

— Просто так... интересно. С таким же успехом я мог бы поехать и к археологам.

— Думаешь, у них интереснее?

— Не знаю.

— А что ты знаешь?

Электронная библиотека АКУБ, elib.ru

Он улыбался, но вряд ли Таня увидела его улыбку.

— Не знаю.

— Дважды два — четыре. Обь впадает в Северный Ледовитый океан...— сказал он.

— Ты уверен?

— Не совсем.

— Что еще? — настаивала она.

— Еще? Ветер... Слышите?

— Слышу. Что еще?

— Будущий дипломат должен хорошо знать жизнь, — пошутил Женька.

— Верно. А что еще?

Он вдруг увидел, как дрогнуло белое пятно ее лица и поплыло, поплыло, медленно приближаясь.

— Таня...

Она промолчала. А может быть, Женька оглох от ветра, может быть, что-нибудь она говорила, а он не слышал.

— Таня!.. — сказал он почти что уже в отчаянии. Ему стало жарко. И показалось, что ветер легко, как пушинку, поднял палатку и понес над землей, над горами... выше, выше!..

— Таня... Таня... — сказал он в пространство и задохнулся. И снова потом что-то такое говорил, говорил, но слова терялись где-то по пути, падали, как в вату, беззвучно отлепляясь от языка. Потом он сидел неподвижно и ошарашенно смотрел в темноту. Танино лицо отодвинулось. Он не думал, что все это так просто бывает...

— Посмотри, пожалуйста, что там... — сказала Таня, дотронувшись рукой до его плеча. Его удивил ее спокойный голос. Он выглянул и воскликнул.

— Снег?! Посмотри, какой снег!..

Они выбрались наружу. Лиловая туча закрывала небо. Темными краями она упиралась в вершины гор, чуть провисая посередине — рыхлая и ненадежная крыша над головой. Сквозь эту крышу сыпалась белая крупа.

— Я никогда не видел такого снега, — сказал Женька, вытягивая перед собой руку, холодные кристаллы падали ему на ладонь и моментально таяли. Ладонь стала мокрой.

Они вернулись в палатку и сидели, тесно прижавшись друг к другу. И не было на всем свете сейчас более счастливого человека, чем Женька. Окажись он в эту минуту жадным и завистливым, он, прежде всего, позавидовал бы себе — своему счастью. Но разве можно себе завидовать? Таня была рядом, он чувствовал ее дыхание, запах волос, щекотавших ему лицо. Голова у него шла кругом от этого запаха, от ее близкого дыхания. Ее доверие пугало Женьку, и он не знал, как себя вести. Он чувствовал себя в чем-то виноватым, но толком не знал, в чем его вина. Он думал, что так нельзя, надо как-то иначе, но что-то горячее наполняло его, захлестывало, и он, содрогаясь от этой внутренней переполненности, забывал обо всем на свете.

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

— Таня... Таня, мне с тобой так хорошо, — сказал он, словно оправдываясь. — Так хорошо!..

Она провела пальцами по его щеке, как это делают слепые, когда хотят запомнить чье-то лицо.

— И мне хорошо. Ты такой славный.

— Таня... Таня, если хочешь, мы поедем с тобой в наш город. Ты не была в нашем городе?

— Ни разу.

— Поедем? А? Таня...

Он был в том опьяненном состоянии, когда кажется, что нет ничего невозможного, а все возможное надо решать немедленно.

— Хорошо, — сказала Таня. — Но как это мы можем сделать?

Он задумался, всего лишь на минуту задумался и радостно воскликнул:

— Это же просто! Таня, это можно сделать просто... — повторил он. — Скрынкин полетит на профилактику со своим вертолетом. И мы сможем улететь. А? Таня!..

— Конечно, конечно, — согласилась она и вдруг спохватилась: — А костер? Костер нужно разжечь...

Оказалось, что спичек у них нет. А без спичек что можно сделать? Это первобытные люди могли обходиться без спичек...

4

Туча прошла. Открылось солнце. И снег расплавился. Как будто его и не было. Как будто все это им почудилось. Или приснилось.

Глава четвертая

1

Скрынкин и Олег Васильевич играли в шахматы. Они сидели на скамейке в озарении будущего неподалеку костра и, не глядя друг на друга, двигали фигуры. Шахматная доска разделяла их, служила как бы границей. Не хватало только разноцветных флажков... Две стороны. Два мира. Два взгляда. Две застывшие фигуры в ярком озарении костра.

И звезды над ними, тихие и беспечальные звезды — свидетели вечности. Если от угловой нижней звезды Большой Медведицы провести прямую, воображаемая линия коснется Полярной звезды.

А какие линии могут соединять людей?

Вообще звезды вызывали у Женьки смутные и сложные чувства—

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

он думал, что вот этот семизвездный Ковш висел над головой Саши Пушкина, когда тот, тайком выбравшись через окно, спешил на первое свидание. «Все любовники желают и того, чего не знают...» — написал он потом. И, наверное, и так же задумчиво, потрясенно смотрел на звезды, излучающие таинственный и холодный свет. Звезды не приносят тепла — слишком они далеки. А люди нуждаются в тепле, и потому они боготворят солнце. Да здравствует Солнце!.. Но ведь и к солнцу люди могли бы относиться иначе, если бы оно не посылало им тепло, не дарило жизнь...

Женька на ощупь, с трудом пробирался к той мысли, которая мучила его все эти дни, временами ему казалось, что вот она, эта мысль, дозревает, и он уже ухватывался за нее, но в последний момент она ускользала... Он подумал сейчас, что люди тоже могут быть солнцами, солнышками и могут дарить друг другу тепло, как можно больше тепла.

Это удивительно! Он даже тихонько засмеялся, подумав так. И посмотрел на Скрынкина и Олега Васильевича, сидевших друг против друга в каких-то канонически холодных позах. Солнышки... Далекие звезды...

Трескучие искры, как маленькие спутники, взлетали над костром и, мгновенно обуглившись, падали в ведро, висевшее над пламенем. Шраин большой деревянной ложкой вылавливал эти «спутники» и выплескивал в золу. Шраин был серьезен и молчалив. Он варил тройную уху. А это не простое дело, и он его никому не доверял.

— Экспериментальный ужин, — сделав очередной ход, заметил Олег Васильевич. Шраин молча и снисходительно покосился на него. Абориген сидел чуть в стороне, наблюдал, как колдует над ведром начальник, и цедил сквозь зубы:

— А соль надо сразу ложить.

— Знаю, — коротко отвечал Шраин.

— А рыбу первой закладки недоваривают... А то развалится, как труха...

— Знаю, знаю.

— А лавровый лист...

Отступать больше некуда, и Шраин делает авантюрный ход, утверждая, что «по его рецепту» лавровый лист и вовсе не обязательно класть... Но все же в последний момент бросил в ведро горсть сухого лавра.

— Шах! — сказал Олег Васильевич. И тут Скрынкин почему-то оторвал взгляд от доски, где черному королю грозила смертельная опасность, и перевел на геофизика. Точно увидел его впервые и чему-то удивился.

— Шах, шах... — повторил геофизик.

Женька подумал, что первый пилот двинет сейчас своего единственного коня по прямой... Скрынкин, действительно, взял коня и повел его сначала прямо, а потом в сторону — буквой «Г». Как и полагается. Они играли упорно, долго. На доске почти не осталось уже фигур, погибли офицеры и ладьи, порубаны были кони, а короли все еще никак

Электронная библиотека ЛГУ им. А.С. Пушкина

не могли примириться. И звезды сияли над ними холодные, равнодушные, недосягаемые... с названиями, которые придумали им люди. Возможно, те же самые звезды имеют и другие названия? Ведь не исключено, что кто-то и где-то (может на Марсе или на другой какой планете) открыл их по-своему и дал им свои названия!.. Женька подумал о Тане. Он мог бы придумать ей тысячу разных имен, каждый день новое имя, самые красивые имена... Таня! Таня! Он несколько раз повторил ее имя и ему показалось, что лучшего не придумаешь. Таня... Таня...

Он подошел к Скрынкину и, постояв немного, спросил:

— Алексей Иванович, а когда у вас профилактика?

Он опустился с неба на землю, и вид у него был в этот миг очень земной и заурядный.

— Домой что ли захотелось?

— Не то, чтобы захотелось... — вывернулся Женька. — Нужно.

Скрынкин продолжал смотреть на опустевшую доску. Все было ясно, трагедии не предвиделось... Шах королю! Шах другому!

— Нужно, говоришь? Ну, так считай... Задачка: сто часов надо налетать, а налетали семнадцать. Сколько осталось?

— Ничья, — сказал геофизик. — Предлагаю ничью.

— Повременим.

Скрынкин не согласился. И хотя Женька не видел в этой позиции путей к победе, он все равно одобрял решение Скрынкина. Скрынкин не согласился! Может, он и найдет эти пути и добьется победы.

Ход. Еще ход! Шах королю. Шах другому!.. Ход. Еще ход...

Скрынкин не согласился. Не согласился. Молодец, Скрынкин!

2

— Таня, знаешь, Таня, а я у Скрынкина спрашивал насчет профилактики ... Вот тебе задачка! 100 часов налетать надо. 17 уже налетали. 100—17=... Чему равняется сто минус семнадцать?

— 83, — говорит Таня и голос ее звучит сухо, нет в нем ни радости, ни удивления, ни презрения или хотя бы насмешки — какой-то совершенно пустой голос, без выражения.

— Таня... — растерянно и глухо говорит Женька и берет ее руку, горячую и твердую ладонь, и чуть-чуть прикасается к ней губами. И Таня, качнувшись назад, подается потом к нему, прижимается, и они, словно слившись, долго стоят неподвижно. И звезды уже не мерцают над ними, а раскачиваются, будто привязанные на длинных нитках, как в цирке, и небо колеблется; они стоят так минуту, вечность, и, кажется, нет ничего на свете такого, что могло бы их разъединить, разорвать кольцо их чувств... И они сами не в силах разорвать это кольцо.

— Таня... — Таня, — шепчет он, — а я думал... Я думал, что...

— Ты не думай, — говорит Таня, освобождаясь, наконец, из его

Электронная библиотека АГУВ, elib.agiv.ru

объятий и как-то сразу отдаляясь. — Ты не думай... Или нет, нет, нельзя не думать. Надо думать, Женечка, думать.

— О чем?

— Обо всем. Нельзя же так... необдуманно. Так можно... голову потерять. И все, что угодно.

— Мне все равно... решительно все равно, потому что я люблю тебя. Слышишь, Таня?

— Да.

— Только обидно, — с грустью сказал он, — что так банально я говорю тебе об этом... — Он засмеялся. — Я люблю! Так, наверное, и сто лет назад говорили люблю...

— Женечка...

— Люблю.

— Женя...

— Люблю!

— Послушай, Женя...

— Люблю! Люблю! Люблю!

— Тише. Ну, зачем ты?..

— Почему «тише»? Хочешь, я буду кричать?

— Нет. Не надо. Никому это не нужно, кроме нас.

— Ты права. Я, наверное, глупый мальчишка... Да?

— Не надо, — сказала она и провела пальцами по его щеке. — Не надо. Мы с тобой должны быть благоразумными... Нельзя же, очертя голову, бросаться в омут.

— Но я же люблю тебя.

— Но ты же не знаешь меня еще как следует...

— Странно. А как это должно быть? Так, наверное: вот о н встретил е е, они познакомились, условились встречаться... И о н начал е е изучать — повадки, манеры, капризы и всякие там другие стороны характера... На это ушел год. За это время о н подрос на три сантиметра, а о н а... похорошела. И однажды о н сказал: «Теперь я знаю тебя, дорогая. У тебя положительных качеств больше, чем отрицательных... Я люблю тебя»!

Таня засмеялась.

— Выдумщик ты. Конечно, так не бывает. Но нельзя же подчиняться только чувству.

Он пожал плечами и промолчал. Ему стало грустно.

— Пойдем ужинать, я ужасно есть хочу... — сказала Таня.

Женьке есть не хотелось, но он пошел за Таней, потом резко повернулся и зашагал прямо, через густо сросшийся молодой соснячок, через сухой кустарник, обдирая себе лицо и руки и не замечая этого, он шел напролом...

Куда? Зачем? Но вдруг, словно опомнившись, остановился, и мысли пришли к нему ясные и здравые: «Вот чудак — голова! Ведь ничего же не случилось... и ничто не изменилось». Он медленно побрел обратно, обходя кустарник, вышел на тропинку и зашагал к

Электронная библиотека КГУНБ, elib.altlib.ru

костру; сел за стол, напротив Тани, и она ему улыбнулась (нет, ничего не случилось!) и показала большой палец:

— Во уха! Ешь.

Экспериментальный ужин удался.

Женька взял ложку и, обжигаясь, начал хлебать тайменью уху.

3

Олег Васильевич сунул ноги в стоптанные кеды, прошлепал по земляному полу, отбросил брезентовый полог, и Женька увидел на пригорке вертолет с пришвартованными к земле лопастями несущих винтов, желтые бочки на кромке взлетной площадки. Чуть поближе, в ложбине, грохотал ручей. Отсюда его не видно, а сверху, когда пролетаешь, он кажется тонкой и непрочной ниточкой — вот-вот оборвется. Однако ниточка не обрывалась, ручей не иссякал, бурлил день и ночь, вода в нем кипела и пенилась, как свежее пиво.

— Сегодня, как думаете, погода летная? — спросил Женька.

— Ну, и спишь ты!.. — сказал Олег Васильевич.

— А что?

— Крепко, говорю, спишь. Я тут приемник настраивал... А ты спишь и хоть бы хны!.. Не слышал?

— Нет.

— И прогноз сообщали: ветер с усилениями... кратковременный дождь... Возможна гроза... Ты никогда не видел грозу в горах? О, брат, это зрелище!..

Олег Васильевич перекинул через плечо полотенце и ушел к ручью.

Женька взял из-под раскладушки геофизика гантели, помахал немного руками, поприседал...

Зашел в палатку Крохмалев, мрачный, в мокрых сапогах, с налипшими на них травинками, на Женьку даже не посмотрел. Женька свернул спальный мешок и связал тесемочками.

— Послушай-ка, — обратился к нему абориген, — ты уже, поди, решил, что я прикарманил твои денежки...

— Какие денежки? — не понял Женька.

— Думаешь, забыл Егорыч? Нет, за мной не пропадет. Я еще тогда тебе хотел...

— Ничего не пойму, — дернул плечами Женька. — О чем вы говорите? О каких деньгах?

— Мы с тобой тогда ездили? Ездили. Работали? Работали. Вот и получай... — он пошарил в одном, в другом кармане, вытащил несколько мятых рублевок, разгладил их на ладони и сложил пачечкой. — На, бери, — сказал он, протягивая эту пачечку Женьке, — все твои... Заработанные. Бери, бери. Мне чужого не надо...

Женьку словно обожгло изнутри. Ему стало не то, что жарко, а неуютно как-то от этого горячего внутреннего прилива, неприятно. Он смотрел прямо в глаза аборигена, излучавшие сплошную доброту, смо-

Электронная библиотека АКУНБ alt.altlib.ru

трел долго и упорно и заметил, как холодно и беспокойно подрагивали в них рыжеватые темные зрачки...

— Сколько? — спросил Женька.

— Четыре.

— А почему так много?

Абориген качнулся — качнулись его плечи, руки, голова, глаза и весь он качнулся, словно потеряв равновесие, — и неожиданно мягко и сдержанно засмеялся:

— Бери, бери. Не стесняйся.

Женька подумал, что если бы он сейчас ударил его справа снизу вверх, наверное, он перестал бы раскачиваться. Но он не мог этого сделать. Не потому, что абориген был старше его чуть ли не втрое, а по какой-то другой причине, не очень-то ясной и самому. Что-то сдерживало его, может быть, сознание превосходства. А в этом он не сомневался. И это почувствовал абориген, понял и как-то сник сразу.

— Это хорошо, что вы вспомнили, — сказал Женька. — Ну, как там поживает ваш друг и коллега Семен? Отец, слышишь, рубит, а я отвожу?..

— Поживает... Ничего, — усмехнулся абориген, но усмешка на этот раз получилась у него невеселой, настороженной, будто он опасался в чем-то Женьки и в то же время глубоко его презирал.

— Спасибо, Федор Егорыч, — сказал он. — Деньги себе оставьте.

И, чтобы не растрачивать больше попусту слова, вышел. Было свежо и сыро. Снаружи палатка влажно темнела. Изредка с нависших над палаткой веток лиственницы срывались тяжелые капли и гулко, свинцово стукались о брезент. Женька постоял немного, успокоился. Подумал: «Спасибо, Федор Егорыч... И тебе, Семен, тоже спасибо... Грызуны! Я вам покажу... Гады! Отдам деньги сейчас Шраину,— решил он, но еще не знал, что он им покажет и как он это сделает...

Сизыми волнами плыл над лощиной туман, спустившийся, видно, с гор, а может, это был и не туман, а поднимавшийся от воды пар, невесомый и мягко обволакивающий деревья.

Снизу, от ручья, доносился радостный вопль геофизика:

— У-ух!.. А-а-ах!.. Черт! Чер-р-р-т!.. — рычал он восторженно. И всплески воды. И Танин смех. А затем ее ласковый и приглушенный голос:

— Простудишься, смотри...

— Ничего. Я закаленный. А-а-ах-х! Черт!..

И снова всплески. Видно, геофизик разделся до трусов и забрел в воду. А Таня стоит на той гибкой плахе, перекинутой через ручей, и тихо смеется.

— Закоченеешь, смотри...

И легкий, почти невесомый пар струится, течет над ней, как воздушная река, и все вокруг свежо и чисто, будто прибрано перед большим праздником.

Электронная библиотека АКУБ.ucalib.ru

Глава пятая

1

Он посмотрел вниз и отшатнулся — черная пасть ущелья дохнула на него сыростью. Он взял камень и бросил в эту разверзнутую пасть. Камень улетел, но звука не было слышно. Он прислонился спиной к скале, а ноги все равно не слушались его, не двигались, и он постоял так неподвижно, спиной к скале, несколько минут, соображая, что ему делать. Потом он внимательно посмотрел на свои ноги, как будто и в самом деле все зависело от них. Ноги его были чуть выдвинуты вперед, и вся тяжесть была перенесена на пятки — так ему удобнее было стоять. И он еще немного постоял, помедлил, не решаясь оттолкнуться от скалы и перенести тяжесть на всю ступню. Можно было вернуться. Его никто не посылал сюда. А если бы послал? Глупости. Никто его не пошлет. Он испугался, что передумает сейчас и вернется, и вслух, каким-то хриплым голосом, будто кто-то сдавливал ему горло, сказал:

— Перестань, пожалуйста... — получилось это просительно, и он изменил тон и твердо повторил. — Перестань! Успокойся. Ты же видишь, что здесь уже кто-то не раз проходил. Ты не первый. Постыдись. Эх, ты!.. — сказал он и засмеялся, чтобы дать понять тому второму, поселившемуся у него внутри, что он вовсе и не собирается отступать, возвращаться. Тот, внутри, немного успокоился. Ну, вот и хорошо...

— Вот и хорошо, — сказал он.

Прямо над головой на скальный выступ опустилась огромная птица. Она скосила на него красноватый глаз и замерла, будто окаменев.

— Кш-шы! Проклятая... Ну!.. — крикнул он.

Птица лениво приподняла одно крыло, но не улетела. Тогда он крикнул погромче. Птица насторожилась, подвигала крыльями и, взлетев, как вертолет Скрынкина, по вертикали, примостилась на следующем выступе. Немного повыше. Он оставил ее в покое. Подумал: «Это, наверное, беркут, хозяин скалы». Издали снизу скала напоминала взмахнувшую крыльями птицу. Поэтому и назвали ее — Беркут. Подняться сюда нетрудно, а вот пройти к Зеленому озеру...

— Можно пройти! — перебил он того, второго, поселившегося у него внутри. — Надо только быть уверенным... Здесь всего метров пятнадцать, ну, может быть, от силы двадцать. Это же совсем пустяк... — И он опять засмеялся. — Мы же с тобой стометровку пробегаем меньше, чем за двенадцать секунд... Здесь, конечно, не побежишь, но идти-то ведь можно. Пошли!

Птица все сидела на скале и смотрела на него сверху, как будто чего-то ожидая. Двадцать метров надо пройти осторожно и медленно, так медленно, как может быть, никто и никогда не ходил. «Карниз» тянется вдоль серой неровной стены — местами стена заметно выступает и тут, наверное, особенно трудно идти... Местами темнеют впадины, как бы специальные ниши, тут можно постоять и перевести дух... Всего пятнад-

цать, ну, от силы двадцать метров. А там Зеленое озеро, снег и множество жарков... Он их нарвет целую охапку и принесет в лагерь. И все будут удивляться, где он нарвал таких цветов, — это же невозможно, какие необыкновенные огоньки!.. Он отдаст их Тане и пошутит: «Не обожгись». И уйдет в палатку, залезет в спальный мешок... А завтра, если синоптики дадут погоду, опять полеты. Осталось двенадцать часов... Только он один знает, что это значит — двенадцать часов!..

— Пошли, — сказал он и, оттолкнувшись от скалы, уверенно шагнул вперед. Скорее даже не уверенно, а поспешно, как бы лишая себя возможности заколебаться и раздумать. Шаг, еще один... Раз, два, три!.. То есть это и нельзя было назвать шагами — он весь соприкасался с камнями, одновременно работали руки, ноги, глаза и мозг. Он осторожно передвигал сначала одну ногу, не отрывая ее от поверхности «карниза», правая рука в это время скользила по стене, а левая плавно балансировала и готова была в любую секунду прийти на помощь. Потом таким же способом он передвигал другую ногу. А глаза и мозг улавливали малейшие изменения и как бы проектировали следующий шаг... Собственно, сам по себе карниз не таким уж и узким оказался. Не будь слева этого черного провала, можно было пробежать его за несколько секунд... Но слева был провал, напоминавший чью-то чудовищно огромную пасть, в глубине которой, как зубы, торчали деревья...

Он шел медленно, прямо и старался не смотреть вниз.

2

И все же один раз он не выдержал и глянул в темнеющий провал и потерял равновесие. Плоский камень выскользнул из-под ноги (а может нога соскользнула с камня), и он увидел, как, ударившись об острую кромку карниза, камень развалился надвое и улетел вниз... Он судорожно схватился обеими руками за выступ и сразу же почувствовал, как тот, внутри у него, встрепенулся и ожил. Но он счел нужным промолчать и выждать время. Это была тактика. Он, разумеется, не предполагал, что двадцать метров эти окажутся такими коварными. А если бы знал? Но он не знал! Надо идти. Но ведь обратно он пойдет, уже зная обо всем? Тем лучше. Он должен пройти. Эта мысль была единственной сейчас, за которую он держался так же судорожно и цепко, как он держался руками за каменный выступ. Он должен, обязан пройти! А почему он должен?.. И ради чего он это обязан сделать?

Кажется подал голос тот, внутри...

— Ради себя, — насмешливо проговорил он, понимая, что таким тоном легче бороться с тем, вторым, который снова зашевелился... Надо было избавиться от него. Он вспомнил отца и очень обрадовался. — Послушай, — сказал он, — а что подумал отец, когда машина перестала его слушаться и пошла вниз? А внизу город, дома, улицы... а по улицам автобусы бегают, люди ходят, дети гуляют... Что он подумал? Он ведь мог оставить машину? Но он, когда все это увидел внизу, не

Электронная библиотека Пермского края

оставил машину, а постарался увести ее подальше... подальше от домов и улиц... Да! Но отец знал, что делает и ради чего он идет на такое!.. Тут и сравнивать нечего. А цветов, за которыми ты потащился к Зеленому озеру, точно таких же, полно в полукилометре от лагеря... Ха-ха!... Если так рассуждать, цветов и дома, в палисадниках, под окнами много... И на рынке цветы продают. А вечером прямо на центральной площади, около театра музкомедии, выстраивается целая рота старух с полными ведрами. Покупайте, пожалуйста: «Поздняя сирень, ранние георгины».. Чудак ты, голова, разве только в цветах дело?..

Он шел сейчас еще более осторожно и осмотрительно. Двадцать метров. Сто шагов...

3

И озеро перед ним открылось внезапно. Оно лежало в круглой впадине, как в чаше, неподвижное, словно застывшая лава. Оно было зеленое. Он погрузил в воду руку, холод сковал ее так сильно, что он вскрикнул. Он пошел вдоль берега, под ногами шуршала галька. Справа лежал снег. Крупнозернистые кристаллы отливали синевой. Он зачерпнул их в ладонь и подбросил, кристаллы сверкнули в воздухе и со звоном рассыпались. И тут он увидел жарки. Он и до этого видел немало цветов, но такого обилия, такого сочетания красок, оттенков ему никогда еще не приходилось видеть. Жарки росли сплошным массивом, словно их здесь посеяли. Сверху они горели однотонно, ровными оранжевыми огоньками (так и называют их здесь: огоньки), а сбоку, если долго и внимательно смотреть, начиналось смешение красок — зеленоватое сливалось с оранжевым, или вдруг в нежнейших лепестках вспыхивали красные сполохи... Но это до того, пока не надломишь хрупкий стебель. Сорванный цветок, лишенный связи со своими корнями, как бы сникал, утихомиривал буйство красок и становился однотонным. А когда они легли один к одному, в охапку, Женька опять увидел зеленоватые и красные оттенки. Значит, это свойство — менять оттенки — они сохраняли только вместе и теряли в одиночку.

Удивительно! Чудо! Он сорвал еще несколько огоньков и приложил к букету — получился настоящий костер! Он посидел на берегу озера: отчего же вода такая зеленая? Потом он быстро поднялся и сказал: «Пора. Надо засветло перейти «карниз»... Пошли!»

4

На подъем он затратил много времени и, когда подходил к скале, вдоль которой тянулся «карниз», уже заметно потемнело. Камни, окружавшие его со всех сторон, потеряли рельефность, точно растворившись в быстро надвигавшихся сумерках. Идти стало труднее. Теперь надо быть особенно расчетливым.

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

Один неосторожный шаг и... Он не стал думать дальше — не хотел знать, к чему это может привести. Смутно и мрачно вырисовывалась перед ним скала Беркут, какая-то плоская и бесформенная с этой стороны.

Он вдруг отчетливо различил голоса и остановился, прислушиваясь. Голоса повторились. Совсем близко. Тут кто-то был, и Женька обрадовался этому несказанно, будто он лет сто не слышал человеческого голоса.

— Ау-у... — закричал он, чувствуя, как сильно и гулко стучит сердце, как движок настоящий. — Эй, кто тут есть?

— Шагай, шагай побыстрее, — сказал кто-то Михиным голосом. Он удивленно пошел на этот голос и через минуту столкнулся лицом к лицу с первым пилотом Скрынкиным и бортмехаником Михой. Это было так неожиданно, что он встретил их здесь... Он не поверил своим глазам. Он стоял и смотрел то на одного, то на другого — осталось только подойти и пощупать каждого из них, убедиться, что они — это они.

— Ну?.. — сказал Миха.

— И вы тоже? — спросил Женька.

— И мы тоже...

— Ладно, пошли, — сказал Скрынкин. — Закрепляй веревку. Сначала я пройду.

Миха обмотал конец веревки вокруг ствола лиственницы и завязал каким-то хитрым узлом. Другим концом обмотался Скрынкин и медленно двинулся по узкому каменному карнизу, а Миха и Женька молча смотрели ему вслед.

— Готово! — сказал он потом и стал закреплять свой конец с той стороны. А Миха размотал веревку, обвязал ею Женьку и подтолкнул в плечо:

— Иди.

Женька пошел. Потом Скрынкин перебросил конец веревки на Михину сторону, и бортмеханик, обвязавшись, тоже перешел. И только тут его прорвало.

— Дурак! — сказал он Женьке и поднес к самому его носу кулак. — Вот чего не хватает тебе... Дурак! Поросенок необразованный!.. Филин лопоухий!.. — кричал он. — Осел!.. Пингвин несчастный!..

— Ну, хватит, — сказал Скрынкин, — пошли.

— Морду бы ему набить за это. А? Набить, что ли?

Женька молчал. Миха опустил руку и отвернулся и видно было, как он тяжело и неровно дышит и как вздрагивают у него плечи. Так здорово он разошелся, Миха... Женька смущенно посмотрел на Скрынкина.

— Додумался тоже... — сказал Миха, когда они двинулись один за другим, цепочкой — впереди Скрынкин, за ним Женька, а сзади Миха, как будто они его конвоировали. — Додумался, — сказал Миха. — Ты вообще-то имел какое-нибудь представление об этой скале?

— Нет, не имел, — ответил Женька.

Электронная библиотека АКИН kin.ru

— То-то и видно. Как же ты прошел?

— Как? Просто. Взял да и прошел.

— Лунатик! Тип несчастный! Тут же без страховки ни один дурак не пойдет...

Они вернулись в лагерь, когда уже совсем стемнело. Горел неизменный костер. Трепещущие отблески падали на брезентовые бока палаток, скользили по стволам деревьев, по лицам людей, сидевших вокруг костра. Женька поискал глазами Таню, но Тани не было у костра. Он опустился прямо на землю, не выпуская из рук букета.

— Ты где был, Бельцев? — спросил Шраин. — Ты что, за цветами ходил?

— Ага, — Женька испытывал желание лечь на спину, закрыть глаза и забыть обо всем; усталость размагничивающе на него подействовала. — К Зеленому озеру, — сказал он. — Там этого добра хоть комбайном коси...

Оранжевые блики на лице начальника побагровели, но он сдержался и почти спокойно сказал:

— Мальчишка! Как ты смел? Мальчишка!.. — повторил он, вкладывая в это обычное слово всю силу накипевшей злости, обиды, уязвленного самолюбия. — Ведь это же случайность, что ты не расшиб себе голову.

— Тоже мне анархист!.. — он хотел сказать «альпинист», но у него вырвалось «анархист». — Ты где находишься? В отряде? Вот и будь любезен уважать людей, с которыми ты живешь... И работаешь с которыми.

— Извините, — сказал Женька, поднявшись, и, помедлив немного, пошел к палатке. Никто его не окликнул, не остановил. Он увидел стоявшего у входа аборигена и, странно, не испытал к нему прежней ненависти, словно острые эти чувства стерлись и осталось в душе только равнодушие. Да и, собственно, при чем тут абориген!.. Он его не посылал на озеро...

Женька молча прошел мимо. Тут же влез в палатку абориген. Женька положил цветы на стол, сел на свою раскладушку и стал расшнуровывать ботинки.

— Неужели к Зеленому озеру прошел? — удивился абориген.

Женька снял ботинки, брюки и залез в спальный мешок. Человек в мешке — это тебе не фунт изюму!.. Абориген тоже начал раздеваться. пыхтел, как паровоз, устраиваясь в своем мешке... Улегся, наконец, и через минуту подал голос:

— А у нас тут событие. Ты вот проходил, а тут помолвка была...

— Какая помолвка?

— Олег Васильевич и Татьяна Семеновна, значит, обоюдно, решили... Подходящая пара! — сказал он. — Ты им цветы-то свои подарил... Поздравь. Мы уже поздравили, счастья им пожелали. Добрая пара... Чего молчишь-то? Как сурок! Скажи, чего ты взъелся на меня? Какие у тебя ко мне претензии? Ишь, выискался... Разболтал Шраи-

Электронная библиотека АГУНБ alib.altlib.ru

ну. Только я тебе вот что скажу, милок, начнут раскапывать это дело, тебя тоже не помилуют. Вот увидишь, не помилуют. А как ты думал? Ездил в тайгу? Ездил! Помогал грузить? Помогал! И водочку пил, маралинкой закусывал... Свидетели есть? Есть!

Женьке показалось, что все это специально подстроено, что кто-то жестоко и безжалостно решил его разыграть. А Шраину он ничего не говорил, хотя и должен был сказать. Почему же он не сказал? Он расстегнул мешок и приподнялся на локтях.

— Послушайте, — сказал он, — это правда, что... ну Олег Васильевич и Таня решили пожениться?

— Врать я тебе не стану, — зло ответил абориген и вдруг весело хохотнул и посоветовал. — А ты загляни-ка иди в палатку... Теперь они вместе живут. И спят вместе, как, значит, муж законный и жена...

— Замолчите! — крикнул Женька.

— Да ты что, парень, ты что... разве я что-нибудь...

— Замолчите.

Глава шестая

Утром Женька пришел к вертолету — Таня уже была в кабине. Женька поздоровался и сел на другую скамейку.

— Как дела? — спросила Таня. — Ты, говорят, покорил скалу Беркут?

Женька промолчал. Он снял резиновую заглушку с иллюминатора и закурил.

— Один грамм никотина убивает слона, — сказала Таня.

— Лошадь, — поправил Женька. — А я, между прочим, человек...

Он говорил и старался проследить за выражением Таниного лица, но лицо ее осталось непроницаемым и спокойным.

— Это правда? — спросил он, глядя ей в глаза.

Она кивнула.

— Поздравляю вас...

— Спасибо, — улыбнулась Таня, но вовсе не виновато, как этого хотел Женька, а скорее снисходительно. — Но уговор наш остается в силе... Мы обязательно поедем в твой город. Ведь поедем? Сколько там осталось часов? Сто минус...

— Нет, — глухо и отчужденно сказал Женька. — Не надо.

Таня пожала плечами.

— Скажи, Таня, зачем все это было? — спросил он. — И что это было?.. Зачем?..

— Женечка, милый, ну считай, пожалуйста, что ничего не было...

— Как это не было? Ведь было же? Зачем?

— Не знаю. Не знаю! Ты еще совсем мальчик. А мне уже двадцать четыре...

Электронная библиотека АКУНБ lib.altai.ru

— Это не имеет значения.

— Нет. Женечка, имеет. Мне двадцать четыре года. И у меня... Ты самого главного не знаешь... У меня... — сказала она, преодолев мучительное желание что-то скрыть. — У меня есть ребенок. Мальчик. Сын. Антон. Ему скоро два года...

— Не надо, Таня! Ни о чем не надо говорить, — вдруг попросил Женька, судорожно глотнув.

— Я хочу, чтобы ты понял.

— Не надо, Таня. Я все понимаю. Но я все равно люблю тебя.

— Женя.

— Не надо, Таня. Завтра я уеду, — сказал он.

— Как уедешь?

— Буду готовиться в институт...

— В институт международных отношений?

— Не знаю. Может быть.

Женька попытался изобразить на лице улыбку, но улыбка не получилась, и он отвернулся.

— Нельзя же так вдруг... — сказала Таня.

Пришел Олег Васильевич, сел рядом с Таней. Вертолет почти неслышно оттолкнулся от земли, набрал высоту и пошел знакомым курсом — над темнеющим кедрачом, над горами. Взмахнула каменным крылом скала Беркут... «До свидания», — мысленно сказал Женька горам, тайге, ущельям, в которые, как сгущенное молоко, стекал туман, небу, которое сияло над горами опаловой синевой...

— Знаешь, Олег,— сказала Таня,— а Евгений собирается уезжать.

— Как это собирается? — удивился Олег Васильевич. — Полевые работы в самом разгаре... Это же надо быть безответственным человеком, чтобы уехать сейчас.

Женька искоса посмотрел на геофизика, лицо у него было серьезное и немного усталое.

Из пилотской кабины торчали ноги бортмеханика.

— Миха, Миха... — позвал Женька. Ноги качнулись и медленно поползли вниз. — А почему в озере такая зеленая вода?

— Много будешь знать — скоро состаришься... — сказал бортмеханик.

1965 г.

Электронная библиотека ГПНТБ, elib.altlib.ru

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ПОЭТЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

Горный Алтай... Живя на этой древней поэтичной земле, наверное, нельзя не петь, не слагать стихи. И кто знает, может быть, именно поэтому там работает так много по-настоящему хороших поэтов. Читатели альманаха сегодня смогут познакомиться со стихами поэта и ученого Сазона Суразакова, воспитанников Литературного института имени А. М. Горького Аржана Адарова, Лазаря Кокышева, Эркемена Палкина, новыми произведениями Константина Козлова, Георгия Кондакова, очерком Александра Демченко и первыми стихотворениями выпускника Турочакской средней школы Владимира Бушунова.

В последующих номерах альманаха выступят известные поэты и прозаики Иван Кочеев, Чалчик Чунижеков, Александра Саруева, молодые поэты Паслей Самыков, Александр Эдоков, Борис Укачин и многие другие.

Литературный отряд Горного Алтая все время растет, пополняется новыми, интересными талантами.

Аржан АДАРОВ

МОЯ ПЕСНЯ

Овечьей шерсти запах кисловатый,
Улыбкой — месяц в зеркале ручья,
Труды и дни, рассветы и закаты —
Все это ты, поэзия моя!
Ты — горы заповедного Алтая,
Ты — песнь чабанки, матери моей,
Ты — все, к чему душою припадая,
Я становлюсь сильнее и мудрей.

Электронная библиотека АКУНБ, г. Горно-Алтайск

Ты — век. Ты — жизнь, то добрая, то злая.
Сибирь. Москва. Пути в межзвездной мгле.
Ты в час предгорья — первая, сквозная,
Медлительная капля на стекле...
Пусть буду брошен женщиной родною,
Пусть предадут случайные друзья,
Все вынесу — лишь будь всегда со мною,
Везде, во всем, поэзия моя.
Иного счастья не ищу на свете,
Чем день за днем с тобой встречать зарю,
С тобою вместе быть за все в ответе
И знать, что людям правду говорю!

Перевод И. Фонякова.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Константин КОЗЛОВ

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Горят костры в степи под Богдаулом,
И знойный ветер из пустыни Гоби,
На крыльях одиночества летящий,
Уносит вдаль гортанный говор войска
И дикий всхрап расседланных коней.
В прохладной юрте из верблюжьей шерсти,
На войлоке, поджав кривые ноги,
Сидит Чадак[1], уставший от походов.
На нем халат — подарок кантайши[2],
Застегнутый на шарик золотистый.
А в юрте пахнет тлеющим аргалом,
Сухой полынью и бараньим жиром...
Чадак молчит. Короткими глотками
Он пьет кумыс, сверля зрачками глаз
Красивых обнаженных полонянок.
Хурчи[3] поет ему свое сказанье
О том, как он, могучий хан Чадак,
Обласканный владыкою зенгорским,
Как барс, сражался с войском богдыхана.
О том, как он в горах под Колыванью
Топтал знамена белого царя...

---

[1] Чадак — монгольский хан, совершивший последний набег на Горный Алтай перед его добровольным вхождением в состав России.

[2] Кантайша — джунгорский хан.

[3] Хурчи — певец (*монг.*).

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

Поет Хурчи. Бренчат бараньи жилы.
Седой Чадак, халат свой распахнув,
Короткими глотками пьет кумыс.
И слушает. В глазах его раскосых
Уже горит недобрый огонек.
Не песнь Хурчи звучит в его ушах,
А сабель звон и тонкий свист аркана,
И хрип врага, пронзенного стрелой,
Трепещущие ноздри жадно ловят
Чужих кибиток дым и запах крови.
Когда же ночь ушла в барсучьи норы
И месяц кочевой, устав бродить,
Прилег вздремнуть на камни Багдаула,
Чадак с проворной легкостью дзерена
Вскочил с кошмы и крикнул: «Хоралдай!»[1]...
И ожил стан. Со скал сорвались грифы,
Разбуженные криком верблюдов,
И воины, в халатах долгополых,
Вскочили в седла. В миг один земля
Забилась и, как бубен, загудела.
...Алтай, Алтай, когда б по-человечьи
Заговорили горы твои вдруг,
То страшный стон прошел бы по долинам,
А сквозь тугую твердь твоей земли
Людская кровь бы разом просочилась.
Давил тебя, Алтай, тройною данью
Найон зенгорский, жег твои улусы...
И вот опять, как вихорь из пустыни,
Ворвался, все сметая на пути,
В твои долины грозный хан Чадак...
Уже горят кибитки по кочевьям,
И первой кровью обагрены травы.
Разносит ветер черный дым пожарищ,
Обрывки кошм и полонянок плач...
Но поднялись алтайские дючины,
И каждый, лук умеющий держать,
Сел на коня и встал за землю предков,
Чтоб умереть иль победить в сраженье
С разбойной чужеземною ордой.
И стали реки алыми от крови,
От стрел затмилось солнце над горами,
Метались кони бешеные вскачь...
И вот когда колчаны опустели
И притупились острые клинки,
Жестокий хан бежал с остатком войска...

---

[1] Хоралдай — поднимайся (*монг.*).

Электронный архив АКУНБ, elib.altlib.ru

Взойдя с зарей на камни Вечной гривы,[1]
Взглянули победители с вершины
И не узнали свой родной Алтай.
И песня, словно раненая птица,
Над Вечной гривой в небо полетела...
«О Хан Алтай, с подоблачных высот
Троеугольным кажешься ты взору.
Когда ж со стороны тобой любуюсь,
Твоею красотой неповторимой,
Девятигранным кажешься ты мне.
Как плеть, что расплелась сама собою,
Твои хребты далеко протянулись,
И солнце, проплывая над тобой,
Как будто утопает в синих волнах.
О, Хан Алтай, наш голубой Алтай,
Как много крови за тебя пролито,
Как много дум продумано в ночах!
Зачем же ты стоишь, такой угрюмый?
Корона где твоя? Порфира где?
Ковром унылым ты окутан нынче.
Оголены леса твои густые,
В твоих жилищах горе поселилось.
Так где ж твое величье и краса,
О, Хан Алтай, Алтай наш разоренный!»
Летела песнь. А старый хан писал,
Остановившись на привал короткий,
На серых скалах Бичикту-Кая
Историю печального похода.
«Я хан Чадак — владыка из владык,
Пришел сюда, чтобы уйти с победой,
А ухожу отсюда побежденным.
Покуда конь меня по свету носит,
Клянусь, копыта моего коня
Не встанут никогда на эту землю!»...

---

[1] Вечная грива — Семинский перевал.

Электронная библиотека Алтая altay.ru

Лазарь КОКЫШЕВ

Из Кубинской тетради

КУБИНКА

У нее —
В одной руке ребенок,
А в другой —
Тяжелый автомат.
Глянет на ребенка мать влюбленно,
И опять суров и грозен взгляд.
Смуглые,
в шершавинках ладони,
Волосы ее,
как ночь,
густы.
Как она похожа на мадонну,
Женщина суровой красоты!
Вот оно, Карибское.
Волною
Море грозно
Падает к ногам.
А за хрупкой женскою спиною
Город крыши поднял к облакам.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Мать стоит и с моря глаз не сводит,
Вдруг придут оттуда корабли,
Корабли,
Чтобы цветы свободы
На земле кубинской не цвели.
Мать одной рукою кормит
сына,
Ей улыбка сына дорога.
Мать
врага
увидит в море синем
И другой
рукой
сразит
врага.

Пинар дель Рио, 1963 г.

Перевел с алтайского
Георгий Кондаков.

ВСТРЕЧА НА БЕРЕГУ

Продавщице цветов Лале Лурдес

Волна на берег,
Пенясь, налетала,
Она и шаловлива и вольна...
Ах, Лала, Лала,
Почему же, Лала,
В твоих глазах
Карибская волна?

Словно на бал
Идущие мулатки,
Здесь пальмы
Удивительно стройны.
Но не на пальмы
Я гляжу украдкой,
А на тебя гляжу,
Цветок весны.

Электронная библиотека АКУНБ: elib.altlib.ru

Моря пересекла
Моя дорога,
Я из России,
С поднебесных гор.
Ах, Лала, Лала,
Не смотри так строго,
Мне непонятен,
Лала, твой укор.

Твой смех, наверно,
Звонок, как монисты,
И ясен он,
Как твой небесный взгляд.
Скажу:
Не будь земли моей гористой,
Я не вернулся б
Никогда назад.

Хотя лицом
С тобою мы похожи,
Но судьбы наши
Разны, как моря.
Не зря на свете
Тридцать лет я прожил,
Я, Лала, встретился
С тобой не зря.

Я буду знать,
Что цвет волны карибской
Был взят
Из океана глаз твоих,
Что красота твоя,
Как будто искра
Огня
Для погребов пороховых.

Я буду знать,
Что нет красивей женщин,
Чем ты.
Я это честно говорю.
Весь соберу
Со дна морского жемчуг
И все тебе я,
Лала, подарю.

Твои цветы
Трепещут, словно зори,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Росинки на цветах
Еще видны.
Твои глаза
Похожи на два моря,
Но почему
Они так холодны?

Тобой любуются
Мужчины часто,
И потому строга
Со мною ты.
Ах, Лала, Лала...
Из корзины счастья
Я в руки бережно
Беру цветы.

Варадеро, 1963 г.

Перевел с алтайского
Георгий Кондаков

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Сазон СУРАЗАКОВ

РОДИНЕ

Вижу снова гор гранитных грани
И реки сверкающий клинок.
Я в твоей семье великой равной,
Песнь свою вплетаю в твой венок.
Если по чужой земле скитаюсь,
Образ твой всегда передо мной.
Он, как снег Алтайских гор, не тает, —
Голубым белкам не страшен зной.
За тебя, за твой простор былинный
Пролил кровь я в памятный июнь.
Ты и жизнь моя — неотделимы,
Вы слились, как Бия и Катунь.
Свет мой — ты.
И радость — ты,
Россия,
Мать моя и грозная броня.
Без тебя я,
Родина,
бессилен,
Но и ты слабее без меня.

Перевел с алтайского
Георгий Кондаков

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Георгий КОНДАКОВ

СВЕТ ТВОИХ ВЕРШИН...

Я люблю тебя,
Азия,
ласково,
Я люблю тебя,
звездная Русь.
Во мне русская кровь с азиатскою
Заключила навеки союз.
...Мать моя на земле,
к звездам поднятой,
На земле голубой родилась.
Словно капли росы на смородине,
Солнцем брызгали ягоды глаз.
Полюбила нерусская русского
Паренька из российских крестьян.
За гармошку,
за песенки грустные,
За глаза,
что хмельны, как туман.
Были встречи у речки счастливые,
Буйной лаской одаривал он.
И заря, загораясь малиново,
На его опускалась гармонь.
А потом через жизнь материнскую,
Что входила в мой мир не спеша,

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Становилась понятной и близкою
Мне Востока большая душа.
Помню руки отцовские сильные
И не верю в то время, когда
Между Азией и Россиею,
Как граница,
лежала вражда.
...Я люблю тебя, Азия,
ласково,
Я люблю тебя,
звездная Русь.
Во мне русская кровь с азиатскою
Заключила
навеки
союз.

2

Монголия,
Вновь к моему ты изголовью
Склонилась,
Тишиной полынною звеня...
Я на краю земли
Сплю на ветвях еловых,
И гром не в силах разбудить меня.
Немые горы по бокам стоят, как юрты,
А в небе звезды —
Зернами на синем льду.
Ночь проведу,
А завтра,
Только брызнет утро,
К другой стоянке не спеша уйду.
Студено дышит ночь.
А мне в ночи той снится
Гобийский жаркий ветер,
Близкая страна.
За сопкой сонною
Монгольская граница,
Где с давних пор на страже тишина.
Спокойно сплю в горах
И чувствую тепло я
Души пастушьей и пастушьего огня.
Россия и Монголия
у изголовья,
Как матери,
стоят,
мой сон храня.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Сартакпай

Я — Сартакпай.
Я в небе облака пасу.
Я древен,
как гора Алтын-Туу.
Я по траве пройду
и не стряхну росу. —
Легко я по родной земле иду.
Я к русским в дом,
как лучший друг,
вхожу,
За Керуленом пью с монголом чай:
Со многими людьми дружу
Я — Сартакпай.
Два горных озера —
мои глаза,
А брови у меня —
еловый лес.
Я — солнце для друзей,
а для врагов — гроза.
Меня народ зовет творцом чудес.
Хотите —
эрдине[1] я отыщу,
Лесную каплю в солнце превращу.
Я — Сартакпай,
влюбленный в небо и траву,
В могучий кедр,
растущий на скале.
Я — Сартакпай.
Я сто веков живу.
Я буду жить,
пока есть люди на земле.
Я жил и никому их
не давал в обиду,
Я честно делал все для них,
что мог:
Построил я мосты через Катунь и Бию,
По склонам разбросал
лучи дорог.
Я молнию ловлю.
Я в небе облака пасу.
Мизинцем шевелю
вечернюю звезду.

---

[1] Эрдине — драгоценность, приносящая счастье.

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

Но по траве пройду
и не стряхну росу, —
Легко я по родной земле
иду.

Утренние птицы

О, птицы утренние,
дня глашатаи...
Побудку протрубили
всем окрест.
Я вылез из палатки и,
пошатываясь,
Иду к реке
под птичий переплеск.
А птицы, птицы
(Поутру не спится им!)
Поют,
щебечут,
щелкают в лесу.
Луч солнца в листьях,
как перо жар-птицыно,
Упавшее в студеную росу.
Вчера устал.
Весь день шел крутосклоном я
И клял судьбу,
в палатке пав ничком.
Настало утро.
Снова просветленный, я
Стою под птичьим
пролитым дождем.

Сентябрь 1965 года

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Эркемен ПАЛКИН

САДАК

Славному чабану Алтая Чурпанову Саадаку.

Уходил его отец когда-то
на войну. Да не пришел назад...
Сын не знает про отца-солдата,
и отец его не видывал в глаза.

Пеленала в шкуру кабарги
сына малого алтайка молодая.
Только стал он делать первые шаги —
расступилась перед ней земля сырая,
умерла родимая... Не знала,
что же станет с ним, единственным сынком.
Но росла трава зеленая на скалах,
поднималась к солнцу каждым стебельком.
У табунщиков, в горах Алтая,
мальчуган приблудный вырастал.
В синем небе звездочки считая,
у костра он крепко засыпал.
Падал снег. Казалось, все на свете
он покроет мертвой белизной.
Дул весной в тайге студеный ветер,
и кукушка плакала весной.
Вот бы лето взять да заарканить!
Летом очень много молока.
Были б вечно травы на поляне —
утонула б в молоке тоска.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Если бы создать второе лето!
Саадак мечтал о нем не зря.
Началось второе лето это
В грозовые ночи Октября.
Лето, в доме Саадака лето!
. . . . . .
Лучше всех идут его дела.
И жены прекрасней в мире нету,
что ему трех Саадаков родила.
Малыши меня не понимают,
малыши отца не понимают,
малыши не знают, — как же так:
бедным нищим шлялся по Алтаю
батька их, добрейший Саадак.
Многого не понимают дети,
самые счастливые на свете.
А еще не знают об одном:
батька стал известным чабаном,
был в Москве и заседал в Совете,
весь Алтай заговорил о нем.
Саадака я пришел послушать.
Пусть расскажет, пусть научит жить,
как работе отдавать всю душу,
как полезным быть
и скромным быть.
Утром скажет просто: «За отарой
ухожу», — и нет его с утра.
А вернется вечером усталый —
на отца влезает детвора.
Дети милые, вас по головкам гладя
и на каждого с такой любовью глядя,
говорит улыбчиво отец:
«В коммунизме жить тебе, малец!»
Мой Алтай,
я в этом человеке,
что не помнит даже
мать свою, —
твоего пути большие вехи
и твою улыбку узнаю.

Перевод А. Кухно.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

* * *

Ночь стоит в Подмосковье, куда ни взгляни.
Я смотрю из окна, а кругом тишина.
Отдыхают все люди, погасли огни,
Лишь один я без сна у окна.
Что задумались сосны в ночной тишине?
Тишина эта странно мне душу томит...
Где-то дальний гудит самолет в вышине,
Значит, кто-то, как я же, не спит.
Почему же не смог я себя превозмочь —
Вспоминаю Алтай мой далекий, родной...
Вот в такую же тихую звездную ночь
Ехал я одинокой тропой...
Как мягка тишина за окошком в ночи!
Вижу на небе «Снега дорога» светла,
И высоко звезда золотая — Мечин
Людям осень пророчить взошла.
Это значит — коней до рассвета в горах
К коновязи привяжут ременной уздой,
Чтобы сила росла в лошадиных телах
Под осенней холодной звездой...
Не мычанье ли?..
Нет — электрички гудок...
В этот час уже утро встречает Алтай.
Чувств и мыслей меня заливает поток...
Край мой близкий,
далекий мой край!..

Перевела Е. Стюарт.

Электронная библиотека АлтГИБ elib.altlib.ru

Владимир БАШУНОВ

* * *

Если мне
Уезжать отсюда,
Покидать родниковый край,
Я возьму твои перегуды,
Перезвоны твои,
Алтай.
И пчелиную радость лета,
И слепую от солнца даль.
Уложу я твои рассветы,
Твои радуги в чемодан.
Уложу я твои тропинки,
На которых искал любовь.
Я возьму с собой золотинки —
Зерна теплых еще хлебов.
Покажу незнакомым людям,
Расскажу про кедровый край.

Если мне уезжать отсюда,
Я с собой
Увезу Алтай!

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

* * *

Ветки с почками чуть дрожат
На семи весенних ветрах.
Никому, никому не жаль,
Что подтаивают
Утра.
Никому, никому не жаль,
Что плохи у зимы дела,
Что приходится ей бежать
От нахлынувшего тепла.

Я пишу эти строчки
На пне,
В прошлогодние листья упав.
Я пишу
Эти строчки
Весне
Стебельками проросших трав.
И нахохлившейся реке,
Не опомнившейся от вьюг.
И ползущему по руке
Очень рыжему муравью.

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Осыпается грусть,
Осыпается
На глаза мои,
на слова,
Желтоватая и сухая,
Обреченная остывать.
В сердце
Медленно и торжественно
Наливается ясный звон.
Или это запела женщина?
Или бродит в аллеях сон?
Но ни женщины,
Но ни иволги,
Ни церковных колоколов.

...Умирают листья.
Красиво.
И невесело и светло.

Электронная библиотека АГУНБ: elib.altlib.ru

Мы, от счастья шалея, носимся,
Отрешаемся от забот.
Но придет она,
Наша осень,
И наклонится к нам и спросит
Об отцветших годах отчет.
Жить бы так,
Чтоб потом, не пугаясь,
Мог смотреть я в ее лицо.
Осыпаются дни,
Осыпаются
Золотою пыльцой.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Александр ДЕМЧЕНКО

В КРАЮ ЛЕГЕНД

(ОЧЕРКИ О ГОРНОМ АЛТАЕ)

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

I. ТРОПОЮ ДРЕВНИХ

Здесь на каждом шагу хозяйничает легенда. Она и в древних складках гор, и на таинственных замшелых тропах, и в белесом лишайнике, припаянном к гладким каменным плитам. Она открывает перед путником каменные красные ворота на Улаган, подозрительно свешиваясь с недоступной кручи в молчаливом изваянии древних камней.

Легенда сползает курумником с диких подоблачных круч. Засыпает дорогу. Гуляет поземкой в вершинах заснеженных Чуйских альп. Где-то там, по караванным тропам древних, идет она за вами. Она бьется в кипящих струях стремительной Чибитки. А дорога из тропы превращается в тракт. И не верблюды, медлительные и гордые, встречаются вам на пути, не полудикие аргамаки с раскосыми всадниками в седле — обычные «зилы» и горкие «газики», с обычными рабочими парнями за рулем. Теснят каменные заставы неторопливые, но упорные в работе бульдозеры. Это новая легенда наших дней. Позади Акташ-гора. Та самая, которая всего два десятилетия назад держала в страхе окрестных жителей, выделяя ядовитые газы, омертвляя ближние деревца и растительность. Это та Акташ-гора, о которой с опаской говорили казахи и алтайцы Кош-Агача:

— Шайтан-гора... Злой дух сидит в ее недрах...

И, чтобы задобрить этого духа, редкий путник на горном перевале торопливо привязывал к ветке встречной березки белую ленточку — знак уважения и благодарности за сохраненную жизнь.

И вот новая легенда. Она родилась в наши дни. На этой пустынной, таинственной и недоброй Акташ-горе изловили «шайтана», пускавшего из-под земли злые пары. Советский человек проник в недра горы. Он построил в живописной Менской долине рабочий поселок. Заставил работать на себя современные машины и пошел дальше в своих смелых начинаниях — решил завернуть к поселку могучую реку Чую. И вот

уже прорыт канал, уложены трубы. На месте перемычки скоро вырастет здание первой в Горном Алтае мощной Чуйской ГЭС. И вода Чуи, покорная властной руке человека, пойдет в гору, спустится по ущельям в Менскую долину и оживит суровую местность. Так делается легенда в наши дни.

А древние тропы у подножья белков спускаются в долины остатками забытых кочевий, уходят легендой в седые курганы Пазырыка. Суров, неприветлив Улаган. Часто хмурится небо, но дожди обходят стороной. Потому и трава желтеет рано. Дуют холодные ветры. Мало солнца здесь, мало тепла. Но и в этой суровой хмари — своя прелесть и красота. Неповторимы краски неба, когда цветет оно в закате над могучими отрогами неприступной горы Кискашту-ойык. А стремительная лавина Башкауса, вылетающая на просторы Улагана с гор? Каменные торосы... ожерелья брызг. Сокрушительный напор огромной массы воды, летящей навстречу такому же беспокойному богатырю — собрату, бурному Чулышману. Туда, в Чулышманскую долину на юг, к солнцу, и ведет эта древняя тропа. Но она здесь не одна. Их много и, которая из них самая древняя, трудно определить на глаз. Но вернее — свернуть на Пазырык.

Лихие землепроходцы древних веков, они были здесь, они копытили эту землю. Не эти ли россыпи полуразрушенных скал были свидетелями людских трагедий и неразгаданных человеческих судеб тех лет? Немые памятники седой старины, они тоже могут заговорить. Голые сопки. Широкие равнины. Безымянные курганы тоже имеют свой язык. Его надо разгадать, этот язык. И здесь, в Пазырыкской долине, была сделана попытка оживить курганы.

В 1937 году археологическая экспедиция известного теперь археолога, доктора наук Сергея Ивановича Руденко (в те годы молодого безвестного энтузиаста) начала раскопки. Первый же из курганов — заговорил. Перед археологами открылось захоронение — остатки разграбленной могилы. Но и то немногое, что увидели они, говорило о глубокой старине и именитости этого «переселенца» в Пазырык. Второй курган подтвердил их догадку: экспедиция на верном пути. Но тут помешал нередкий в те годы случай. Руденко объявили «врагом народа».

Вернулся Сергей Иванович на Пазырык с новой экспедицией уже в 1947 году. Этот год принес ему мировую славу — Пазырык открыл свои сокровища. Они бесценны — и этот сохранившийся через века ковер, и оружие, и гробница, и разная дорогая утварь, и убранство воина... Примерный возраст их — 2400 лет.

Руденко обратил внимание на ровную линию камней, сложенных у могилы. Их было столько, сколько висело скальпов на поводу коня. Жертвы этого воина?

Приоткрыв страницы древней книги, Пазырык замкнулся. Сколько легенд и событий хранят еще его курганы и кому посчастливится первому прочитать их — дело времени.

Хмурится небо, будто в сговоре оно с этими седыми курганами. Свистит под копытами коней острец. Извиваясь на крутом голом склоне увала, сбегает в долину каменная тропа...

2. ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Тропа идет по самому берегу Улагана. Беспокойная речушка мечется, петляет по долине, за ней делает петли и тропа. То нырнет в густые заросли кустарников, то падает под кручу обрывистого берега и шуршит галькой и песком под копытами коня. Потом метнется на предплечье крутого увала. Распрощается с Улаганом и поведет вас все выше и выше, пока от реки не останется узенькая пленка.

Здесь ущелье, как след от удара острым топором. Склоны крутые. На них растет лес. Внизу острием ножа блестит речушка. Чем выше поднимаешься по ущелью, тем она уже. Вот-вот, кажется, превратится в ручеек. Но ущелье раздвигается. Впереди показались открытые сопки. На них, словно лишай, белеют солонцы. Тропка сбегает вниз на открытые поляны. Показался над лесом сизый дымок. Видна стоянка. Это Туура-Ачык. Здесь летом пасут коров животноводы Балыктуюльского колхоза.

Можно спутать коней и пустить их на траву. Отдохнуть. Запалить костер.

От костра мечутся искры. Горы, кажется, придвигаются к костру и вступают в беседу. Вот где-то протрубил марал. Раздался топот и хруст. А внизу, в камышах,

Электронная библиотека АлтГПУ elib.altspu.ru

все время слышится какая-то возня, шелест, кряканье, со свистом проносятся косяки уток. А костер искрит, искрит. Мечутся по сторонам раскаленные пульки пихтовых углей. Из юрты вырывается наружу передаваемая по радио широкая вольная музыка. Григ? Это его краски. Настораживаются горы. Только вторят музыке серебряные струи Улагана. Плещутся на перекатах. Потихоньку звенят, звенят.

Кончился Григ, а в ущелье играет красками закат. Бродят в прибрежных кустах, зажигая цветы и камни-самоцветы на перекатах, солнечные лучи. Где-то плещется о камни водопад. Кричит, как в степи, коростель.

Нет, музыка осталась. Кажется, поют камни. Лес. Река. Осталась музыка неповторимых красок. Их может стереть только зима. На смену мягкой летней палитре принесет она с собой новые краски. Суровые и строгие, но не менее волнующие. Тогда-то уж не найти здесь тропки. А сейчас, пока видна она, пока не потух закат, поедем вперед. Уже чувствуется дыхание озера. В километре от Туура-Ачыка дно ущелья заполнил камыш, осока, высокие желтоватые метелки какой-то болотной травы. Она тянется к самому седлу, оставляя терпкий запах пыльцы. Из ущелья ползет туман. Он родится там, на озере, и сползает по долине вниз. Речки уже не видно. Она здесь сочится у каждой кочки, расползается по камышовым зарослям, уходит вправо к Синему озеру, где и берет свое начало.

Еще одна стоянка и вдруг впереди — просвет. Горы расступаются по сторонам. Но озера не видно. Неожиданно дорогу загораживает густой пихтач. Лесная застава. Тропка лезет на скат каменного обрыва. Врубается в него узеньким карнизом. Обходит лес. Сквозь деревья блестит вода. Оставляем коней и лезем сквозь чащобу к озеру. Под ногами чавкает вода. Мох проседает, колышется. Идти становится труднее. Делаем из валежника мостки. Продираемся сквозь последний кустарник и перед нами — водная гладь. Вдруг будто кто-то срывает огромное покрывало с него. С треском, шумом в воздух поднимаются тысячи уток. Серое покрывало из пернатых взлетает, словно ковер-самолет, кружит над озером и исчезает где-то в камышовых зарослях.

Вода в озере голубая, прозрачная. У самых ног проносятся косяки непуганых османов и хариусов. Рыбы так много, что, приглядевшись, мы замечаем: легкая рябь на воде — это следы несметных рыбьих косяков, которые носятся в разных направлениях по озеру. Затаив дыхание, мы смотрим на водный простор, занявший все ущелье, и немеем от красоты.

Противоположный берег (он в легкой дымке тумана) крут, обрывист. Покрыт густым хвойным лесом. Деревья спускаются к самой воде и, прихорашиваясь, любуются в немом восторге своим отражением.

Вот из камыша на середину озера чинно выплывают гагары. Белыми платочками повязаны их шеи. Они настороженно смотрят в нашу сторону, плывут еще немного, потом сворачивают под тень противоположного берега.

Возвращаемся к коням. Выбираем место для стоянки. Разводим костер. Связываем несколько лесин в легкий плотик. Отдельными табунками возвращаются утки...

...Поздно вечером запекли в глине несколько снятых на лету «варнавок» и любуемся ночной жизнью Лебединого озера. А где же лебеди? Их нет. А были они когда-нибудь? Посылаем делегацию на ближнюю пастушью стоянку. С нетерпением ждем какой-нибудь интересной легенды или сказания. Делегаты наши не особенно спешат. Похоже, что засиделись за чаем. Не вытерпев, идем все на стоянку. Так и есть. Конечно, чай. Нашлось место у очага и для нас. Садимся. Пьем вкусный, немного солоноватый, припахивающий жженым ячменем чай. Это не обычный чай. Приготавливается он на густом заваре с толканом, жиром и топленым молоком. Немного подсаливается. Сытно и очень вкусно.

Чай, костер и легенда кажутся неотделимы. Они дополняют друг друга, и мы уходим в мир сказок, в седую старину.

...Тогда это было... Очень давно. Как-то повелось так, что алтайцы не трогали пернатых. Многие до сих пор из стариков считают, что кююк (кукушка) — птица священная. Когда-то кукушка была женщиной. Жила она бедно, но была очень трудолюбивой. Все силы отдавала, чтобы вырастить троих своих детей. А они росли непослушными. И вдруг заболела мать. Просит одного сына, чтобы сходил за дровами — он не послушал ее. Второго — и тот убежал. Третий тоже отмахнулся от ее прось-

бы. Заплакала мать и сказала: «Лучше б я птицей стала, — улетела от вас»... Сказала так в отчаянии и вдруг превратилась в кукушку, вспорхнула и вылетела в отверстие над аилом. Один из сыновей схватил ее за ногу. В руках его остался обуток, а кукушка улетела. Так и живет она: одна нога черная, в обуви, другая — разутая, розовая...

Потрескивает костер. Где-то со стороны озера глухо ухнула выпь.

— Плачет, — прислушался хозяин стоянки и вздохнул. — Говорят старые люди, что это сама лебедь плачет.

И снова над аилом зажглись таинственные огни сказки. Это была легенда о лебеде. Давно это было. Никто не помнит, когда, в какие годы. Поднялся в горах сильный ураган. Такой сильный, что выплескивал озера. Вспять поворачивал реки. Рушились скалы. Падал лес. Выплеснул на самые вершины гор ураган и Келю-кол. Лебединое озеро. Взлетели лебеди. Не рассчитал один из них, да и трудно было это сделать — вокруг мрак стоял, пыль, летели отовсюду камни, — подхватило того лебедя и ударило о скалу, только перья белые закружились. Схватила одно перо подруга его и стала летать вокруг, не в силах оторваться от того страшного места. Наутро стих ураган. И все увидели, как над сухим озером с пером в клюве кружилась одинокая лебедь.

Она все кружила, кружила, и не кричала, а стонала от горя. Целый месяц летала она, а потом, обессилев, упала и разбилась. Выпало перо из клюва, взлетело кверху, а потом стрелой вонзилось в землю, пробило ее, и забурлил в том месте ключ. Он снова наполнил ущелье водой и вернул ему озеро... А лебедь до сих пор стонет. Не может она забыть своего друга.

Лебединое озеро... Мы прощаемся с гостеприимным пастухом и молча идем к берегу. Посредине озера рябит лунная дорожка. Она похожа на лебяжий пух...

3. ДОЛИНА ВОДОПАДОВ

К ней путь через Кара-Кыр, что значит Черная грива. Перевал действительно похож со стороны Лебединого озера на лохматую конскую гриву. Сначала тропка разрезает перевал вдоль, заметно поднимаясь выше и выше, а у самой вершины идет свечой вверх и ныряет в черную пасть густого кедрача. Он-то и делает похожим на гриву этот крутой перевал.

Кара-Кыр добр. Он гостеприимно приоткрыл свою кладовую: тяжелые лапы кедрача густо увешаны ореховыми шишками. Говорят, здесь в любой год неплохие урожаи кедрового ореха.

Место глухое, таежное, но тайга не давит. Ощущение такое, будто едешь под самыми облаками. И ждешь чего-то необычного. Ждешь, вглядываешься в редкие просветы между деревьями... А это необычное подкарауливало нас и было оно, оказывается, совсем рядом. Кто-то заметил белку. Заулюлюкал, захлопал в ладоши. Лошади остановились, потянулись к траве. И тут на глазах у всех из-за кучи валежника взвилось какое-то пятнистое темно-серое животное. Делая огромные прыжки, оно молнией врезалось в гущу леса и исчезло.

Бег вспугнутого животного мягок, красив. Косуля? Но эти большие клыки, свисавшие с верхней челюсти... Парнокопытное с клыками?

Чем еще, каким чудом поразит воображение Кара-Кыр? А оно еще будет там, впереди. До него надо преодолеть этот затяжной перевал. Пока забежим вперед, к Чодро, присядем у костра и послушаем, что скажет об этом животном местный охотник.

Это кабарга. Она легка и быстра, как косуля. И мясо ее очень вкусное. А клыки — это действительно. С какого века, от какого доисторического животного носит она этот не совсем удобный атрибут несовершенного прошлого? Кто знает... Когда-то, возможно, они, эти клыки, были страшным оружием, хорошим помощником, а теперь стали обузой. Да и уродуют они изящную кабаргу. Мешают ей. Питается кабарга лишайником, потому и любит северные склоны, сырые, темные заросли.

Электронная библиотека КГУКИ elibkgukiib.ru

Когда-то клыки кабарги и бабки из ее ног очень ценились. В ясак алтайцев вместе с белкой и соболями записывали и 50 бабок кабарги.

...Кедрач провожает до широкой поляны, покрытой цветами, карликовой березкой и густой травой. Дальше не идет. Дальше владения лиственницы. Высокие, стройные, они толпятся у опушек, с горделивой осанкой поглядывая на отставший, добродушный с виду, широковатый в плечах кедрач. Поляна — граница их владений. А на этой поляне, в дальнем углу ее, неожиданно блеснуло стеклянным оком высокогорное озеро. Странно как-то и непривычно видеть озеро под самыми облаками. А оно есть. Тропа идет по его вязкому берегу, потом круто сворачивает в лес, ныряет еще сотни три метров под колодинами и вдруг начинает падать вниз. Навстречу заструился теплый ветерок. Картина неожиданно изменилась. Среди однообразных гладкоствольных лиственниц появляются кудрявые березки. В распадках зашумела листвой осина. Они-то так резко и сменили колючий хвойный пейзаж. Стало светлее. Мягче, ласковей краски. Теперь уже не оторвать глаз от тропы. Что откроет она перед тобой, какой порадует неожиданностью?

Пологий спуск длится несколько километров. Все гуще и выше трава. Богаче зелень. Вот качнулась у самого седла тугая кисть рябины и скрылась за листвой. Наконец, крутояр. С высоты почти двух тысяч метров открылась шумом водопадов, пышной зеленью и ревом огромной реки — Чулышманская долина.

Вот оно лежит у ног, под отвесным обрывом, по которому петляет тропа, алтайское чудо!

Только в горах Алтая могут встречаться такие контрасты и сюрпризы. Здесь каждый перевал имеет свой микроклимат, свою флору и фауну.

У Акташ-горы вы видели мертвые озера. Красные скалы. Суровые заснеженные гольцы.

В Кош-Агаче — бескрайние просторы Чуйской каменной полупустыни. И вдруг этот уголок — Чулышманская долина!

Кипит вокруг зеленое чудо. В глубоком распадке беснуется Чулышман. Свешивая со скал серебряные косы, горят в перламутре радуг многочисленные водопады... Их много. Их не один десяток по всей долине от истока до Телецкого озера. Пять из них насчитывается сразу же в окрестностях Чодро. Эти вот несколько домиков, расположенные на правом берегу Чулышмана в густом черемушнике, и есть Чодринское лесничество.

Лесники-егери — народ бывалый, таежный, любят костер, свежую уху и, конечно, всякие истории.

Со скучающим видом, немногословно егерь может обронить к слову:

— Тут, против горелого островка на Чулышмане, видать, яму выворотило за ночь. Поехал, а коня и занесло в нее. Как на грех, подпруга лопнула... Надо выше брать..., — и замолчит, станет раскуривать трубку, к костру за угольком потянется. И тут вы обратите внимание на его мокрую «робу» — от нее валит пар — и уже без труда дорисуете начатую им картину переправы через бурную, опасную реку. Лопнет подпруга на самой быстрине, значит быть всаднику под конем. Как же он выбрался? Тут, может быть, кто-нибудь из его товарищей спросит, тоже так, между прочим:

— Седло-то хоть спас? — в глазах легкая искорка озабоченности.

— Выполок... У Черного пня, — нехотя отзовется пострадавший.

У Черного пня — это, значит, на километр ниже переправы. И все это знают и никого не удивляет мужество и бесстрашие товарища. Как он эту тысячу метров проплыл по кипящим бурунам и камням, ловя выскользнувшее из-под ног седло? Подробности никого не интересуют. Так должно. С каждым бывало такое. А без седла тут трудно. Объезды большие. Они измеряются сутками. Тайга на горах, в долинах. За лесом надо следить. Оберегать его от пожара. В ночь-полночь, если надо, если требует дело, егерь седлает коня и едет в темную, безликую тайгу по невидимым тропам, по приметам, известным ему одному, да, может быть, его коню.

Искрит костер. Где-то рядом, за черемуховой зарослью, то затихая на какой-то миг, то вдруг усиливая шум, бьется острой струей, разбиваясь в пыль о каменные торосы, водопад. Бурлит над костром, вздрагивает на проволочной подвеске черное от копоти ведро. Вокруг — аромат ухи.

— Ты хоть белочку-то выпотрошил из тайменя, Илья? — спросит неожиданно

Электронный архив библиотеки Алтайского государственного

кашевара один из егерей. Кашевар молча производит пробу. Он осторожно схлебывает с деревянной ложки горячую жижицу. Улыбается одними глазами:

— А зачем? Вкуснее будет...

— Ну и везет же Илье, — качает головой егерь. — Когда-нибудь твои таймени баранчиков будут заглатывать с берегов.

— И будут, — соглашается Илья, расправляя усы. — Разве обвинит меня в том Егор? — егерь смотрит в сторону чабана, который тоже пришел на костер с ближней стоянки.

Тут уж рыбачья история. Илья поймал крупного тайменя, в животе которого обнаружил еще не разложившуюся белочку. Видно, переплывала она Чулышман, а попала на ужин тайменю...

Горит, искрит костер. Одна за другой нанизываются в легкую дымку то егерские, то охотничьи истории. И костер до рассвета и эти истории ложатся в легенду, сказочную, неповторимую.

Все это будет. Отвязывайте коней и смело спускайтесь вниз. Сверкают на солнце рыбьей чешуей буруны перекатов на реке. Туда ваш путь. Зовут, извиваясь разноцветной радугой, водопады...

А над всей долиной — птичий грай и солнце. Щедрое, доброе Чулышманское солнце.

4. НАД КАТУНЬЮ РЕКОЙ

Катунь. Она отгораживалась неприступными скалами. Бросала навстречу человеку крутые перевалы. А он шел, преодолевая одно препятствие за другим. Кидал через бурные речушки мостики, строил переправы, врубался в скалы, прокладывая себе путь вперед. Вот и Уймонская долина. Здесь верховье Катуни.

На десятки километров размахнулась степь. Заросли березняка и краснотала по берегам речушек. Высокие травы в балках и низинах. Простор. Раздолье.

Припадал к реке уставший конь. Перекинут повод, сходил на землю пораженный невиданной красотой кочевник. Вечерами над речной долиной вился легкий дымок, спутник костра. Всплескивалась в Катуни неведомая рыба.

По тропам кочевников шли неутомимые искатели легендарного Беловодья. Сильные, смелые люди, они бросались врукопашную с первобытными силами природы. И побеждали.

Вот уже по берегам Катуни, в долинах и урочищах гор появились деревеньки, запахивались земли. Дикие травы ложились в стога. Колосилась пшеница и ячмень. Наполнялись янтарные соты пахучим медом. Приволье. Но люди отгораживались друг от друга глухими заборами. Лохматые, свирепые псы сторожили стада и усадьбы. Не было того сказочного Беловодья и в этих сказочных местах. Межи благодатных земель не раз орошались кровью междоусобий. Жажда наживы пробуждала звериные инстинкты, узаконивались неписаные обычаи в праве на жизнь. Люди хоронили за тесовые ворота и ставни свое маленькое счастье и радость. За семью печатями каменело сердце.

Нет, не такого Беловодья искали люди.

Плыла над Катунью печальная песня. Не раз в ее зеркальные воды гляделись заплаканные глаза... А степь, как и была. Вот она, под копытами стелется травами. Такая же безбрежная, как и тогда, в цветах и травах. А над нею звенящая трель жаворонка.

О том далеком, былом, напели нам струи белопенной Катуни. Река и сейчас загадочна и строга. Только на расцвеченных берегах ее другие теперь песни. Другое солнце в глазах людей. Полнее радость. Потому что эта радость не хуторянина, прятавшего в прохладных омшанниках свое счастье и гордость, эта радость свободного человека. Завоевав свое право на большое счастье, человек принес с собой в Уймонскую долину сады. Заставил работать на себя машины. Сравнял межи. Оттого чело-

Электронная библиотека АКУНБ, elb.altlib.ru

век теперь далеко виден в той степи. Он идет прямой, открытый, не прячась, не таясь от «дурного глаза», как и положено хозяину, человеку большой судьбы.

...Бежит Катунь по камням, мимо скалистых ущелий от самой Белухи. И чем дальше в долину, тем светлее ее волна, тем теплее вода становится. У приторов Катандинского седла крутит могучие вьюны, сердито пенится на перекатах, сбивает вокруг на тихих заводях легкие наносы, будто охвостья на большом кружаке. Голубой луч стреляет до самого песчаного дна и ломается в глубине, искрит тысячами маленьких солнц.

Если б можно было предупредить человека тогда, в те годы, когда на Алтае еще гремела гражданская война! Если б могла она подать сигнал на красногвардейскую заставу у Тюнгура, что по темным уремам непроходимой тайгой, вот уже вторую ночь крадется, как тень, смертельный враг — каратели и кулаки. Тогда, может быть, не было бы предательства и того страшного часа, когда расстреливаемый в упор из засады на каменной тропе беспомощно истек кровью красногвардейский отряд Петра Сухова... Если б можно было захлестнуть волной предательскую засаду!..

Мрачна в этих местах Катунь. От хвойного леса ложатся черные круги на омуты и перекаты. На тропе пробиваются родники и стекают в Катунь. Вода их темна в тени деревьев и оттого кажется, что это сочится кровь героев...

Слева от тропы-скалы крутые склоны высокой горы. Тогда немногие из суховцев, раненые и обессиленные, поднялись на вершину этой горы. И, может быть, ушли бы они от бандитских пуль, если б не сторожевые псы хуторской России — кулацкие ватажки. Они выследили их, схватили и отдали в руки палачей.

Если будете в Тюнгуре, поклонитесь могиле героев. Положите цветы у подножья обелиска. Они, эти первые ласточки большой человеческой весны, приняли как должное мученическую смерть за вас, за эти сады, за ваше счастье.

Тюнгур... Рядовое горное село. Справа — Катунь. Слева — горы. А какую страницу вписали годы в твою историю, Тюнгур! Конечно, теперь ты не тот.

Поля зеленеют от дружных всходов. Видны заснеженные отроги. Далеко ушла Катунь от своего истока, сделала большой круг, чтобы вобрать в свое каменное ложе десятки ручьев и речек. И вот в Тюнгуре она снова подходит близко к суровым отрогам родной горы. Сильны ее мускулы в этих местах. Коварны глубины.

У костра — на берегу Катуни — парни с Кара-Тюрека. А Кара-Тюрек — это соседка Белухи. Большая крутолобая гора. Там на вершине ее — высокогорная метеостанция. По тропам от Тюнгура до нее — полста километров.

У Катуни, в окрестностях Тюнгура, зацепившись за гору, рассыпалась на лугу радуга. Красные, желтые, голубые искры упали в траву и горят, искрятся на вечерней зорьке. Это цветы. Их так много, что каждый шаг по траве вызывает чувство вины. Жалко топтать. А не топтать невозможно. Цветы всюду. Туманится Кара-Тюрек. Легкой дымкой закрывается от долины.

— Метель, — кивает в сторону далеких гор молодой метеоролог и как-то стесненно опускает глаза. Будто он повинен в том, что там зима до сих пор воюет с летом и не пускает цветы. Он только что оттуда, с вершины Кара-Тюрека. На обветренном, каленом лице его следы бурь. Он спустился оттуда, с горы, и не может надышаться теплом и цветами. В зарослях кустарника, на берегу Катуни, его ждут. Сюда подали коня. Теперь можно ехать на базу в Катанду за питанием для приемника. Да и почты скопилось, небось, немало...

Смелые парни живут на Кара-Тюреке. Когда будете тушить костер, взгляните еще раз на эту гору. Если там не шалит метель, вы увидите в утренних лучах могучие отроги Белухи. А если появится желание, — побывайте хотя бы на Кара-Тюреке... Нелегко подняться на Кара-Тюрек — зато какая живописная тропа ожидает вас!

У Катуни много троп. И все они ведут в легенду, в сказку. А тропа на Кара-Тюрек — это тропа смелых и отважных.

Ну, а если заря потушит ваш костер у Тюнгура и Катунь заворожит своими неугомонными плесами и таинственно-загадочными омутами — идите за ней. Она вас проведет по не менее красивым местам нашей области.

Электронный архив библиотеки

5. ЧУЛЫШМАНСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Опасное соседство

Это произошло в те годы, когда недалеко от Чодро, на левом берегу Чулышмана стояла еще пограничная застава. Где-то рядом, в верховье Чулышмана — граница с Тувой. Теперь-то надобность в границе отпала, потому что тувинцы вошли в нашу страну автономной республикой.

Так вот, как-то выше той заставы километров на десять встретился егерь Полуянов нос к носу с «хозяином тайги».

Егерь хотел напоить коня и, ничего не подозревая, вел его в поводу к реке. И вдруг из-под вывороченного корневища на него вышел медведь. Конь рванулся в сторону и помчался.

Остался Полуянов один на один с мишкой. Умчался с конем и его карабин. Остался при нем короткий нож. Схватился за него егерь, да второпях не может вытянуть. А медведю назад пути нет — там река — он и пошел на егеря. Попятился тот, спиной о сосну уперся. Некуда дальше отступать. А нож вперекрут с ременным шнурком пошел. Чем сильнее дергает его Полуянов, тем он больше запутывается. Взмок. В голове вихрь — что делать? И вдруг, повинуясь одной мысли, шагнул навстречу зверю, размахнулся да как трахнет «Хозяина» кулаком в ухо. А кулак у егеря свинцовый.

Взревел мишка, откачнулся назад, но не упал. Тогда разбежался Полуянов и хотел его в воду спихнуть. Полетел «хозяин» под яр да успел и Полуянова с собой за телогрейку прихватить. Перелетел тот через медведя — и с головой в воду.

Вынырнул, лицо обтер ладонью и шарит по воде глазами, где медведь. А вокруг камни торчат из воды. Вода бурлит возле них. Подхватило егеря и поволокло вниз. В это время что-то больно в плечо ударило. Повернулся, а это огромная сосна вместе с обломанными сучьями плывет. Упала где-то с берега. Забрался он на нее, и только отдышался, слышит где-то фыркнуло. Присмотрелся по комлю к корневищу, а там — «хозяин». Забрался тоже и отряхивает свою шубу. Тут дерево поперек реки пошло и сразу же о камень трахнуло. Затрещали сучья, вершину кверху задрало. «Хозяин» опять в воде оказался.

— Ну, может, закуряет тебя, чёрта лохматого, — подумал егерь, но в это время вершина стала тонуть, и егерь пошел под воду, а когда снова вынырнул, увидел мишку, мотавшего головой и отфыркивавшегося на прежнем месте.

Так они и плыли. У самой заставы дерево развернуло. В это время с берега от пограничной заставы раздались свистки. «Нарвались на тревогу, — с досадой подумал Полуянов. — Ну, хоть от опасного соседства избавлюсь. Выручат, небось, парни. Свои. Не раз виделись».

К воде подбежали пограничники. Взметнулось вверх лассо. Дерево подцепили и потянули к берегу.

— Вот он, беглец... Здорово, Михаил Иванович! Нехорошо, брат, нехорошо. А ну, давай домой. Давай! — раздались веселые голоса.

Медведь отряхнулся и покорно пошел за пограничниками.

...Егерь обсушился на заставе. Бойцы напоили его чаем. Поел на кухне и мишка. Поел и охотно пошел играть — бороться со смельчаками. Смешно топтался вокруг, обхватив борца. Пробовал егерь по настоянию пограничников помириться с ним. Подошел, протянул ему руку. Мишка ткнулся мордой в его плечо, сердито оскалил клыки и недовольно отвернулся.

— Правильно, Михайло, — смеялись пограничники. — Надо быть принципиальным. Оплеух никому не прощай. А за самоволку придется тебе все-таки на гауптвахте посидеть. Давай-ка его на цепь...

Мишка покорно подставил шею и, недовольно пофыркивая, пошел за бойцом.

Электронная библиотека Горного Алтая elib.altlib.ru

6. ШОК

Марал вышел из кедрача. Остановился на опушке. Втянул с силой воздух. Постоял некоторое время и, спокойно подойдя к акации, стал легонько раскачивать ее рогами. А опасность уже подстерегала его. Из-за реки взял его на мушку охотник. Рогач был спокоен. Охотник горячился. Никак не мог поймать в прорез прицела голову животного.

Выстрел. Марал делает прыжок в сторону и тут же падает. Издав торжествующий крик, охотник бежит через речку, высоко держа в руке ружье.

Подбежав к убитому маралу, он вешает на его рога карабин и, не скрывая радости, пробует вскочить на тушу.

Вдруг резкий удар отбрасывает его далеко в сторону. Раздается топот, хруст ломаемых сучьев, и наступает тишина.

Только в голове охотника звенят еще какие-то колокола. Ноет плечо, разбитое колено саднит.

Очередная охотничья история. Ее рассказывает нам егерь Двоеглазов. Остроносое обветренное лицо его хранит таинственную усмешку. В глазах немой вопрос.

«Не верите? Могу назвать охотника». Но все знают его. С прошлого года у Двоеглазова новое ружье.

— Что же стряслось с маралом? — спрашиваем незадачливого охотника. — Ведь марал-то, говорите, лежал?

— Лежал, проклятый. Земертво. Даже откинул ноги.

— Что же тогда?

— Шок... Самый настоящий шок, друзья. Так говорят медики.

7. ДЕВИЧЬИ ПЛЕСЫ

У Кумира нет такой громкой славы, как у Катуни, Урсула или Чулышмана. О нем поэты не слагали песен. И легендами он не особенно богат. Но тот, кто побывал на его берегах, навсегда сохранит в своей памяти необычайную голубизну его вод, стремительный бег волны, хрустальную прозрачность заводей и шум водопадов.

Он вылетает из ущелья необъезженным аргамаком. Распустив голубую гриву, мчится Кумир сквозь теснины, перескакивая через валуны и обломки скал. В солнечной, просторной долине, недалеко от горной деревеньки Талицы, он сдерживает свой бег и раздается вширь. Пенятся, кипят перекаты. Разноцветные гальки и камни сверкают на солнце со дна. Трудно поверить, что это обычная горная вода. Кажется, что где-то в горах под «белками» плавится голубой хрусталь. Здесь, в этой небольшой долине, мы и встретились с легендой. Ее нам рассказал старик-алтаец. Он назвал только свое имя.

— Николай, — сказал он и добавил: — из сеока Телесов, — подумал немного и молодо сверкнул насмешливыми глазами: — Был когда-то... Теперь у нас один сеок.[1] Так-то посильнее будет... Правильно говорю?

Пожалуй, правильно. Не сеоками поднимать новую жизнь, а сообща. Потом старик подошел к реке и долго смотрел на нее. С трудом оторвав взгляд от реки, покачал головой и стал разматывать лесу.

— Если правда, что удав может своим взглядом подтянуть к себе ягненка, то почему бы той легенде о Кумире не быть тоже правдой? Смотрите, как притягивает к себе эта река! Не оторвешь глаз. Так бы и смотрел, и смотрел и смотрел на нее, — старик сбросил в траву кожаную суму и сел на нее, поблескивая из-под ресниц хитроватыми глазами.

Солнце пробивалось к закату. Его лучи скользили по серой скале, что высилась перед долиной. Вспыхнул рубец высеченной в скале древней дороги и погас. Легкие тени заскользили по реке. Где-то здесь начиналась легенда, у этих перекатов. Потом она уходила вверх по реке до самых Девичьих плесов. И еще выше до водопада, а

[1] Сеок — род, племя (*алт.*).

Электронный архив библиотеки АКУНБ, lib.altai.ru

от него ко всем урочищам. Цепкая память у легенд. И это понятно — в ней мудрость далекой старины, а может быть, и мечта народная.

Давно это было. Так что и троп тех не осталось в горах, на которых бились с захватчиками-джунгарами храбрые воины из алтайских сеоков. Поистерлись от времени. Заросли деревьями. Не стало тех троп, а легенда живет и будет еще долго жить, потому что остались Девичьи плесы. Они-то и сохранили память о тех днях, когда алтайцы боролись за свою независимость, за честь оставаться людьми на этой земле.

...В урочище Мендой прорвался отряд завоевателей. Хоть и много полегло их на горных кручах, но часть во главе с князем, одноглазым, свирепым стариком, пробилась к урочищу. Позорный плен, рабство ожидало его жителей. Камнями, стрелами отбивались жители, пока совсем не обессилели и не полегли в неравной битве. Осталось во всем урочище три девушки.

— Не попадай в руки этих мучителей, — сказал, умирая от тяжелой раны, отец красивой, гордой девушки Мерей... — Уведут к себе как невольницу. Не увидишь никогда больше родины. Нет беды страшнее, как умереть вдали от родных мест...

— Не беспокойся, отец. Позора не примем, — сказала Мерей и позвала подруг.

— Садитесь, девушки, на коней. Наш путь через вражий лагерь. Прорвемся или умрем. Больше дорог нет.

Одна из девушек, дочка бая, сбежавшего из урочища, испуганно замахала руками:

— Что ты, Мерей? Девушек воины не трогают. Так отец говорил.

— Твой отец трус. Он предал народ, — сказала гневно Мерей. — Оставайся. Встречай гостей, а мы решим иначе. — Она посмотрела на свою подружку, и та кивнула головой. Один конь остался во всем урочище. Но это был добрый аргамак. Сели на него девушки и бросились на врагов. Бил копытами вражьи головы аргамак. Рвал зубами. Не один завоеватель истек кровью от меча Мерей. Вот уже к стану самого князя пробиваться стали. Удивился тот смелостью и храбростью девушек, велел живыми взять их. Бросились враги со всех сторон. Раздались крики:

— Живыми! Это приказ господина!

Услышала это Мерей. Видит — не пробиться.

— У нас одна дорога осталась, — сказала она подруге, — свернуть вправо и броситься со скалы. Что ты скажешь?

— Лучше смерть, — прошептала та и обняла подругу.

Рванула повод Мерей и направила коня со скалы. Взвился тот над пропастью и упал вниз...

И тотчас в том ущелье вырвалась из-под земли река. Это аргамак никак не остановит свой бег. Мчится по камням, срывается водопадами, ревет в узких ущельях непокорной волной. Только в том месте, где упали девушки, образовался тихий плес... Хрустальные заводи просматриваются до самого дна...

Увидел со скалы красивую реку предводитель завоевателей и не мог оторвать от нее глаз. Она притягивала его, звала и не было сил сопротивляться ее силе. Шагнул навстречу тем заводям князек и сорвался со скалы в воду, чуть повыше плеса. Вскипела в том месте вода. И до сих пор не может успокоиться... А прошло уже столько лет.

...Мчится по ущелью Кумир необъезженным аргамаком. Вольной птицей летит на простор, на свободу и, кажется, нет такой силы, которая могла бы обуздать его, сдержать, приостановить его бег.

И только в одном месте — он тих и ласков. И струи его тут, как шелковые девичьи косы. Это место называется Девичьими плесами. Почему оно так называется? Может быть, как-то по-своему права легенда. А может быть, потому, что нет на Кумире более прелестного уголка и человеку хотелось назвать его ласково и красиво.

...Когда вы спуститесь с берега, обрамленного березками и цветами, на коричневые каменные плиты и заглянете в светлые заводи плеса, может быть, вам придет в голову более полное сравнение. А пока — Девичьи плесы. И это очень неплохо...

Электронная библиотека НБРК lib.kaznpu.ru

Н. КОЖЕВНИКОВ

(ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ)

С реки потянул сырой, предрассветный ветерок. Федор Евгеньевич нашарил на столе часы и, пристально вглядываясь в циферблат, с трудом определил, что дело идет к четвертому часу. Собственно, время можно было определить и без часов. Петухи разноголосо извещали о приближении утра. Но ручные часы у бакенщика появились недавно, и он еще часто в них заглядывал, когда в том и не было особой надобности.

В сумерках между черными космами ветел белой полосой проглядывала спокойная и тихая в этот час Обь. В ней слабо дрожали угасающие звезды. Бакенщик пошел к реке. Невидимое в темноте комариное облачко, нудно гудя, ринулось вслед за ним.

Около ветел Федор Евгеньевич наткнулся на парочку.

— Гляди, какие старательные, — усмехнулся он. — Ночи было мало — утра прихватили.

Но, когда отошел, спохватился: уж не Егор ли это?..

— Егор, ты?..

Парень отшатнулся от девушки и скрылся в темных кленовых кустах. Девушка прыснула и тоже убежала.

— Ну, подожди, шельмец! — погрозил про себя Федор Евгеньевич. И, шагая к реке, задумался о сыне. Непутевым вырос. Семнадцать лет, а он едва закончил восемь классов. А на днях и вовсе, объявил, что хочет бросить школу.

— Ты что, спятил?!. — не выдержал тогда Федор Евгеньевич. — Не учась-то, далеко ли уедешь?!..

— Обойдусь, — глядя в пол отчужденно отозвался Егор.

После того разговора Федор Евгеньевич долго ломал голову, как быть с сыном. Попробовал предложить:

— Может, Егор, на реку пойдешь? Оба бакенщиками будем.

Егор криво усмехнулся:

— Нужна-то она мне твоя река!

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

И Федор Евгеньевич крепко обиделся. Гораздо больше, чем если б сын сказал: «Нужен ты мне».

Вот уже с месяц Егор околачивался дома без всякого дела. Ночами пропадал, а днем отсыпался где-нибудь на лугу или под тенью кудлатой ветлы. У Федора Евгеньевича исподволь накапливалось озлобление.

— Ну по-го-ди же!..

Егор сладко посапывал и по-детски улыбался во сне. Федор Евгеньевич усмехнулся: «Эх ты, кавалер. Материно молоко на губах не обсохло, а туда же...» И, сделав строгое лицо, твердо сказал:

— Вставай!

Егор открыл сонные, припухшие веки.

— Чего опять?

— Как разговариваешь? Сказано — вставай!

Егор потянулся, покосил глазом на отца.

— Зачем?

— К верхнему знаку со мной поедешь.

— Опять? Чего я там не видал? Не поеду.

— По-е-де-шь!..

Егор тяжело вздохнул. Он знал, что в таких случаях с отцом лучше не спорить. Еще раз потянулся и сказал с ленивой усмешкой:

— Ладно. Поеду. Только не кричи. Терпеть не могу.

Егор, развалившись на носу довольно большой, громоздкой лодки, сплевывал сквозь зубы в воду. На отца, суетившегося на берегу, и на мать, стоявшую тут же у лодки, не смотрел. Федор Евгеньевич еще раз проверил взглядом, все ли необходимое в лодке, кивнул жене:

— Ну, бывай...

— Счастливо вам, — улыбнулась она, очень довольная, что отец отправляется с сыном вместе.

Мотор трудился на славу — лодка шла ходко. Навстречу неслась мутная после недавних дождей вода. Егора вскоре сморил сон. Федор Евгеньевич поднялся с кормы и так приспособил свою брезентовую робу, чтобы тень падала на лицо сына.

Вот и первый знак. Федор Евгеньевич проверил батареи: так и есть, сели. Он взял запасные, заменил. И вот лодка уже плывет дальше.

Федор Евгеньевич поглядывает по сторонам.

Вон серыми кочками торчат по берегу тоскующие рыбаки. И он искренне сочувствует им: что-то плохо стала водиться рыба в реке. Вот уж и сетями запретили ловить. А рыбы все равно становится все меньше и меньше.

Когда лодка проходила мимо стоявшего у причала парома, он разглядел на берегу рядом с паромщиком управляющего отделением совхоза.

— Салют стражу реки! — помахал ему управляющий. — Как жив-здоров?

— Спасибо, хорошо. Заезжай на уху, когда будет путь.

С управляющим у Федора Евгеньевича давняя дружба. Ежегодно, когда приходит октябрь и по холодной речной воде начнет гнать «шугу», он уходит на всю зиму работать в совхоз. Одно, что, как никак, семья пять душ. А главное, как можно сидеть, когда рядом во как мужские руки нужны. И на лесопилку, и в плотницкие бригады...

Егора все-таки проняло солнце. Проснулся. Прикрыв глаза ладонью, долго наблюдал за отцом.

— Ну как, выспался? — посмотрел на него Федор Евгеньевич.

— А-а, — позевнул Егор. — Тут не хочешь, да заснешь. Работенка у тебя такая... От скуки подохнуть можно

— Кому как, — холодно отозвался Федор Евгеньевич.

Егор замолчал. Его занимало больше другое: за каким чертом отец потащил его с собой к верхнему знаку? Чтоб одному не скучать? Так и вдвоем не веселее. Сидит вот и даже не смотрит.

И вдруг, словно отгадав его мысли, Федор Евгеньевич спросил:

Электронный архив библиотеки АГУНБ, elib.altlib.ru

— Так что ж ты решил делать? Работать, что ль, пойдешь?..
— В город поеду.
— В го-ро-д?..
— Ну, а что? Не стану же я торчать здесь, на реке!
— Чем же плоха река?
— Ну, а чего в ней хорошего? Река как река.
— А если посмотреть пристальней.
— Чего смотреть? Насмотрелся. Кусты кругом да комарье...
Федор Евгеньевич насупился и умолк.

Сперва он молчал потому, что обиделся на Егора. Потом раздумался: как ее судить, теперешнюю молодежь? Шибко уж легко им все достается. Подрос, — пожалуйста, для тебя школа, в библиотеках книжки. Закончил школу, хочешь — учись дальше, хочешь — работай. А теперешние работы с теми, что раньше были, никак не сравнишь. Раньше куда тяжелее было. Так вот и живет человек, не испытав ни разу, почем фунт лиха, и ни разу не изведав настоящих трудностей. А ведь только в них закаляется человек. С чем приходится бороться таким, как Егор?

К слову сказать, бакенщиком быть сейчас тоже совсем не то, что раньше. Бывало, вечером в любую непогодь тащись на лодчонке по бушующей реке, зажигай керосинки, а их то ветром, то дождем гасит. Иную ночь, случалось, так и просидишь, не разгибаясь, за веслами. А что сейчас? Вместо недавних керосинок электрические фонари. Их и зажигать-то не надо, фотовыключатели имеются. Вместо маленькой лодочки, которую, чуть зазевайся, может свободно опрокинуть волна, — большая устойчивая лодка и к тому же еще шестисильный мотор. Так-то можно работать. А что станет дальше? Представить трудно! Может, будет где-нибудь сидеть у пульта управления инженер или техник. Понадобится ему увидеть какой-то участок реки со всеми его знаками — включит телевизор и пожалуйста. А потом, глядишь, додумаются ученые и до того, что глубину реки начнут измерять на расстоянии.

Только до такой работы ему, Федору Евгеньевичу, не дотянуть, наверное. А если и доживет до той поры, то опять же, что он будет делать с его грамотешкой?

Мечтал иногда Федор Евгеньевич, плывя по сонной туманной реке, что за тем пультом будет сидеть Егор. Оттого так и огорчился, что сын бросил учебу и равнодушен к реке. Конечно, отчаиваться сильно вроде бы оно и не стоило: все же у него растет еще два сына. Но кто может поручиться, что они не пойдут по той же дорожке, что и старший?

Лодка подошла к перекату. Вода здесь течет спокойно, словно отдыхает, набирает сил, чтоб потом стремительно кинуться в узкий проход, огороженный крутыми берегами.

Опустив наметку в струящуюся воду, Федор Евгеньевич удовлетворенно крякнул:
— Гм, работаешь?

Эти слова относились к реке. Она начала углублять перекат посредине. Это было неожиданной и приятной новостью.

На этом перекате, случалось, не раз, особенно ближе к осени, когда мелела река, садились на мель баржи с зерном. Ткнется она в песок, а бакенщик потом ползай на своей лодке по перекату, щупай дно наметкой да еще слушай, как чертыхаются капитан и шкиперы. Но теперь пока беспокоиться не надо. Капризная река начала размывать песок именно там, где надо. И у Федора Евгеньевича полегчало на душе.

Он посмотрел на скучающего Егора и, скорее только ради того, чтоб не молчать, спросил:
— Значит, в город думаешь?
— Я же сказал, — нехотя отозвался Егор.

Один из путевых знаков сильно оброс травой. К тому же буйно тянувшийся к солнцу ивняк местами закрывал его. Начальник участка давненько уже обещал подвезти столб, чтоб повыше поднять сигнальную лампочку. А пока Федор Евгеньевич решил скосить траву у знака да заготовить укосины для нового столба. Он причалил к берегу, взял косу и вступил в высокую густую траву. Егор не вылезал из лодки, сидел, нахохлившись, и смотрел куда-то в сторону.

— Возьми топор и шагай сюда, — позвал Федор Евгеньевич.

Егор легко и ловко взобрался на косогор.

— Чего еще?

— Укосины надо срубить...

Егор взял из лодки топор и нехотя поплелся в густую чащу ивняка. Вскоре оттуда послышалось:

— Тут топором негде размахнуться! Как тут рубить в такой чащобе?..

— А ты хитрость на помощь позови, — посоветовал отец.

Прежде чем скосить траву, Федор Евгеньевич набрал большой букет из самых ярких и красивых цветов. Отнес в лодку и спрятал в корме. «Ребятишкам», — сказал он сам себе. И в то же время представил, как жена переберет по-своему букет, обрубит длинные стебли и поставит его в стеклянную банку с водой.

Егор с укосинами появился у знака, когда бакенщик докашивал траву.

— Нарвал бы цветов-то для своей, как ее, залеточки, что ли, — шутливо посоветовал Федор Евгеньевич. — Глянь, какая их тут пропасть.

Егор исподлобья взглянул на отца и покраснел.

— Вот еще...

Нет, Федор Евгеньевич решительно не мог понять сына.

Когда они подплыли к последнему бакену, ветер спал. Вода казалась неподвижной. Как в зеркале, отражались в ней высокие, поросшие мелколесьем берега и мутный угасающий закат. До бакена оставалось метров двадцать. И тут Федор Евгеньевич, измерявший наметкой глубину, заметил неладное. Бакен явно был смещен метров на пять от того места, где ему положено быть. Что случилось? Хулиганство бродячих туристов? До этого не раз бывало, что праздношатающиеся юнцы ради озорства портили речные знаки, разбивали лампочки, бывало, даже снимали фотовыключатели. Всякое случалось, но чтоб бакен переставить, до этого еще не доходило...

К бакену приближались медленно. И Федор Евгеньевич еще издали понял, в чем дело. Из воды торчали тонкие черные ветки. Коряга, сорванная откуда-то водой, расположилась под углом к течению, потому-то и сдвинула бакен в сторону.

— Держи лодку! — крикнул он сыну.

Егор свесился с лодки, нащупал в воде скользкий холодный трос, которым крепился бакен, и сильно подтянул лодку. Федор Евгеньевич, обутый в резиновые сапоги, попытался ногой вытолкнуть корягу из-под бакена. Ничего не получилось. Попробовал рукой, — куда там! Такую впору трактором тащить. Тогда он взял багор и, налегая на него грудью, уперся в корягу. Лицо его побагровело от натуги. Егор едва удерживал лодку. Ладони, особенно пальцы, онемели.

— Пал, не могу больше. Брошу сейчас...

— Потерпи малость...

Трос плеснув, ушел под воду. Бакенщик покачнулся, но на ногах устоял. Егор, морщась от боли, тряс онемевшими пальцами.

— Охота тебе возиться. Какая разница: пять метров туда, пять метров сюда...

— Что мелешь? Этой разницы хватит, чтобы судно посадить на песок.

Лодку, медленно разворачивая, сносило течением вниз. Бакен в вечерних сумерках был уже едва заметен. Только его красноватый огонек виднелся довольно отчетливо. Завели мотор, и лодка снова двинулась к бакену. Чтоб лодку не снесло, бросили якорь.

Федор Евгеньевич с полчаса ворочал корягу и так и эдак. Потемнело настолько, что берега стали совсем черными, а огни речных знаков, невидимые днем, вдруг замерцали яркими звездочками. Бакенщик со страхом глядел на подплывающий катер, буксировавший баржу. Катер норовил пройти слишком близко к бакену. Федор Евгеньевич сложил ладони рупором и закричал, что было мочи:

— Дер-ржи правее! Голова садовая!

Катер слегка изменил курс. Бакенщик проводил его взглядом, потрогал корягу ногой, чертыхнулся.

— Придется лезть в воду. Слышь, Егор. В воду, говорю, придется лезть и выручать бакен ломиком.

— Ну и что? Хочешь, чтоб я рискнул? Тут же рядом глубь вон какая... Оставь лучше до утра!

Федор Евгеньевич не ответил. Неторопливо разделся и, придерживаясь руками за скользкий бок лодки, спустился в воду и нырнул под бакен. Коряга нехотя заво-

рочалась, задвигала в воде своими черными кореньями, медленно начала выползать из-под бакена. Федор Евгеньевич с шумом вынырнул, схватился за осклизлое основание бакена и задышал шумно и часто.

— Да брось ты, пап, тебе говорят. Рядом же глубь...

Но Федор Евгеньевич не дослушал его, опять скрылся под водой.

Чего боялся Егор, то случилось. Коряга, тяжело ворочаясь, будто чудовище, выползла из-под бакена и стала уплывать вместе с обессилевшим отцом, который не успел вовремя уцепиться за лодку или бакен. Коряга с шумным всплеском перевернулась несколько раз и вместе с отцом исчезла в темноте.

— Папа! — не своим голосом вскрикнул Егор. — Папа!..

Но отец не отзывался. Егор задрожал от страха. Впервые в жизни он остро почувствовал, что отец бесконечно дорог ему. Как был одетый, он бросился в воду. В иное время Егор умел держаться на воде часами, а тут бестолково захлопал руками, поднимая брызги.

— Па-па!..

Течение стремительно несло его в темноту, но он снова и снова нырял в глубину, лихорадочно шарил руками по холодному песчаному дну. Почувствовав, наконец, что начинает захлебываться и терять силы, медленно поплыл к берегу.

Он даже не обрадовался, когда почувствовал под ногами дно. Добрел до берега и упал, вцепившись пальцами в песок.

— Эх, папа! Подумал бы, из-за чего...

Вдруг он услышал шаги, затем, присмотревшись, увидел что берегом идет человек.

Когда они грелись и сушились у огромного шипящего костра и когда плыли назад по реке в зыбком предрассветном тумане, Егор смотрел на отца широко раскрытыми глазами, будто видел его впервые.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.atlib.ru

Алтайское лето. (Пусть всегда будет солнце).

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

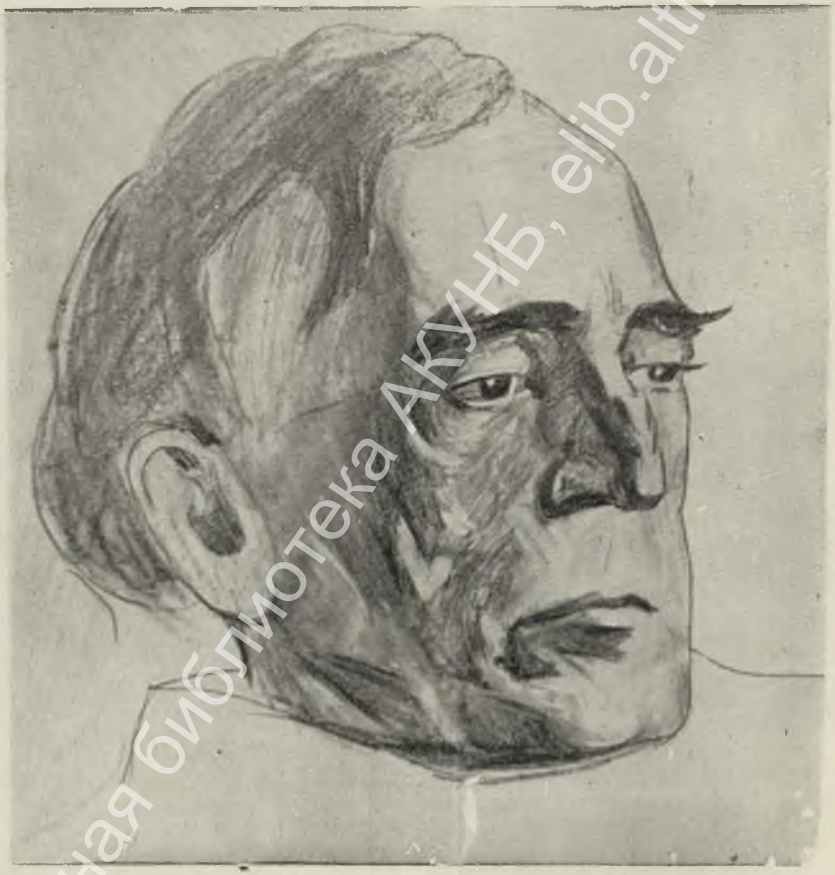
Алтайское кочевье.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Алтай.

Через хребты.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru



Старейший художник Алтая, ученик Г. Гуркина
Дмитрий Иванович Кузнецов.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙСКИЙ ХУДОЖНИК Н. ИВАНОВ

С Горным Алтаем у Николая Петровича Иванова связаны многие годы жизни. Здесь он окончил школу, отсюда поехал в Алма-Атинское художественное училище.

В 1951 году Н. Иванов участвует на краевой художественной выставке со своими работами «Возвращение», «Портрет алтайки» и рядом этюдов. В 1953 году он уже был участником Всесибирской выставки. А в следующем году поступил учиться в Московский художественный институт имени И. В. Сурикова.

Еще будучи студентом последнего курса, молодой художник представил на Республиканскую выставку «Советская Россия» картину «Алтайское кочевье». К ней во время летних каникул он написал множество этюдов с изображением горных далей, пастбищ, озер — словом всего того, без чего работа пейзажиста в условиях мастерской невозможна. Дипломной работой Н. Иванова явилась картина «Алтайские чабаны». В ней так же, как в «Алтайском кочевье», художник помещает фигуры чабанов на фоне гор, а поодаль отару овец. Но непосредственная связь родной природы с образом человека здесь звучит с новой силой.

В последующих произведениях, воспевая Горный Алтай, художник все больше и больше уделяет внимания людям. Герои картины «Хозяева земли», над которой он еще продолжает работать, — это люди труда. С любовной тщательностью пишет художник внешне суровые лица чабанов. Особенно интересен образ старого чабана, бывшего воина, о чем свидетельствует солдатский ремень, надетый поверх шубы.

Совершенно иным произведением является картина Н. Иванова «Алтайское лето. Пусть всегда будет солнце», которую он подарил Алтайскому музею изобразительных искусств в день двадцатилетия победы над фашистской Германией. Картина вполне оправдывает свое название. Солнечный свет буквально пронизывает полотно, отражаясь на горных вершинах, освещая цветистый луг, по которому едет верхом на лошади молодая алтайка, бережно поддерживая сидящего перед собой сынишку. Сравнивая это произведение с другими картинами Иванова, находишь много нового. Здесь впервые в его творчестве прозвучала тема материнства, по-новому он решает это произведение и в цвете.

В настоящее время художник заканчивает картину «Хозяева гор», которую думает показать на краевой выставке.

К 50-летию Советской власти и к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина он готовит триптих «За власть Советов».

Жажда нового, желание идти навстречу трудностям, навстречу жизни — таков творческий путь нашего земляка — художника Николая Петровича Иванова.

А. КАРПОВА,

научный сотрудник Алтайского музея изобразительных и прикладных искусств.

Электронная библиотека Алтая elib.altlib.ru

В. СОЛОВОВ

ГОЛУБОЕ ПЕРО

(РАССКАЗ)

Потеряв всякую осторожность, икрянка упрямо лезла в камыши, на чистую воду. Именно в этот период она забывала о страхе перед человеком, забывала о его хитрости и коварности. Весной, когда от берегов отходил лед и с полей приходила свежая вода, вступал в силу более сильный инстинкт, чем страх — инстинкт продолжения рода. А кроме человека, ей бояться было некого. Она давно хозяйничала в затоне, наводя страх на мирных чебачков, и даже нахальные окуни старались держаться подальше от ее зубастой пасти.

По реке уже плыли в последний и далекий путь хрустальные плоты-льдины, но в затоне еще держался лед. В тихом месте льду солнце не указ, и хотя вешняя вода вымыла его от берегов, в середине затона он держался. Кругом была вода: она затопила низменный берег затона, слилась с небольшим озерком на пойме и дошла до самого бора.

Забыв о всякой «мирской суете», икрянка лезла через камыши, на вольную воду, в траву. Весь ее вид: полузакрытые глаза, отвисшая нижняя челюсть и какие-то неуверенные, но сильные движения плавников показывали, что икрянка готовится к чему-то таинственному, что сильнее ее самой, что важнее ее жизни. За икрянкой верным конвоем, стараясь не отставать, оттирая друг друга, лезли трое самцов-молочников.

В небольшой отноге, за стеной камыша икрянка остановилась. Здесь было мелко, отброшенный назад плавник совсем высунулся из воды, но икрянке это место явно нравилось. Вся артелька дружно заработала плавниками, разгоняя застоявшуюся воду и мусор. Вдруг икрянка дернулась, потом вытянулась, как стрела, судорога прошла через все ее длинное вальковатое тело. Молочники замерли в ожидании, страстно косясь на самку, прижимаясь к ее бокам. А на осоку, ветви тальника, на дно отноги уже лилась тонкая струйка зелено-желтой икры...

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Пожалуй, ни одна рыба не имеет столько названий, как щука. Мелкую щуку в Европейской части называют щуренком, а на Оби — щурагайкой. На Украине это — щупак, а казахи называют ее шортаном. Очень поэтично название молодой щуки — голубое перо. Действительно, у 3—5-летней щуки плавники ярче, переливаются нежно-голубым цветом. Поэтому-то и назвали щуку голубым пером, хотя некоторые рыбаки рассказывают совсем по-другому:

...Давным-давно, когда мир только начал существовать, и все живое устраивалось в реках и лесах, щука очень захотела быть красивой. Не нравились ей мелкие сероватые чешуйки, длинная крокодилья голова. Красавец окунь с желтовато-зеленой окраской и поперечными полосами и яркокрасными плавниками просто сводил завистницу с ума.

От зависти заболела щука, лишилась аппетита. Даже робкие плотвички перестали бояться злого хищника, а щука бродила по реке с одной думой, как ей сделаться красивой.

И вот однажды на берегу заводи в кустарнике увидела щука красавицу утку. Голова у нее черная с зеленым блеском, низ — коричневый, а крылья... красивее всего были крылья. Голубовато-сизые они переливались изумрудным блеском в лучах заходящего солнца. Замерла от восхищения и зависти щука, а утка по заводи прохаживается, отряхивается, красивые перья из себя вытаскивает да рядом складывает. Хотела уж щука узнать, в чем дело, да и красивых перьев попросить, но опоздала. Утка в последний раз отряхнулась, довольно крякнула и улетела. А нежно-голубые перья так на берегу и остались. Бросилась завистница к берегу, но далеко лежали перья, зубами не достать. Взмолила щука ветер, попросила его пододвинуть перья поближе к воде, а озорнику-ветру того и нужно, дунул он на красивый наряд утки — все перья оказались в воде.

С тех пор и стали щуку звать голубым пером. Правда, ворованной красоты ей хватило ненадолго. С каждым годом она теряла красивые перья из своей чешуи, становилась все черней да черней. А утка, потеряв свой наряд, стала серой, незаметной, какой мы ее сейчас знаем...

Большинство любителей рыбной ловли полагает, что щука приносит большой вред рыбному хозяйству, а поэтому ее нужно истреблять вплоть до полного уничтожения всеми способами лова. Взгляд этот совершенно ошибочен.

Щука, как хищник, служит регулятором рыбного населения, поедает в первую очередь малоценную и больную рыбу. Этим создаются лучшие условия для роста и размножения здоровой рыбы. Да и количество съеденной рыбы не так уж велико. Дело в том, что щука обладает довольно слабым пищеварением и переваривает пищу много дней. Большое количество рыбы, обычно находимое в желудке у щуки, и дало ошибочное понятие о ее прожорливости. Кроме того, она ест не только рыбу, а и лягушек, мышей, червей. Из рыбы же она истребляет как раз сорную и малоценную. Поэтому-то щука — необходимая составная часть рыбного населения, запасы которого нужно оберегать.

...После нереста артелька разбрелась. Икрянка, брошенная ухажерами, приткнулась к берегу, а молочники уплыли в затон. Вокруг икры вер-

телись стайки окуньков и ершей, они были не прочь полакомиться вкусной щучьей икрой. Но близко подплывать побаивались. Икрянка уже не заботилась о своем потомстве. Немного отдохнув у берега, она направилась вслед за самцами в затон. В узком месте, при входе в затон, обычно рыбу ожидали хитрые ловушки браконьеров: фитили, сети. Но щука давно научилась избегать их. И сейчас она презрительно обходила сети, стараясь держаться подальше от коварных фитилей. Только в одном месте, где сети стояли сплошной стеной, ей пришлось прыгнуть, чтобы не угодить в ячею. На мгновенье она увидела голые деревья на берегу затона, стог сена, и ветер ласково дохнул и защекотал жабры.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.aku

А. ПЛОТНИКОВА

ПОЭТ РУССКИЙ ЗВОНКОГОЛОСЫЙ

(К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА)

Полвека назад, в марте 1915 года произошла знаменательная встреча известного поэта Александра Блока с 19-летним крестьянином Рязанской губернии Сергеем Есениным. Блок с интересом слушал свежие, «голосистые» стихи, внимательно разглядывал гостя. А тот, по собственному признанию, чувствовал себя неважно. «Когда я смотрел на Блока, — писал он в автобиографии, — с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта».

В том же, 1915 году, литературная Россия заговорила о Есенине как авторе сборника «Радуница». Поэт получает признание в литературных кругах и пользуется особым успехом в модных литературных салонах Петрограда. Обутый в лапотки, в рубашке, вышитой крестиками, он со своими золотыми кудрями выглядел очень картинно и вызывал умиление любителей «русской старины» и «древлего» благочестия. Только А. М. Горький, встретив Есенина в те дни, не умилился и не расчувствовался. «Когда я читал его размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи, — вспоминал он, — не верилось мне, что пишет их тот самый, нарочито картинно одетый мальчик».

Горький, как и Блок, старается помочь Есенину найти свой путь в жизни. Публикует в «Летописи» один из сильнейших ранних стихов поэта «Засушила засуха засевки», пытается напечатать «Марфу Посадницу». Есенин очень ценил впоследствии это внимание признанного писателя к себе, молодому поэту. Александр Блок, в свою очередь, предостерегает юношу от тех опасностей, которые ждали его на трудном литературном пути. Он настойчиво советует не спешить, лучше разобраться в окружающих и самом себе, советует не поддаваться лести салонных критиков. «Путь Вам, может быть, предстоит некороткий, — писал он Есенину, — и, чтобы с него не сбить-

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ся, надо не торопиться, не нервничать. Я это не для прописи Вам хочу сказать, а от души; сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и болото не засосало».

Это предупреждение большого поэта и тонкого психолога, каким был Блок, имело пророческий характер и основывалось на понимании сложности поэтического труда и творческих возможностей Сергея Есенина. В нем уже в те годы «просматривался» художник, необычайно чутко улавливающий колебания в атмосфере общественной жизни. Струны его лиры воспроизводили едва различимые мелодии человеческих настроений и переживаний. Трепетное и страстное сердце поэта обогащало и усиливало звучание этих мелодий, делало их проникновенными, искренними. Лирический герой поэта, выразитель этих настроений, обладал очень звучным и оригинальным голосом. Будь это время ясной и устойчивой погоды, за судьбу певца можно бы не беспокоиться. Голос бы его развивался и креп, мастерство совершенствовалось, обогащался репертуар. Но время было предгрозовое. Политическая борьба накануне Великой Октябрьской социалистической революции требовала от каждого человека вообще, а поэта в особенности, понимать, «куда идти, в каком оружаться стане». Горе было тем, кто не имел прочных идейных убеждений, жизненного опыта и душевной стойкости.

Есенин, к сожалению, относился к числу таких людей.

Природа, щедро одарившая поэта талантом, не могла ему дать готового мировоззрения и всего того, что позволяет художнику «в просвещении стать с веком наравне». Понятно беспокойство, которое испытывал Блок за юного собрата по перу, когда предостерегал от «ветра», способного сбить с ног, и засасывающего «болота».

Есенину, как и многим поэтам тех лет, свое мировоззрение пришлось буквально выстрадать, прежде чем стать певцом Руси советской. «Так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок», — с горечью и грустью признавался он незадолго до смерти. И, как все сильные люди, способные глядеть в свою душу не подличая, поэт не искал виновных. Он винил только себя. Винил за личную слабость, за неустойчивость, за неумение разглядеть свой путь в «развороченном бурей быте». Он не мог понять того, что его душевная драма — это яркое проявление душевной драмы целого поколения людей, болезненно переживших переход от России патриархальной к России социалистической. «Сергея Есенина не спрячешь, не вычеркнешь из нашей действительности, — писал А. М. Горький, — он выражает стон и вопль многих сотен тысяч, он яркий и драматический символ непримиримого раскола старого с новым».

Дореволюционное творчество Сергея Есенина не было безоблачным и ясным, как это пытались представить некоторые буржуазные литературоведы. Оно было противоречиво и драматично, как и весь тернистый путь поэта. Слишком незащищенным входил поэт в «большую» литературу. Не предполагал он, как много потребует от него служение искусству в эти тяжелые, предгрозовые годы.

«Хомутный запах дегтя, божница старая, лампады кроткий свет», как и другие «ощущенья детских лет», обогатили будущего поэта знанием деревенской жизни со всеми ее горестями и радостями. Но эти впечатления мало подкреплялись теоретической подготовкой, которая бы помогала лучше разобраться в происходящих событиях. В годы, когда тысячи молодых людей «диалектику учили не по Гегелю», занимаясь в марксистских кружках и принимая участие в классовых битвах, ясноглазый, кудрявый рязанский парнишка осиливал начатки грамоты по Евангелию. Богомольная бабка расширяла кругозор будущего поэта, таская его по монастырям и «святым» местам. Земская и церковно-учительская школа, по признанию самого Есенина, не дали ему почти ничего, «кроме крепкого знания церковно-славянского языка». Жадное, бессистемное чтение тоже не могло удовлетворить духовных запросов впечатлительного юноши, который очень рано «с рифмою схлестнулся». Ему хотелось «всю душу выплескать в словах», и он доказал ранними стихами свое право называться поэтом. В них было уже есенинское «половодье чувств» и есенинская музыкальность, такая близкая раздольному и задушевному народно-поэтическому творчеству. Юный поэт находил массу поэтического в предметах и явлениях, казалось бы, самых будничных, обычных. Каждый кленочек зелененький, каждая березка, черемуха в белой накидке, словно преображались, едва их касался взгляд поэта. Они становились частью того подлинно прекрасного и одухотворенного, что таила в себе Родина. В стихах поэта

запечатлена была не только «зримая» сторона русской природы, но и ее звуковая неповторимость. Он слышал сам и заставлял читателя слышать, как «зима аукает, мохнатый лес баюкает стозвоном сосняка», как «на бору со звонами плачут глухари», а «у низеньких околиц звонко чахнут тополя». Поэт знакомил читателя и со своим лирическим героем — молодым, жизнерадостным пареньком. Развернув тальянку, «хмельный от радости», от юношески пылкой любви, этот паренек как бы сливался с миром одухотворенной природы, растворялся «в зеленях ее стозвонных». Поэт славил Русь и клялся быть ей верным до гроба.

Но Русь в представлении Есенина тех лет была очень дремотной, сермяжной, монастырской. Он не придавал большого значения тому, что было связано с проявлением социального протеста крестьян. И хотя в стихотворении «Мой путь» говорится, что «мужики роптали, бранились в черта, в бога и в царя», этот «ропот» не стал объектом его поэзии.

Едва дело касалось «сложных» явлений, как голос поэта становился ломким, а в самобытную мелодию стиха врывались чужие голоса, непосредственность сменялась книжностью, штампами. Образы удалых пареньков и веселых девушек попадали в компанию с постными ликами святых угодников и великомучеников. Хоть впоследствии Есенин будет просить читателей относиться ко всем его «Иисусам, божьим матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии», это, по существу, мало что меняет. Не от хорошей жизни обращался поэт к таким «авторитетам». Слишком отвлеченными были его возвышенно-романтические идеалы, слишком туманно представлял он себе носителей высшей нравственной и духовной красоты.

В этом отношении Есенин очень отличался от раннего Горького. Автор «Старухи Изергиль», по собственному признанию, тоже на первых порах имел романтические идеалы, весьма отвлеченные, и прикрашивал «томительно-бедную жизнь» за счет поэтической фантазии («за свой счет»). Но его желание видеть вокруг себя людей «с солнцем в крови» подсказывало образы героев-вольнолюбцев. Гордые цыганы, веселые чабаны и рыбаки, не говоря уже о таких героях, как Данко, воплощали страстное желание писателя славить борцов, о которых и сказки расскажут и песни споют потомки. Эта романтика роднила Горького с теми, кто ждал жаждой надвигающейся «бури», уходила корнями к революционным тенденциям в общественной жизни России. Потому-то произведения Горького идейно вооружали сознательных борцов против самодержавно-буржуазного строя.

Эстетический идеал Есенина во многом связан был с представлением о прекрасном в его консервативно-патриархальном понимании. А в романтике было много общего с религиозными иллюзиями патриархального русского крестьянства, вздыхавшего о «божецкой жизни» и представлявшего себе «мужицкий рай» как царство достатка, политического застоя и кротости.

Эту слабость идейно-поэтических позиций молодого поэта сразу же почувствовали представители русского декадентства тех лет. Многим школам и школкам хотелось заполучить в свои ряды голосистого «таинственного» художника и направить его творчество в своих интересах. Символисты видели в религиозных стихах Есенина подтверждение своих «теорий» о народе-богоискателе и якобы исконной религиозности русского простого люда; некоторой части акмеистов (Н. Клюеву и др.) импонировали стихи о «кондовой» Руси с ее дремотностью и неподвижностью; даже представители царствующей династии Романовых были не прочь «приручить» поэта. «Такое было время, — писал А. В. Луначарский, — что и у мужичка готовы были «искать правды», и мистицизмом увлекались, и за новинками гонялись».

В таких условиях нетрудно было растеряться. Демократические настроения поэта подвергались испытаниям. Соблазн был велик. На какое-то время мутная волна декадентской литературы, казалось, захлестнула Есенина и понесла его в сторону от главного течения русской реалистической поэзии. Приняв какие-то «правила игры», Есенин пошел даже на своеобразный маскарад: носил лапти и расшитые рубашки. Правда, Горький, Маяковский, Блок и некоторые другие современники довольно скоро увидели, что при всей кажущейся кротости юный поэт был не так-то прост. Он не спешил выполнять то, что от него требовали Мережковские, Клейнмихели и прочие. А близость к народу и нетерпимое отношение к фальши помогли разобраться в истинной цене «снисходительности дворянства». Поэт почувствовал себя оскорбленным.

И хотя социальное прозрение его не сопровождалось желанием встать в ряды сознательных политических борцов, вылилось лишь в «отчаянное хулиганство», все же это имело определенное значение для идейного роста Есенина.

Его поэзия обогащается новой тематикой, отражающей вольнолюбие русского народа. Даже героев Древней Руси Есенин теперь переосмысливает в героико-романтическом плане, делает их носителями исконно русских стремлений к вольной волюшке. В духе традиций устного народного творчества создаются и образы удалых молодцов-разбойников, умеющих постоять за себя, за справедливость и независимость. В этих стихах ничего не говорилось о типических настроениях бурной предреволюционной поры, но, казалось, ветер эпохи веял в них. Настрой стихов был тревожный, мятежный. Они вызывали у читателя тоску о иной жизни, будоражили воображение, заставляли думать о будущем. Не случайно цензура усмотрела в «Марфе Посаднице» поэтизацию бунтарства и запретила печатать поэму в «Летописи», как ни хлопотал о том А. М. Горький.

Поэт мучительно старался понять, куда шла Россия. Он чувствовал назревание каких-то событий, улавливал дыхание приближающейся бури и тоску миллионов по иной жизни. Переведя эти настроения на эмоциональный язык поэзии, он как бы приобщал современников к невыносимой сердечной боли, переживаемой «Родиной кроткой». Русь представала в его стихах мечтающей «о розовом небе и голубиных облаках». Но вместо них она видела картины сиротства, нищеты, неприкаянной старости, слышала кандальный звон цепей. И, словно завершая строй обиженных и оскорбленных, поэт выводил на сцену самых беззащитных и безответных страдальцев. Это было «зверье». В стихотворениях «Корова», «Песнь о собаке» и других с потрясающей силой вскрывались муки бессловесных животных, которым тоже ой как не сладко жилось.

Все произведения этих лет проникнуты были гуманнейшими чувствами человека, для которого судьба обиженных не была безразличной, и это в то время, когда лично сам поэт пользовался широкой известностью, когда он без особого труда мог добиться славы и богатства. Для этого стоило лишь пойти на сделку с собственной совестью. Но Есенин предпочитал личную гибель такому позору. Он, как любящий сын, не мог отойти от постели больной матери, хотя и не мог помочь ей преодолеть тяжелый недуг. «Я пел тогда, когда был край мой болен», — скажет он впоследствии. А петь было не так-то просто. Туманное представление поэта о перспективах исторического развития, непонимание роли пролетариата в происходящей политической борьбе вели к неудовлетворенности жизнью и самим собой.

Лирический герой Есенина все больше начинает обнаруживать тяжелый душевный надлом, мешающий ему относиться к жизни так, как он относился к ней еще совсем недавно. «Устал я жить в родном краю», — вот вывод, к которому пришел поэт в 1916 году. Это было проявлением той ранней «утраты и усталости», о которой он потом скажет в «Письме к матери» и о которой умалчивало буржуазное литературоведение. Оно относило душевный надрыв поэта ко времени прихода советской власти, бесцеремонно искажая истинное положение дел. Факты говорят, что дореволюционная жизнь и творчество Есенина уже были отмечены драматизмом, истоки которого были связаны с неудовлетворенностью жизнью и жаждой жизни иной, красивой и гармоничной, путей к которой поэт не мог увидеть в те дни.

Великая Октябрьская социалистическая революция заставила Есенина воспрянуть духом. «Не будь революции, — писал он впоследствии, — я, может быть, так бы и засох на никому не нужной религиозной символике». Его стихи 1917—1918 годов проникнуты страстным революционно-романтическим пафосом. Он пишет «Небесного барабанщика», участвует в написании «Кантаты» и киносценария «Зовущие зори», пытается поэтически осмыслить великую преобразующую силу пролетарской революции в многочисленных поэмах. Он верит в наступление новых прекрасных времен. Видя, что крестьяне получили землю и политические права, он всерьез думает о наступлении «мужицкого рая» и прославляет его. Его лирический герой, еще недавно уставший, разочарованный и раздраженный, готовый повеситься на собственном рукаве, теперь преображается. «О, верю, верю, верю, счастье есть!» — восклицает он.

Но, как признавался поэт, революцию он принимал «с крестьянским уклоном»,

и это накладывало отпечаток на произведения, посвященные «празднику светлому». Хоть Есенин и писал: «Мать моя — родина, я — большевик», большевиком он не был. Он, по мнению А. В. Луначарского, хорошо и одухотворенно воспринимал лишь то, что содержало «элементы разинщины и пугачевщины», что было связано с разрушительными тенденциями революции. Созидательная роль революции, характер новой жизни ему были неведомы, как и большинству художников тех лет.

Это не замедлило сказаться на особенностях художественного воспроизведения великих исторических событий. Поэт, который умел в ярких реалистических картинах отражать несказанные поэтические тайны природы и проникнуть в тончайшие душевные настроения не только людей, но и животных, вдруг словно растерял свое мастерство, едва дело дошло до картин великого Октября. Он уподобляет происходящее событиям и фактам священного писания. Революция предстает у него в виде божественного «Преображения», «пасхи коммун», «светлого праздника». И это в то время, когда Есенин решительно отказывается от религии.

Чувства обеспокоенности вызвали у поэта проявившиеся после революции первые контуры новой жизни. Ему показалось, что ликвидация вековой отсталой деревни, наступление на нее «стального гостя» уничтожает исконную русскую поэтичность, что царство машин сомнет человека. Умом поэт принимает «стального гостя», но поэтическое начало в нем бунтует. Обращаясь к прищельцу, он говорит: «Наша песня с тобой не сживется». Вместе с тем ему не безразлично, кто будет петь эти «новые песни». Он пытается понять, что требует от человека новое время вообще, от поэта в особенности. Многое ему непонятно, многое пугает. Революционная дисциплина эпохи военного коммунизма воспринимается им особенно болезненно. Но временная слабость, раздумья поэта никогда не диктовали ему произведений злопыхательских, направленных против новой власти и правительства (а такие произведения в те времена появлялись не только за границей).

Коммунистическая партия под руководством В. И. Ленина много и терпеливо работала в те дни с художниками, не понуждала их к «перестройке» скоростными темпами, давала возможность каждому оглядеться и определить свое место «в рабочем строю».

Можно с уверенностью сказать, что болезнь роста, свойственную творческой интеллигенции тех лет, Есенин преодолел бы довольно скоро: он горячо любил родину и очень хорошо улавливал настроение народа. Но, к сожалению, слабостью поэта воспользовались те, кто думал не о судьбе России, а о своих корыстных интересах. Есенин со свойственной ему силой чувства свои настроения смятения и тоски по «Руси полевой» переливал в талантливые звучные стихи. Личные переживания поэта представали как боль и стон тысяч людей, надломленных происходящими событиями. И хотя это были натуры, заплутавшиеся в потемках, натуры, легко поддавшиеся панике, их эмоции не могли пройти незамеченными в «развороченном бурей быте». Стихи такого рода, при соответственной интерпретации, могли наделать много шуму и вызывать сенсацию.

Есенин попадает в объятия имажинистов, посредственных, но очень крикливых поэтов. Они объявляли себя независимыми ни от каких платформ, признавали первоосновой литературы художественный образ. Но в понятие образа не включали его жизненной основы, чрезмерно преувеличивая «свободу» художника на нормалистические трюки. «Шарлатанами, желающими морочить публику», именовал имажинистов А. В. Луначарский и предсказывал, что «действительно талантливые» члены этой «банды» скоро отойдут от нее. История подтвердила справедливость такого определения и прогноза.

Именно близость к имажинистам искусственно задержала на какое-то время идейно-творческое развитие поэта. Он был нужен этой «банде» как реклама, как крупное литературное имя (их-то собственный литературный вес был ничтожен). Поэтому они потрафляли слабостям Есенина, окружали «заботой» и соответствующим вниманием. В кафе «Стойло Пегаса», где происходили сборища имажинистов, поэт имел широкие возможности пользоваться всеми прелестями литературно-кабацкой богемы. Тут создавались многие стихи цикла «Москва кабацкая», тут мог поэт «читать стихи проституткам и с бандитами жарить спирт». Тут под пьяную руку ставил свою подпись под крикливыми «манифестами» «собратьев» и другими бумагами, содержание кото-

Электронная библиотека Алтайской краевой библиотеки. elibaltlib.ru

рых в корне не соответствовало убеждениям поэта. Так, обидевшись на Луначарского, обозвавшего имажинистов «шарлатанами», «мастера ЦК ордена имажинистов» в лице Мариенгофа и Шершеневича потребовали «выслать... за пределы советской России» членов группы, а также обязывали «критика Луначарского» принять участие в публичной дискуссии по имажинизму. Журнал «Печать и революция», опубликовавший это письмо в сентябре 1921 года, в том же номере поместил ответ Луначарского, который давал очередную убийственную отповедь поэтам, как бы нарочно «опаскудившим» свой талант. Он писал, что «критик Луначарский» не собирается участвовать ни в какой дискуссии, так как знает, что «такую публичную дискуссию господа имажинисты обратят еще в одну неприличную рекламу для своей группы». Что же касалось требований имажинистов выслать их за границу, то для Есенина такие «требования» выглядели дико и никак не соответствовали его натуре. Это подтвердили годы пребывания поэта за границей. Однако под требованием стоит и его подпись.

В том же 1921 году Есенин отошел от имажинистов, развенчав их антипатриотизм, самонадеянность и формализм в статье «Быт и искусство». Он писал: «У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласованно все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния».

Близость к имажинистам дорого обошлась поэту. Он и сам некоторое время не мог избавиться от вычурности образов, от излишней усложненной метафоризации (например, в драматической поэме «Пугачев»). Но он был очень большой поэт, и такую слабость преодолеть было в его силах. Хуже обстояло дело с издержками морально-психологического порядка. Нездоровая обстановка «Стойла», пьянство и скандалы меньше всего способствовали созданию высокохудожественных произведений. Лирическим героем Есенина стал московский озорной гуляка с легкой походкой и выцветающими от кабацкого дыма голубыми глазами. Однако высота эстетического идеала Есенина давала о себе знать даже при создании цикла «Москвы кабацкой». Он, хотя и поэтизировал порой хулиганство, не умел называть вещи своими именами. Кабак для него оставался «логовом жутким» и никак не Олимпом. В 1924 году, в стихотворении «Письмо к женщине», он скажет, что явился в кабак от полнейшей растерянности, непонимания того, «куда несет нас рок событий». Явился не за тем, чтобы с высоты обозреть мир, который был ниже его, а чтобы, «не страдая ни о ком, себя сгубить в угаре пьяном». Он не относил себя к числу людей «с опытной душой». Оттого-то столько грусти и раскаяния в словах о погубленных днях, когда поэт «себя растрачивал в скандалах».

Отъезд за границу в какой-то мере помог Есенину избавиться от вериг кабацко-богемного бытия, открыл перед ним новые горизонты, стал новым этапом в идейно-творческом становлении.

Мнения советских исследователей относительно заграничной поездки Есенина расходятся. Одни считают, что она помешала ему видеть, как в 1922—1923 годах брала разбег, набирала силы Русь советская. Другие, наоборот, считают, что поездка в значительной степени ускорила прозрение Есенина. Думается, что резон есть и в первом, и во втором мнении. Конечно, будь Есенин в те годы в России, он, подобно многим писателям, во многом бы разобрался, о многом бы переменил мнение. Но для этого требовалось переменить образ жизни. А своими силами он, пожалуй, едва ли бы это смог сделать. Заслуживает упоминания одно место из выступления А. В. Луначарского о Есенине, где говорится о страшном кризисе, пережитом поэтом перед отъездом за границу. Это было время, когда буквально ужас «сквозил в обращении к людям, которые его топят в водке, уже тогда появилась снова тоска по деревне, выступает сознание, что, может быть, он уже не нужен, вообще не нужен людям, которые строят будущее». Где уж тут было найти силы для мобилизации себя на борьбу за новую жизнь!

Новая фаза его идейной перестройки связана с пребыванием в странах Западной Европы и Америки. Удалившись от родины, он издалека по-новому увидел ее во всем величии грандиознейших планов и героических свершений. Это дало возможность по-новому оценить роль и значение Великой Октябрьской социалистической револю-

ции, раскрепостившей творческие способности трудового народа. Кроме того, знакомство со странами, где высоко развита была техника и уровень жизни был довольно высокий, заставило его по-другому взглянуть на «тележную Русь». Поэт «разлюбил нищую Россию», но зато «еще больше влюбился в коммунистическое строительство». Натура широкая и творчески активная, он легко представлял себе, каких успехов достигнет русский народ, народ-труженик, народ-поэт. Особенно эта уверенность окрепла, когда Есенин познакомился с духовными запросами и духовной жизнью буржуазного Запада. Его ужаснула нищета духа «цивилизованного мира», мещанская ограниченность и господство «господина доллара». В его письмах звучит гордость за свою принадлежность к семье великого советского народа. «Пусть мы нищие, пусть у нас голод... — пишет он, — зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненадобностью в аренду под смердяковщину».

Все чаще и чаще задумывается Есенин о своем месте в строительстве новой России. «Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах, — пишет он, — я близок им умом и надеюсь, что буду, может быть, близок в своем творчестве». Творить за пределами России Есенин не мог. Словно Антей, оторванный от матери-земли, был он творчески бессильным, оторвавшись от Родины. А. М. Горький в своих воспоминаниях о берлинских встречах с Есениным проникновенно рассказывал, каким чужим выглядел поэт на Западе, как неуютно ему там было. И как ни пытались враждебные силы удержать Есенина за границей, как ни стращали его ожидаемыми якобы в СССР репрессиями, он рвался домой.

«Хочу постигнуть в каждом миге коммуной вздыбленную Русь», — вот лозунг поэта для нового творческого, самого зрелого и плодотворного, этапа. Конечно, деятельность Есенина и в эти годы несла на себе неповторимый отпечаток личности поэта, и в эти годы давала пищу для кривотолков, но она была качественно иной, чем прежде.

Все, знавшие поэта раньше, замечали «ясную тягу к новому». В. Маяковский писал, что после возвращения Есенин «с некоторой завистью относился ко всем поэтам, которые органически спаялись с революцией, с классом и видели перед собой большой и оптимистический путь».

Все, написанное в 1924—1925 годах, говорит о том, сколь искренне и по-есенински душевно, воспринималось теперь поэтом недооцененное им в недавнем прошлом. Эстетический идеал его связан теперь с представлением о человеке, который знает цель жизни.

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Поэт словно торопится быстрее наверстать упущенное. В эти годы он работает лихорадочно, много и многого достигает. Он создает великолепные стихотворения-исповеди. Написанные в эпистолярной форме, они приобретали неповторимую лирическую прелесть и позволяли говорить о возрастающей тенденции поэта к эпическим обобщениям. В «Письме к женщине», «Письме к дедушке», «Письме к матери» поэт не только раскаивается в неумело прожитых днях, но и говорит о изменениях в стране и необходимости роста для каждого человека, чтобы не оказаться в своей стране иностранцем. Емкие реалистические образы этих произведений как бы вбирают в себя не только душевные переживания людей, но и самое существенное и запоминающееся из тех картин жизни, которые связаны с какими-то воспоминаниями. Так, в «Письме к женщине» возникает образ «земли-корабля», которую кто-то «в прямую гущу бурь и вьюг» направил твердой рукой. В «Письме к дедушке» — это картина поезда, который мог бы домчать старика до внука, но не сделает этого из-за недоверия старика ко всем новшествам, «перевернувшим жизнь».

Внимательно всматривается поэт и в свою любимую родину. В стихотворениях «Русь советская», «Русь уходящая», «Русь бесприютная» и в некоторых других встает движущаяся панорама России с ее горестями и радостями. Она как бы проходит через сердце и разум поэта. Для него нет пустяков на родной земле. Он радуется, видя, как изменяется деревня, как растет новое поколение людей, упорно шагающих к

своей цели. Ему тоже бы хотелось, «задрав штаны, бежать за комсомолом», быть в гуще строителей нового. Называя себя «самым яростным попутчиком» новой жизни, он предъявляет к себе высокие требования полноправного гражданина СССР:

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном —
В великих штатах СССР.

Как поэт-гражданин он в эти годы пытается осмыслить и поэтически воплотить образ того, кто был величайшим сыном Советской России — Владимира Ильича Ленина. В неоконченной поэме «Гуляй-поле» он с нежностью и теплотой раскрыл душевные качества великого вождя. «Застенчивый, простой и милый», Владимир Ильич олицетворял, то лучшее, что было в представлениях людей о герое новых времен. Подбором слов, способных раскрыть «обыденность» многих поступков Ленина, Есенин особенно выделял человечность вождя, умение его понять нужды миллионов, быть для них родным человеком и учителем. Но, великолепно разобравшись в обаянии личности Ильича, его величии как сердцеведа и друга миллионов, поэт чистосердечно признается в бессилии ответить на вопрос: «какою силой сумел потрясть он шар земной». Ответ на этот вопрос позднее дал другой поэт той же эпохи — Владимир Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин».

В этот период поэт уже считает возможным говорить о событиях Октября, вожде пролетариата, народе и себе самом в одном произведении, достигая при этом подлинно эпического размаха и сохраняя лирическое проникновение в души и настроения действующих лиц. Поэма «Анна Снегина» — одно из таких замечательных произведений. В ней лирический герой — поэт, посетив деревню после февраля 1917 года, становится свидетелем важнейших событий в жизни земляков. Вчерашние забитые крестьяне начинают осознавать великие революционного переворота и с оружием в руках борются за свои права. Теперь это не безликие, отвлеченные схемы, совершающие святой обряд «Преображения» земли, а обычные мужики, разные по характерам, склонностям, мере напористости. На страницах поэмы оживают картины крестьянских сходов, споров и столкновений с местной помещицей Снегиной. Дочь помещицы Анна когда-то была для лирического героя «девушкой в белой накидке» и с ней связаны были самые заветные воспоминания юности. Водораздел революции развел в разные стороны этих людей, встретившихся в деревне в те грозные дни. «Вечное» чувство — любовь тоже оказалось зависящим от происходящих в стране событий.

Будучи поэтом-лириком, Есенин в произведениях 1924—1925 годов как бы запечатлел ветер суровой эпохи классовых битв и великих потрясений. В «Песне о великом походе», «Поэме о 36» и других произведениях тех лет он передавал не только знаменательнейшие события, но прежде всего раздумья о родине и народе. Эти раздумья передают те волнения, тревоги и ожидания, которыми жили современники. Это — неповторимые документы человеческих настроений, вызванных грандиозной ломкой старого мира и построением нового.

Поэт спешил. Он много ездил по стране, много видел, о многом думал. Многочисленные лирические произведения тех лет, как зеркало, отражают сложнейшие настроения Есенина, его ненасытную жажду больше видеть, знать, поэтически осмыслить. Вот поэт на земле Азербайджана. Лира его настроена на восточный лад. Она звучит так и в «Балладе о двадцати шести» и во многих других произведениях. Ни разу не побывав в Персии, он пишет вдохновенные стихи, вошедшие в цикл «Персидских мотивов». Поэту по плечу размах границ родины, ему по силам оценка красоты и грандиозности жизни в Союзных республиках. «Товарищем по чувствам и перу» стал Есенин литераторам разных республик и областей Советского Союза. В послании грузинским поэтам он писал:

И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,

Электронный архив библиотеки Северо-Осетинского государственного университета http://elib.ossu.ru/vibalt/lib.ru

Поддавшись чувствам
Человечьим.

Трудно сказать, сколько замечательных произведений создал бы еще поэт, поживи он чуть дольше. Но дни Есенина были сочтены. Те мрачные силы, которые отразляли ему жизнь раньше, превратились со временем в тяжелый недуг. Бороться с ним поэту стало не под силу. Лирические произведения последних лет лучше всяких статей говорят сами за себя. В них отражена кривая душевного состояния Есенина. Вот он с любовью и восторгом рассматривает щенка, как две капли воды похожего на свою мать. Щенок напомнил поэту молодые годы, заставил пережить вновь волнующие минуты юности («Сукин сын»). Вот, глядя на грустную осеннюю картину, поэт размышляет о прожитых годах и, никого не кляня, хочет, чтобы и закат человеческой жизни был бы так же поэтичен, как и величавое умирание природы («Отговорила роща золотая»). Совсем по-пушкински рассуждает Есенин, собираясь «в ту страну, где тишь и благодать». Любя все, что «душу облекает в плоть», он счастлив тем, что жил на земле с людьми, счастлив любовью ко всему живому:

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве.
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Временами настроения молодой удали подсказывали поэту и такие размашистые стихи, как «Эх вы, сани!..», «Клен ты мой опавший» и другие. Но поэт все больше начинает ощущать конфликт с самим собою. Сколь мучительно переживал он его, можно судить по поэме «Черный человек». В ней отражена трагедия последних дней Есенина. Он хотел петь красивые, звонкие песни, но вместо этого часто из уст его вылетали звуки «песни хриплой и недужной». За нее стыдно становилось позднее. Предельно честный перед собой и людьми, он был далек от самодовольства и с горечью сокрушался:

Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Образ «прескверного гостя» был олицетворением того мерзкого и мрачного, что связывало поэта с прошлым. А в жизни это прошлое часто представало в виде «друзей» — собутыльников, метко названных Б. Лавреневым «стервятниками и паразитами». Им было нужно «какое-нибудь большое и чистое имя, прикрываясь которым можно было удержаться лишний год на литературной поверхности, лишний час поцарствовать на литературной сцене ценой скандала, грязи, похабства, ценой даже чужой жизни». Они, как призраки отвратительного прошлого, цеплялись за поэта, мешали ему работать и жить. Спасаясь от них, он едет в Ленинград. Но и там они его не оставляют в покое. Развязка наступила в декабрьскую ночь 1925 года. Поэт ушел из жизни.

И тут же те самые, которые толкали Есенина в пьяный разгул, закричали о том, что смерть поэта — вызов советской власти, что он ушел из жизни, не принимая Русь советскую и т. д. На свет появился термин «есенинщина» как поэтизация упадочничества и хулиганства, как богемно-пессимистическое отношение к жизни. По меткому замечанию А. В. Луначарского, «есенинщину» в годы нэпа кое-кто пытался сделать своеобразной идеологией упадочнического настроения среди молодежи.

В. Маяковский, А. М. Горький, Н. Асеев, Б. Лавренев, Л. Леонов и многие другие советские писатели выступили в защиту Есенина. Они доказали, что не с будущей, а с прошлой Россией поэт находился в конфликте; что он был не выше, а во многом ниже современной ему действительности, тяжело переживал это и хотел жить по-иному. А. В. Луначарский писал, что Есенин-поэт страстно хотел преодолеть безвыходное крушение. «Он решил: пороки сильнее меня, они убивают во мне поэта, хотят превратить меня в обывателя, который коптит небо, или в окончательного кабацкого пьянчужку, который когда-нибудь, потеряв все, будет стоять на углу и просить гривенничек на выпивку. Нет. Я убью их, потому что во мне еще жив, еще силен поэт. Есенин хотел жить, как настоящий человек, или не жить вовсе».

Электронная библиотека РИНБ, elib.rinb.ru

В. Маяковский в стихотворении «Сергею Есенину» и статье «Как делать стихи» разоблачил тех, кто пользовался смертью поэта в своих корыстных целях. Он призывал истинных друзей Есенина обрушиться на всех «опошливающих есенинскую работу, тем более что они опошливают и всякую другую, за которую бы ни взялись».

Советское литературоведение сделало много для раскрытия читателю Есенина во всей его сложности и противоречивости, а народ сам во многом «отредактировал» литературное наследие поэта, выбрав из него то, что составляло силу поэта и вошло в золотой фонд советской культуры.

Сегодня, когда Есенину исполнилось бы 70 лет, многие задают вопрос: в чем же секрет неувядаемого обаяния его поэзии? Возросшие духовные запросы советских людей не мешают открывать в стихах этого вдохновенного певца России что-то новое, ранее не известное, дающее пищу для ума и сердца. Многие объясняют это незаурядной талантливостью поэта, силой его чувства и совершенством его поэтической выразительности. Об этом писали все, близко знавшие поэта, слышавшие его хоть раз. Так, Алексей Толстой, сам человек большого таланта и щедрой души, видел в поэзии Есенина разбросанные обеими пригоршнями сокровища души поэта. А. М. Горький писал в своих воспоминаниях: «Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком».

Время показало, что любовь поэта ко всему, что было заслужено человеком, никогда не была созерцательной. Есенин никогда не писал стихи «по поводу». Он обращался к поэзии лишь тогда, когда событие его волновало, когда надо было «душу выплескать в словах». Он был поэтическим выразителем настроений миллионов в один из сложнейших периодов истории, когда «все переворотилось и только укладывалось». В этих условиях даже самое талантливое произведение без ясного представления автора о происходящих событиях и без четкого идеала напоминало компас без стрелки. Оно не имело определенной цели и адресата. Такие стихи могли удовлетворить себялюбивую, самонадеянную посредственность, но не такого большого поэта, как Есенин.

Листая страницы жизни Есенина, видишь, как выстрадан был им путь от «Руси полевой» через «Москву кабацкую» к «Руси советской», какой ценой достался он поэту. Знакомясь с этапами этого пути, понимаешь, какой напряженной жизнью жил талантливый художник, до боли сердечной требовательный к себе, враг компромиссов и сделок с совестью. Каждая из страниц идейно-поэтического становления Есенина позволяет видеть в поисках и сомнениях, срывах и творческих удачах не только факты его биографии. В них, как солнце в капле воды, отражается много общеинтересного, поэтически волнующего, исторически неповторимого для наших современников. Биение пульса трепетной души поэта чувствуется на каждой странице, влечет к себе умы и сердца читателей. Поэтическое наследие Есенина учит любви к родине, любви требовательной, активной и юношески нежной. Каждое поколение находит в них для себя что-то новое и интересное. Поэт застрахован от того, чтобы слыть певцом лишь «прошлой» жизни России. Его поэтическая клятва волнующе прекрасна и связана со светлым будущим любимой Отчизны:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким Русь.

Электронная библиотека

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

С. Пахаев

КОНЕЦ ОДНОЙ БЕССЛАВНОЙ АВАНТЮРЫ

судьба авантюриста

Борьба трудящихся Горного Алтая за власть Советов проходила в неразрывной связи с борьбой народных масс всей страны. Она знаменательна такими яркими незабываемыми событиями, как героическая борьба красногвардейцев с белочехами и внутренней контрреволюцией, восстание крестьян осенью 1918 года против Временного сибирского белогвардейского правительства за восстановление Советской власти, массовое партизанское движение во второй половине 1919 года против колчаковщины.

Одной из важных побед трудящихся Горного Алтая в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны является разгром сатунинской банды.

Кто такой Сатунин? Когда и каким образом он очутился в Горном Алтае?

Штабс-капитан Сатунин победу Великой Октябрьской социалистической революции встретил враждебно. Однако ему удалось примазаться к советской экспедиции, направленной в Монголию для закупа скота, и он весной 1918 года прибыл в Горный Алтай. Прослышав о выступлении белочехов в начале мая 1918 года, он в пограничном селе Кош-Агач поднял мятеж против Советской власти. Захватив ценности монгольской экспедиции, на эти средства организовал карательный отряд численностью до 100 наемников и двинулся обратно по Чуйскому тракту.

Кровавый след тянулся за карателями. Совдепы повсеместно были разогнаны. Причем, их ликвидация сопровождалась массовыми порками, расстрелами и другими зверствами.

6 июля 1918 года, явившись в Онгудай, Сатунин произвел аресты, расстрелы и массовую порку сторонников Советской власти. Руководители «Союза фронтовиков» Петр Елистратов, Силантий Щербаков, Николай Зятьков, Андрей Семенов и другие после издевательств были отправлены в Улалу (ныне Горно-Алтайск), а затем в бийскую тюрьму. По приказанию Сатунина 76 семей сторонников Совдепа должны были в трехдневный срок выехать из Онгудая, бросив свои жилища и имущество.

14 июля Сатунин с отрядом прибыл в Улалу — тогдашнюю «столицу» Каракорума, занял почту и телеграф. Сменив караулы у арестных домов, отдал приказ перепороть всех заключенных розгами. По словам самого палача, порке подверглось 90 человек. На другой день каратели выехали в обратный путь, забрав с собой 10 человек из числа арестованных. В селе Шебалино 9 из них были расстреляны. В том числе: председатель Улалинского Совдепа И. И. Некоряков, руководитель подпольной группы в селе Улала И. М. Попов, красногвардейцы отряда Плетнева: С. К. Светоносов, П. М. Лучкин, Н. И. Копылов, В. П. Сараев, М. Д. Поздняков, В. П. Березиков и Г. Е. Марков. Как сообщала бийская газета «Думы Алтая», «население терроризировано Сатуниным и скрывается где попало, жители боятся ночевать дома».

Электронный архив АГУНБ, elibaltlib.ru

Сатунин хотел расправиться со сторонниками Советской власти в Катанде, Усть-Коксе и других селениях Уймонской долины. Однако посланный им туда отряд карателей попал под огонь засады уймонцев и был разоружен. Позднее с этим оружием уймонцы сражались против колчаковцев.

Старшему поколению горноалтайцев Сатунин известен прежде всего как каратель. Между тем, выявленные в архивах документы характеризуют его как военного авантюриста, всплывшего на поверхность из глубин белогвардейского подполья. Ему хорошо были известны решения Улалинского съезда каракорумцев в марте 1918 года, в частности, об образовании буржуазной республики «Ойрот» и об организации народной гвардии во главе с атаманом. Он прекрасно понимал буржуазно-националистическую сущность Каракорум-Алтайской окружной управы и ее политику.

Мечтая стать «главнокомандующим» и «князем» Алтая, этот проходимец присвоил себе титул «атамана народной армии». В своих карьеристских целях он усердно поддерживал и разжигал националистическую пропаганду каракорумцев об изгнании всего русского крестьянства из Горного Алтая. Разумеется, при этом он имел в виду сторонников советской власти, а не зажиточную часть русского населения: торговцев, кулаков, мараловодов, поддержавших белогвардейцев.

С тем, чтобы привлечь на свою сторону местную байско-националистическую верхушку и заручиться ее поддержкой, Сатунин объявил себя «спасителем» «инородческого» населения. Поддерживая каракорумский лозунг «Алтай для алтайцев», он стремился возглавить националистическое движение, конечной целью которого была буржуазная автономия Алтая.

Сложившуюся политическую обстановку в начале гражданской войны в Сибири Сатунин решил использовать для захвата власти в Горном Алтае. В этих целях он в Онгудае организовал так называемый «Алтайский центральный военный совет», включив в него некоторых членов Каракорумской управы. Сконструировав таким образом на Алтае «центральный» орган власти, Сатунин пытался привлечь на свою сторону членов «Каракорум-Алтайского военно-революционного комитета», сформированного еще весной 1918 года в селе Улала белогвардейскими офицерами во главе с подполковником Катаевым. Но последние, всецело поддерживавшие Временное сибирское правительство, не пожелали признать Сатунина.

Еще будучи в Улале, Сатунин объявил автономию Алтая и потребовал от Временного сибирского правительства передачи всей власти на Алтае военным организациям.

Сатунин имел связь с забайкальским палачом Семеновым — ставленником иностранных интервентов. Касаясь этих связей, та же бийская газета «Думы Алтая» сообщала, что в отряде Сатунина находится сотник Шустов, «забайкальский казак, командированный на Алтай есаулом Семеновым». Этот факт говорит о том, что Сатунин был одним из пособников Семенова и его иностранных покровителей. Это лишний раз свидетельствует о связях внутренней и внешней контрреволюции и их стремлении оторгнуть от Советской Республики Горный Алтай.

О намерениях Сатунина стало известно Временному сибирскому правительству. За сепаратистские действия, а также отказ выполнить приказ военных властей о движении с отрядом на станцию Тулун «для борьбы с большевистской властью», Сатунин был объявлен «военным мятежником». Оказавшись без поддержки, он с частью своего военного отряда возвратился в Кош-Агач, где вскоре был арестован.

Вот что сообщает в своих воспоминаниях писатель А. Олепич-Гнененко, который находился в 1918 году в Омской тюрьме. «Уже в конце сентября на гауптвахте среди арестованных появились два новых офицера — штабс-капитан Сатунин и корнет Лебедев.

Оба они были привезены с Алтая. Каждый из них создал в горных районах нечто вроде самостоятельного государства, не признававшего никакой иной власти, кроме их собственной. Они опирались на феодально-националистическую верхушку алтайцев и на русских купцов и кулаков. В своих феодах они творили такие неслыханные зверства, что даже белое Сибирское временное правительство... вынуждено было выслать против них целую военную экспедицию...

Офицерское отделение, за исключени-

ем нескольких человек, представляло собой моральные отбросы гауптвахты. Там было беспрерывное массовое пьянство, карточная игра, буйные ссоры и драки... Проходя во двор через караулку, как-то раз я видел в открытую дверь офицерского отделения, как, допившись до белой горячки, штабс-капитан Сатунин и корнет Лебедев вскочили на верхние нары и голые бегали по ним в погоне друг за другом.

Лебедев, ударяя горильей рукой в мохнатую грудь, рычал:

— Я запорол девяносто большевиков! Я — бог Алтая!

А Сатунин, карлик ростом, захлебываясь от визга:

— Какой ты бог Алтая? Ты — мальчишка и дерьмо! Я двести красных повесил вот этими руками. Бог Алтая — я!

Так они утверждали свои права на это кровавое звание, пока собутыльники не навалились на них скопом и, избив до бесчувствия, не связали обоих «богов».

Из-под ареста Сатунин был освобожден после обещания белогвардейским властям доказать свою верность в борьбе с Советской властью. Он был направлен на Семиреченский фронт.

В Горном Алтае Сатунин вновь появился в декабре 1919 года во время отступления колчаковцев в Монголию.

Как только Бийской группе колчаковцев стало известно о невозможности дальнейшей обороны Новониколаевска и Барнаула, они спешно стали готовиться к эвакуации. В ночь на 9 декабря 1919 года улицы города были заполнены сотнями подвод, загруженных оружием, боеприпасами, продовольствием, фуражом Бийского гарнизона. К 5 часам утра все отряды под общим командованием начальника гарнизона штабс-капитана Попова оставили город. Колчаковцы увозили за границу 360 пудов серебра, до тысячи пудов муки, 250 тысяч патронов и 1000 винтовок. Они имели намерение прозимовать в Монголии, а с наступлением лета двинуться на восток через Ялысутай и Ургу в Шанхай, чтобы купить пароход и уехать на юг России к Деникину.

Чуйский тракт в конце 1919 года был забит тысячами подвод. Вместе с войсками удирали за границу купцы, кулаки, реакционное чиновничество и духовенство. «Бежали все, — говорилось в воззвании Бийского комитета РКП(б) от 9 декабря 1919 года, — и власть военная и власть гражданская — все эти чины полиции (милиции), охранники, провокаторы, шпионы; словом, бежала вся свора колчаковская. Об этом же указывалось в сообщении Информационного отдела при штабе Горно-Алтайской партизанской дивизии И. Я. Третьяка: «Из Бийска вся буржуазия, вернее, сторонники Колчака, выехали и держат путь на Алтайское и далее на Чуйский тракт. Через Красный Яр проехало около одной тысячи подвод беженцев».

В длинном потоке подвод находился и обоз карателя Сатунина. Отступив со своим отрядом головорезов из Семипалатинска в Бийск, он привез с собой 4 горные пушки, разное другое военное снаряжение и неосуществившуюся свою тщеславную мечту стать правителем Горного Алтая. Еще перед выездом из Бийска Сатунин направил телеграммы в несколько волостных центров по Чуйскому тракту (Алтайское, Шебалино, Онгудай, Кош-Агач), в Улалу и персонально Аргымаю Кульджину, одному из крупнейших баев Горного Алтая, проживавшему в Теньге. В тексте указывалось, что он, якобы, имеет приказ от самого Колчака «спасти Алтай». Для этого он предлагал формировать дружины, которые намеревался привести в «военный порядок». С тем, чтобы заручиться поддержкой байско-националистических элементов, он обещал «пожаловать награды инородческим вождям» и извещал, что ведет им своих «славных орлов», т. е. отряд карателей.

Сатунин стремился объединить и возглавить все контрреволюционные силы, сгруппировавшиеся в Горном Алтае, и не допустить здесь восстановления Советской власти.

Нагнав отряд штабс-капитана Попова в Улале, Сатунин предъявил документы «на право формирования партизанского отряда на Алтае для борьбы с красными», якобы выданные Колчаком. Ему удалось присоединить к себе некоторые подразделения Бийского гарнизона. Однако большая часть отряда Попова, признав документ подложным, отказалась подчиниться. В Онгудае Попов созвал офицерское собрание, которое также высказалось против подчинения Сатунину. Собрание решило созвать «Алтайскую

областную управу» и вручить ей «верховную власть». Представителем в нее от колчаковских войсковых частей, отступивших в Горный Алтай, был избран прапорщик Кайгородов. Последний оказал Сатунину активную поддержку.

При помощи Кайгородова, а также посредством репрессий, подкупа и лживых обещаний, Сатунину удалось подчинить себе большую часть отрядов. За эту услугу прапорщик Кайгородов был произведен Сатуниным в чин подъесаула и назначен командиром Чуйского полка. Сатунин, Кайгородов и другие колчаковские офицеры хотели, укрепившись в Горном Алтае, превратить его в плацдарм для борьбы с Советской властью. В этих целях они провели реорганизацию своих отрядов, начали проводить мобилизацию.

Однако все эти меры не спасли от крушения отребья колчаковщины в Горном Алтае. С каждым днем усиливалось разложение отрядов Сатунина. Под влиянием большевистской пропаганды в среде солдат возникли заговоры против кровавого палача и его подручных. В середине декабря солдаты учебной команды численностью до 400 человек, достигнув д. Хабаровки, подняли мятеж. Глубокой ночью, когда офицеры собрались на отдых в свой штаб, «учебники» забросали их гранатами. Арестовав оставшихся в живых офицеров, они повернули в обратном направлении. Для преследования восставших колчаковцы выделили наиболее надежные силы из белоказаков. Отражая их натиск, солдаты спешно уходили на север. Поднявшись на Семинский перевал, они свернули с Чуйского тракта на запад, по дороге на Бешпельтир-Баргаш. Им было хорошо известно, что впереди по тракту в Топучей, Шебалино, Черге находятся другие отряды Сатунина, которые могли их разбить. Остановившись в д. Бешпельтире, они установили связь с партизанами 2 полка и добровольно сдались им в плен. «Учебники» передали партизанам большой обоз с оружием, боеприпасами, продовольствием и военным снаряжением.

В ликвидации сатунинской авантюры большая заслуга принадлежит партизанам Горного Алтая. Как известно, партизанская дивизия под командованием коммуниста Ивана Яковлевича Третьяка и начальника штаба Владимира Степановича Зырянова 9 декабря 1919 года соединилась с партизанской армией Е. М. Мамонтова, действовавшей в степной части Алтая. Через несколько дней штаб дивизии установил связь с командованием 26-й краснознаменной Златоустовской стрелковой дивизии 5-ой Красной Армии.

После успешных операций на Бийской линии казачьих станиц и форпостов части горноалтайских партизан были направлены на ликвидацию колчаковских войск, отступивших в горы.

Перед партизанами 2-го полка была поставлена боевая задача перехватить Чуйский тракт на участке Топуча-Теньга. 1-й полк должен был двигаться по Уймонскому тракту до Катанды, затем, спустившись вниз по Катуни, выйти на Чуйский тракт в районе верхней паромной переправы у села Усть-Иня. Однако 1-й полк, сдерживаемый заставами противника, не смог далеко продвинуться. Что касается 2-го полка, находившегося под командованием Семена Голышева, то он свою задачу осуществил блестяще.

Значительно пополнившись вооружением и боеприпасами за счет перешедших на их сторону солдат учебной команды, партизаны 2-го полка 23 декабря 1919 года смелым маневром окружили деревню Топуча и разгромили колчаковский отряд, до 120 солдат и офицеров.

В результате топучинской операции Чуйский тракт был партизанами перехвачен. Отряды Сатунина, находившиеся в Чемале, Черге и Шебалино, оказались отрезанными от главных сил. Противник сумел вырваться из окружения лишь с большими для него потерями.

В первых числах января 1920 года 2-ой партизанский полк из Шебалино двинулся по Чуйскому тракту на Онгудай. Под нажимом партизан противник отступил. Политработник 26-й дивизии Ангаров, прибывший для проведения массово-политической работы среди партизан, 5 января 1920 года из д. Хабаровки сообщал: «Сейчас нахожусь с тов. Третьяком на передовой линии фронта с отрядами Сатунина, который с обозами двигается на Кош-Агач. Активных действий сейчас не принимаем, т. к. направленный в обход 1 полк гор. дивизии должен на Усть-Чуе их перехватить... Сатунина, по сведениям, полученным от перебежчиков, в Монголию не пропускают. Есть надежда на восстание в его в/частях, т. к. настроение там весьма плохое».

Последние предположения оправдались. Вскоре стало известно, что Сатунин в урочище Едро был смертельно ранен солдатами, отказавшимися уходить с ним за границу. Эту весть партизаны встретили словами: «Собаке собачья смерть!»

Преемником Сатунина вначале был полковник Елачич, затем прапорщик Кайгородов. Их попытка превратить Горный Алтай в плацдарм для борьбы с Советской властью также потерпела крах.

Части 78-й бригады 26 дивизии, сменившие на фронте партизан, в апреле 1920 года вышли к советско-монгольской границе, очистив весь Горный Алтай от колчаковцев. Советская власть повсеместно была восстановлена. Гражданская война в Горном Алтае победоносно закончилась.

Трудящиеся Горного Алтая не поддержали антинародную котрреволюционную «программу» каракорумцев и Сатунина по отделению их родной стороны от Советской Республики и создания «самостоятельного» буржуазного государства.

Эта «программа» была глубоко антинародной, чуждой настроениям и интересам народных масс.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.aslib.ru

НОВЫЕ КНИГИ АЛТАЙСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Г. КОМРАКОВ. **ПРОЩАЙ, ГАРМОНЬ!** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 120 стр. Цена 36 коп.

Был веселый, разбитной парень — Ромка. И была у него гармонь. Пел Ромка песни, играл для своих товарищей — плотогонов, и не было у него друга милее, чем его гармонь. Но пришел день — и товарищам стыдно стало за Ромку, потому что позволил он себе скверный поступок по отношению к людям, которые сделали им всем добро. С лучшим своим другом — гармонью — расстается Ромка, чтобы хоть как-то загладить свою вину.

Таково, коротко, содержание одного из рассказов первой книжки молодого автора. Сюжеты рассказов Г. Комракова взяты им из жизни. Это рассказы о честности, о мужестве, о преодолении пережитков прошлого, об утверждении новых отношений между людьми.

П. МАШТАКОВ. **РЕМЕСЛО И РОМАНТИКА.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 80 стр. Цена 16 коп.

Первая книжка стихов Павла Маштакова — «Лучи в борозде» — вышла в 1962 г. и сразу же получила признание читателей.

Павел Маштаков — бывший столяр, он пришел в поэзию с лесов новостроек. И неразрывная связь с теми, кто обедает «на блоках бетонных», покидает тепло «отцовских крыш», выбирает дальние и трудные маршруты жизни, — связь с ними ощущается в каждом стихотворении нового сборника поэта. Недаром в стихотворении «Я — строю» он пишет:

Мне дорого все! И писать, и строить.
Я с детства со стройкой сросся душой.
И, если мой стих признания стоит,
Значит, со стройки я не ушел.

И. КОЖЕВНИКОВ. **СИБИРЯЧКА.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 312 стр. Цена 67 коп.

Председатель еланского колхоза «Счастливый пахарь» Захар Полушников привык довольствоваться малым, не любит лишних хлопот. Государственные планы колхоз

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

выполняет, трудоднем колхозники довольны — и Полушников успокоился. Но есть в колхозе люди, которые основную цель жизни видят не в собственном благополучии. «В Счастливом пахаре» достаточно рабочих рук, но мало земли; в соседнем колхозе много земли, но мало людей. Возникает план слияния двух колхозов. Пусть станицы временно потеряют в заработке, зато страна будет получать больше продуктов. Идею эту подала Даша Ярыгина — дочь первого председателя артели, зверски убитого кулаками. Студентка-заочница сельскохозяйственного института, кандидат партии, человек кипучей энергии, она не может принять узких житейских норм Полушникова.

Этот конфликт — конфликт между устоявшимся укладом жизни и стремлением взорвать этот уклад, внести в жизнь что-то новое, более высокое, и лежит в основе романа И. Кожевникова.

Л. МЕРЗЛИКИН. **РОССИЯ.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 80 стр. Цена 10 коп.

«Россия» — вторая книга стихов молодого поэта. (Первая — «Купава» — вышла в издательстве «Молодая гвардия»). В ней собраны стихи о любви к Родине, о ее героическом прошлом и прекрасном настоящем, о наших простых людях, их делах и думах. Поэзии Л. Мерзликина свойственно бодрое, жизнерадостное мироощущение. Стихи его отличаются емкостью, звучностью, точностью слова.

Б. КАУРОВ. **РЯДОМ С НАМИ.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 152 стр. Цена 40 коп.

В книгу включены документальная повесть «Проселки выходят на большак» — о Героях Социалистического Труда Н. Н. Буханько — председателе колхоза «Страна Советов», прославленном бригадире из этого же колхоза А. А. Беккере, очерк об одном из организаторов первых коммун на Алтае Жестовском, который привез в коммуну трактор, подаренный В. И. Лениным. В книге есть еще один очерк — о председателе колхоза «Родина» Шипуновского района Герое Социалистического Труда Ф. М. Гринько.

Автор хорош знает своих героев и рассказывает о них интересно, в яркой художественной форме.

В. ЧИЛИКИН. **В ПАУЧЬИХ ЛАПАХ.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 240 стр. Цена 53 коп.

В романе рассказывается о черных делах секты «истинно православных христиан». На совести ее главарей — Пал Палыча и Геласия — много тяжких преступлений. Во время войны они переметнулись в стан врага, а теперь действуют иным путем, втягивая людей в липкую паутину религиозного фанатизма. В книге отражена борьба атеистов против влияния сектантов, показывается, как под ударами новой жизни расшатываются и низвергаются религиозные устои, как торжествует разум.

Л. КВИН. **ЗВЕЗДЫ ЧУЖОЙ СТОРОНЫ.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 316 стр. Цена 69 коп.

Лейтенант Советской Армии Мусатов во время войны приходит на венгерскую землю с оружием в руках. Здесь его ждут неожиданные и тяжелые испытания. Он оторван от своих в чужой стране, среди врагов, сопровождаемый человеком, про которого тоже неизвестно, друг он или враг. Много испытал Мусатов, прежде чем снова попал к своим. Зато теперь он знает, что есть светлые звезды и темном ночном небе чужой стороны. Не они ли, эти звезды, в трудное время указали ему верный путь?

Электронная библиотека АКУНБ elib.altlib.ru

В. ЗЕЛЕНСКИЙ. **РОДНЫЕ МЕСТА.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 96 стр. Цена 16 коп.

О людях, своим трудом украшающих алтайскую землю, рассказывается в первой книге очерков Виталия Зеленского. Эти очерки — результат впечатлений, наблюдений, раздумий автора за годы его журналистской работы в степных районах края. Автор поднимает острые проблемы развития сельского хозяйства, благоустройства села, с любовью говорит о своих родных местах, о друзьях и земляках-хлеборобах Алейской степи и Кулунды.

В. КУКЛИН. **КОСТРЫ ПОХОДНЫЕ.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 100 стр. Цена 16 коп.

В повести, рассчитанной на детей среднего и старшего школьного возраста, рассказывается об увлекательном путешествии группы ребят на Телецкое озеро, об их дорожных приключениях.

И. ФРОЛОВ. **ЛЕСНЫЕ ДОКТОРА.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 56 стр. Цена 8 коп.

Книжка покойного алтайского поэта Ивана Фролова ответит детям на многие вопросы. Они узнают немало интересного о родной природе, о жизни зверей и птиц, познакомятся с интересными алтайскими легендами.

М. ЮДАЛЕВИЧ. **АНДРЕЙКА, МАЙЯ И ДРУГИЕ.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 76 стр. Цена 30 коп.

В сборнике публикуются несколько стихотворений для детей младшего возраста и небольшая повесть «Андрейка на целине».

В. КРИВОЛАПОВ. **ЧУДЕСНЫЙ ЗВЕРИНЕЦ.** Алтайское книжное издательство. Барнаул, 1965 г. 16 стр. Цена 15 коп.

Книжка-картинка знакомит малышей с обитателями зоопарка.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Содержание

Иван Кудинов. ...Возможна гроза. Повесть 3

Знакомьтесь, поэты Горного Алтая. **Аржан Адаров.** Моя песня. **Константин Козлов.** Последний поход. **Лазарь Кокышев.** Кубинка. Встреча на берегу. **Сазон Суразаков.** Родине. **Георгий Кондаков.** Свет твоих вершин. **Эркемен Палкин.** Саадак. Ночь стоит в Подмосковье. **Владимир Башунов.** Если мне уезжать отсюда. Ветки с почками чуть дрожат. В осеннем парке . . . 54

Александр Демченко. В краю легенд. Очерк 74

Н. Кожевников. Отец и сын. Документальный рассказ . . 84

А. Карпова. Алтайский художник Н. Иванов 89

В. Соловов. Голубое перо. Рассказ 90

А. Плотникова. Поэт русский, звонкоголосый 93

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

С. Пахаев. Конец одной бесславной авантюры 103

Новые книги Алтайского книжного издательства 108

Электронная библиотека АГУНБ, elib.altlib.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Баздырев (и. о. редактора), **Н. Дворцов, И. Казанцев, Л. Квин, И. Пантюхов, В. Сергеев, В. Сидоров, М. Юдалевич.**

Обложка художника **А. Щебланова**

На обложке фрагмент картины художника **Н. Иванова** «Алтайское лето»

Художественный редактор **В. Раменский**
Технический редактор **М. Сафонова**
Корректор **С. Карпова**

Сдано в набор 10. XI. 1965 г. Подписано к печати 8. XII. 1965 г. Формат $70\times90^{1}/_{16}$—7=8,19 усл. п. л. (8,10 уч.-изд. л. + 2 вкл.). АГ 00597. Заказ 2890. Тираж 5000 экз. Цена 40 коп.

Алтайское книжное издательство. Барнаул, пр. Ленина, 76.
Типография № 1 Управления по печати, Барнаул, ул. Л. Толстого, 29.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru